

A black and white illustration of a person from the chest up, wearing a dark leather jacket over a black t-shirt. The person has long dark hair and is holding a thin chain with both hands, which hangs down towards the bottom of the frame. The background is a dark, textured purple with faint, repeating patterns of eyes and floral motifs.

МИККИ ХОСТ

САЛЬВАТОРЫ
КНИГА I

МИР
КЛЯТВ
И
КОРОЛЕЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Микки Хост

Мир клятв и королей

«Автор»

2026

Хост М.

Мир клятв и королей / М. Хост — «Автор», 2026

Четверо сальваторов — избранных магов, связанных с созданиями самих богов, — должны были остановить вторжение демонов, но один из них предал всех и позволил Сигриду сгинуть в хаосе. Выжившие бежали на Землю и основали Коалицию, где двести лет скрывались среди обычных людей, защищая их от демонов и ища утерянную магию сальваторов. Пайпер Сандерсон — первая из нового поколения, в которой пробуждается Сила Лерайе. Её магия растёт, и вместе с ней приходят чужие воспоминания и голоса, из-за которых понять, действительно ли один из прошлых сальваторов предал весь мир, всё труднее. Чтобы защитить тех, кого она любит, Пайпер соглашается стать сальватором Коалиции и изучить дарованную ей Силу. Вместе с этим она намерена выяснить, как её разум связан с сальватором-предателем и какие тайны скрывают члены Коалиции. Правда, есть одна проблема. Время на исходе.

© Хост М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Обращение к читателям	5
Плейлист	6
Пролог. Этот дикий свет	7
Часть I: Отрицание. Глава 1. Когда нагрянет ураган войны	13
Глава 2. Наполни беспокойные умы	20
Глава 3. Проснуться чтоб в других мирах	29
Глава 4. Мы видим жизни постепенный ход	35
Глава 5. Пусть сердце станет глазом	46
Глава 6. Приди, кем бы ты ни был	56
Глава 7. И чахла душа в тишине	67
Глава 8. И дар, и мощь	81
Глава 9. Шёлковый тревожный шорох	94
Глава 10. Имей б	108
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Микки Хост

Мир клятв и королей

Обращение к читателям

«Мир клятв и королей» — первая часть цикла **«Сальваторы»**, который состоит из пяти книг, связанных между собой общим, цельным сюжетом и который я начала писать ещё в 2016 году. Четыре книги закончены и будут публиковаться по мере редактуры, финальная пятая приближается к завершению. Следить за новостями и анонсами вы можете в моём Telegram-канале **Микки Хост Пишет и не вдуляет** (<https://t.me/hostmikki>) или группе в ВК (<https://vk.ru/mikkihost>). Если у вас возникнут вопросы, вы также можете задать их там под любым постом или в личные сообщения.

Ранее первые три части были выпущены в бумаге издательством Freedom в сокращённом варианте, необходимом для соблюдения требований по объёму. Сейчас текст представлен в полном объёме, в каком он и был до подписания договора с издательством.

Если вы уже читали «Мир клятв и королей», вам необязательно читать эту версию, чтобы понимать происходящее в четвёртой и пятой книгах. Основной сюжет сохранён, новых персонажей не добавлено, старые никуда не исчезли. Вся редактура была направлена на исправление опечаток и приведение текста в более приличный вид. В нынешнем «Мире клятв и королей» (т. е. том варианте, который был задуман изначально и каким он был до издательства) переходы между сценами более плавные, нет ощущения «скачков» между фокалами или событиями. Читать или нет, зависит исключительно от вашего желания — вы можете прочитать ознакомительный фрагмент, чтобы решить, хотите ли знакомиться с историей заново, или же дожидаться выхода четвёртой и пятой частей на ЛитРес.

Возрастной ценз цикла, 18+, стоит из-за жестоких сцен, алкоголя, нецензурных выражений (иногда) и в будущем — постельных сцен. В сюжете могут присутствовать:

- нанесение увечий холодным и огнестрельным оружием;
- многочисленные травмы и пытки;
- психологическое и физическое насилие;
- тяжёлое эмоциональное и ментальное состояние;
- темы утраты близких и самих себя.

Несмотря на всё перечисленное выше, цикл также полон приятных и тёплых моментов между родственниками, друзьями и возлюбленными, а также сцен, где откровенные мудаки получают по заслугам.

В начале вас ждёт плейлист, который помогал мне при написании и редактуре первой части, а также хорошо передаёт её атмосферу. В конце будет глоссарий со списком персонажей, терминами и локациями с ударениями, а также комментарий по поводу фраз, использованных в названии глав.

Если вы заметите в тексте опечатки, не стесняйтесь указывать на них в отзывах или личных сообщениях — мои контакты есть и в шапке Telegram-канала, и в группе в ВК.

Приятного чтения.

Добро пожаловать в мир магии и хаоса!

Плейлист

Imagine Dragons — Battle Cry
Steelfeather — This Is Only the Beginning
Tommee Profitt, Fleurie, SVRCINA — Tomorrow We Fight
Astyria — Walking on Water
Tommee Profitt, Fleurie, Jung Youth — In The End
Ruelle — Bad Dream
Wens — Bones
Lxzt — Hexstorm (Slowed)
Martin Wave, Saint Mesa — Higher
Sam Tinnesz — Legends Are Made
Halsey — Gasoline
Ruelle — This Is The Hunt

Пролог. Этот дикий свет

Эйсу было пять лет, когда дядя Джон начал рассказывать истории о героях.

Он говорил, что это не более чем интересные истории, основанные на переплетении легенд и мифов древних, давно вымерших или вовсе никогда не существовавших народов. Сказки, нужные, чтобы развлечь младшего из племянников. И не то чтобы Эйс в свои двенадцать лет уже был гением, но он точно знал, что мифическая Шамбала не могла быть связана со страной гиперборейцев и демонами, которые используют силу хаоса.

Эйс, однако, быстро пристрастился к этим историям. Лео шутил, что у него уже зависимость, а Эйс, до восьми лет особо не понимавший, что такое «зависимость», после, всё же узнав, надоедал старшему брату до тех пор, пока тот не признал, что истории дяди Джона довольно интересные. Он рассказывал их и Лео с Пайпер, когда те были младше — теперь слушал только Эйс.

В «их» субботу дядя Джон забирал племянников к себе, чтобы они провели выходные вчетвером. Эйсу было мало всего двух вечеров, когда дядя заходил к нему перед сном и рассказывал истории, так что он ловил каждое слово. Рыцари, мечи, магия, чудовища — он запомнил всё, пусть даже названия выдуманных стран и героев казались ему сложными, а язык будто бы ломался, когда Эйс пытался повторить их вслух. Всё услышанное, пусть даже постепенно сливающееся в одну сумбурную историю, казалось гораздо интереснее того, что, по словам Лео и Пайпер, будет ждать его в литературе и истории старшей школы.

Школа в принципе не привлекала его так, как истории дяди Джона. Мать говорила, что это проблема — неужели какие-то выдумки будут отвлекать его от реальности? Помимо этих историй у Эйса почти не было увлечений. Он преуспевал в школе, помогал дома, ухаживал за их рыбками, но всё равно не мог найти ничего, что сильно привлекло бы его.

По крайней мере, до десяти лет.

После с ним что-то произошло. С его глазами — зрение не упало, и цвета не потеряли своей красочности, но что-то определённо произошло. Эйс стал замечать больше, чем до этого, и нечто странное.

Он был готов поклясться, что в японском саду, расположенном в парке Вашингтона, рыбки из озера следили за ним. Эйс тогда держал Лео за руку и, заметив, как несколько рыб выпучили на него глаза, едва не сломал брату пальцы — так сильно их сжал. Лео ничего странного не заметил, как и Пайпер с родителями. Никто из людей, бывших рядом, ничего не заметил.

Стоило ему пройти мимо небольших памятников и статуй, украшавших улицы, как ему начинало казаться, будто те смотрят вслед. Одна из фигур точно обернулась и посмотрела на Эйса, провожая его внимательным взглядом. Отцу он об этом не сказал: отношения с братом у него были натянутые, и Эйс не хотел, чтобы те снова рассорились, как и не хотел получить запрет на истории от дяди Джона.

Но когда он сказал о произошедшем дяде Джону, тот снисходительно посмотрел на него и ответил: «Ты просто устал, вот и чудится разное. Мои истории всего лишь интересные сказки на ночь».

Больше Эйс ничего ему не говорил. Боялся, что посчитают странным, вечно витающим в облаках, или вовсе отправят лечиться.

Одна только Пайпер относилась к этому нейтрально. Иногда подыгрывала, мол, и впрямь слышит в ветре какую-то песню, но Эйс не верил ей. Она просто не хотела, чтобы он чувствовал себя странным из-за того, что слышит шёпот в листве, завывания в ливнях и крики в громе. А уже Эйс не хотел, чтобы над ним глумились, и потому молчал.

Он действительно думал, что уже начал сходиться с ума, но несколько месяцев назад всё прекратилось. Может, это и впрямь была лишь фантазия, которая слишком крепко сплелась с реальностью. Или он, и впрямь чем-то больной, не отличал сны от яви.

Или всё было лишь началом — подготовкой к странному сну, до боли похожему на театральную постановку о королях.

В том сне всё началось в большом зале с высокими колоннами, украшенными лепниной в виде животных и цветов. Эйс стоял возле одной из колонн, словно невидимка, и смотрел в сторону двух бронзовых тронов, стоящих на возвышении. Оба были заняты мужчиной и женщиной в шикарных одеждах — Эйс отчётливо разглядел золотые узоры на плащах, бархатные ткани, расшитые драгоценными камнями, кольца, браслеты и цепочки.

Мужчина хмуро смотрел перед собой, тогда как женщина, улыбаясь, простёрла руки вперёд. Тогда же зал наполнился оглушительными аплодисментами, а над ухом Эйса раздалось:

— Они приветствуют Первую.

Его испуганный визг должен был привлечь внимание, но никто даже не шелохнулся. Толпа, в которой все были одеты столь же причудливо, — а некоторые и вовсе были в доспехах, — продолжала аплодировать и радостно кричать. Ни его, ни странную женщину, вдруг возникшую рядом с ним, никто не замечал.

Её кожа была аспидно-синей, руки и ноги худыми и тонкими, украшенными белыми узорами, а сине-лиловые волосы доходили почти до щиколоток. Эйс беззастенчиво пялился на неё, а она смотрела как будто сквозь него. В темно-фиолетовых глазах, обрамлённых чёрными ресницами, не было блеска. На чёрном платье, словно по воде, расплывались узоры, переливающиеся совсем как нефтяные пятна.

— Они приветствуют Первую, — безжизненным голосом повторила женщина, глубоким и чарующим настолько, что Эйс на несколько мгновений завис и только после выдавил единственное:

— Что?

Женщина указала на девушку, ближе всех стоящую к трону: невысокую, с рыжими волосами, заплетёнными во французские косы, одетую в простую блузу, тёмные штаны и сапоги. На плечах лежал белоснежный плащ с жёлтым мехом, украшенный фигурами различных зверей — львов, волков, огромных ящериц с крыльями, напоминающих драконов.

— Первая, — повторила странная женщина, наклонившись к Эйсу. Несколько густых прядей тёмных волос соскользнули с её плеча и призрачно коснулись его. — Йбннет.

— Йоннет, — для чего-то повторил оторопевший Эйс и хотел было спросить, зачем ему знать её имя, как окружающее пространство изменилось.

Теперь перед ними возвышалось двухэтажное каменное здание, окружённое покосившимся забором. Вокруг бегали дети, и лишь несколько из них косо взглянули в его сторону.

— Они смотрят на Первую.

Эйс только сейчас заметил рядом с собой рыжеволосую девушку из зала. Она стояла, собрав руки на груди, и хмуро смотрела на дом.

— Тебя никто не замечает, — неожиданно ласково сказала женщина. — Тебя здесь нет.

— Но я же здесь, — озадаченно возразил Эйс.

— Это воспоминания.

— Чьи?

— Мои.

— А вы?

— Первая.

— Понятно, — кивнул ничего не понявший Эйс.

Рыжеволосая девушка подняла голову, когда к ней подошёл тёмнокожий мужчина — высокий, крепко сложенный, с острыми ушами. Эйс удивлённо вытаращился на него.

— Это что, эльф?

Странная женщина ему не ответила, наблюдая, как девушка что-то настойчиво объясняла мужчине, а он качал головой и отмахивался от неё. Эйс не понимал, о чём они говорят: слова оказались чужими и незнакомыми. Но не успел он понять, что они впрямь говорят на другом языке, как снова оказался в другом месте.

По обе стороны от узкого прохода стояли низкие лавочки. В нескольких метрах впереди, под разбитым витражным окном, было три человека, один из которых стоял на коленях. Эйс узнал рыжеволосую девушку, а мужчина рядом с ней, также с острыми ушами, был уже другим: с серебряным венком на голове, напоминавшим переплетённые ветви с колючками и мелкими бутонами. Он поднял руки над человеком, стоящим перед ним на коленях, и яркий свет мгновенно охватил весь зал, погаснув так же быстро. Эйс присмотрелся к третьему человеку, выпрямившемуся во весь рост — оказалось, это тот самый эльф, которого он видел недавно.

Картина сменилась ещё раз. Эйс со странной женщиной оказались в просторном зале, сияющем белизной и драгоценными камнями. То тут, то там виднелись группы разряженных людей, которое о чём-то оживлённо шептались и косились на него. Женщина положила руку ему на плечо, — Эйс совсем не ощутил её прикосновения, — и вновь прошептала:

— Это воспоминание.

Они стояли точно напротив нескольких роскошно украшенных тронов, двое из которых были пусты. Молодой человек, который, должно быть, занимал один из них, поднялся и приблизился к ним на несколько шагов. Рыжеволосая девушка стояла плечом к плечу с тёмнокожим эльфом и что-то говорила. Люди вокруг зачарованно слушали, лишь поднявшийся с трона озадаченно хмурился.

Высокий и худой, он, однако, казался полным сил, пусть из-за растерянности и потерял какую-никакую внушительность. Он молча провёл ладонью по тёмным коротким волосам, задевая простой серебряный ободок, и что-то сказал, на что тут же получил ответ от девушки. Бледная кожа стала почти белой, ярко-голубые глаза вспыхнули. Кривившиеся в усмешке губы то открывались, то закрывались, но он так ничего и не добавил.

— Это изменило всё, — вдруг произнесла спутница Эйса.

— Что?..

— Мы не виним его, — словно не услышав его, продолжила женщина. — Мы знаем, что иначе было нельзя. Мы же это чувствовали, понимаешь? Но люди... Люди жестоки. Вы жестоки, — она бросила на Эйса суровый взгляд, от которого он поёжился, но вполне спокойным тоном добавила: — Нужно всё исправить, так что смотри внимательно.

Молодой человек, что-то сказавший мужчине, сидящему на троне в самом центре, опустился на колени. С его головы сняли серебряный ободок, и зал снова залил свет.

— Осталось последнее воспоминание, — будто утешая его, сказала женщина, после чего они переместились на берег озера в лесу.

Вокруг собрались существа, похожие на людей. У одних кожа или белки глаз были одного цвета и без зрачков, у других — яркие волосы, собранные в причудливые причёски, или звериные хвосты, у третьих — переливающиеся на солнце крылья, похожие на крылья насекомых.

Женщина указала в сторону. Эйс повернул голову к озеру. По его поверхности, оставляя за собой круги, шла женщина. Её пышное белое платье сияло на солнце, в длинных каштановых волосах сверкали драгоценные камни, а за спиной — настоящие крылья. Они казались больше, чем у остальных, и длиннее. Эйсу они показались странными, будто склеенными из осколков кристаллов разных цветов и размеров.

На берегу, недалеко от них, стояли ещё четыре человека, среди которых Эйс сразу узнал троих: рыжеволосую девушку, эльфа и молодого человека, которого видел только что. Рядом с ними застыла невысокая блондинка в белом платье.

Женщина с крыльями остановилась напротив неё и начала говорить, но Эйс снова ничего не разобрал. Когда она закончила и подняла руки, с которых полился свет, некоторые из зрителей с визгами попрятались.

— Это начало конца, — сказала спутница Эйса. — И вы должны положить этому конец.

— Здорово, конечно, — с сомнением отозвался Эйс, посмотрев на неё, — но о чём вообще речь?..

Женщина вдруг взяла его за подбородок и крепко сжала пальцами. На этот раз Эйс даже ощутил её прикосновение. Холодное и невесомое, что казалось невозможным.

— Ты просыпаешься, — пробормотала она, будто предупреждая его об опасности. — Запомни то, что увидел. Это может помочь вам.

— Кому это — нам?

— Тебе и твоей сестре.

— Пайпс? Но что мы...

— Я выбираю вас. Я выбираю её. — Женщина присела перед Эйсом на колени, и вышло как-то странно: она должна была смотреть на него снизу вверх, но их глаза оказались на одном уровне. — И тебя. Вы должны положить этому конец.

— Я ничего не...

— Просыпайся!

Эйс проснулся намного позже будильника. Свет в комнате уже был включен. Стоящий в дверях Лео с притворным осуждением смотрел на него.

— Что, старик, страшный сон приснился?

Эйс озадаченно уставился на него. Почему это он старик?..

Он вспомнил будто по щелчку пальцев — ему уже двенадцать.

Одиннадцатого ноября ему исполнилось двенадцать лет.

— Погоди, реально, что ли? — увидев выражение его лица, обеспокоенно спросил Лео. — Кошмар?

— Нет, ничего, — отмахнулся Эйс. — Просто... не выспался.

— Ну, старик, — он особым тоном выделил это слово и, подойдя ближе, потрепал младшего брата по волосам. — Больше спать нельзя, твой будильник давно прозвенел. Надевай свои волшебные тапочки и спускайся вниз. Скажу по секрету, мама уже зажигает свечи.

Эйс выдавил из себя улыбку, заметив, что и Лео надел тапочки с крокодилами — точно такие же, как у Эйса с Пайпер. На самом деле Лео считал их глупыми, но Пайпер всё равно купила и заставляла братьев их носить. «Потому что мы банда», — говорила она, хотя оба знали, что Эйсу они просто нравятся, а Лео выглядит в них нелепо, что она считала смешным.

В тот день только тапочки с крокодилами и казались ему смешными.

Свой сон Эйс вспоминал в течение всего дня. Даже когда задувал свечи, де он, забыв, что должен загадать желание, подумал: «Вот бы понять, что это было».

Вплоть до четырнадцатого декабря Эйс не замечал ничего необычного. Статуи больше не провожали его взглядом, рыбы не пялились, женщины с аспидно-синей кожей не приходили ему во снах и не просили что-то там начинать или заканчивать. Всё было вполне нормально, вот только интерес Эйса к историям дяди Джона немного поубавился.

А потом наступило четырнадцатое декабря, «их» суббота, которая изменила всё.

Эйс сидел на кровати в гостевой комнате дома дяди, где он всегда спал. Лео и Пайпер остались внизу, смотрели телевизор и поедали пищу, и Эйс безумно хотел быть с ними, ведь это доказало бы им, что он уже достаточно взрослый, но ни мама, ни папа, ни даже дядя Джон, впервые на памяти Эйса пришедший к согласию с братом, не позволяли ему засиживаться. Они все считали, что он должен соблюдать режим, и только посмеивались, когда Эйс говорил, что уже слишком взрослый для этого. Дядя Джон и так в виде исключения разрешил задержаться ещё на два часа, но потом ему всё равно пришлось уйти в свою спальню.

— Итак, — наконец протянул дядя Джон, с хитрой улыбкой посмотрев на племянника, — ещё одну историю?

Хотел ли он услышать ещё? С его дня рождения прошёл месяц — за это время они оставались у дяди всего два раза, в которые Эйс отказывался от историй, ссылаясь на усталость или незаинтересованность. Сейчас он был полон сил, к тому же неожиданно вспомнил свой странный сон. Детали уже испарились, но Эйс помнил, что он путешествовал с какой-то женщиной, бывшей его спутницей, и видел невероятных существ.

— А что на этот раз? — всё-таки поинтересовался Эйс. Возможно, если будет что-то действительно увлекательное, он послушает. Или же, если будет что-то жутко скучное, быстрее заснёт.

— О трёх героях, которым суждено спасти мир.

— Что за герои?

— О, они были удивительными! У них была невероятная сила, их почитали во многих странах!

— Что за сила?

— Сила творцов. Они могли создавать и менять, могли пробуждать в людях их собственную силу или смелость. Они использовали эту магию, чтобы улучшить свой мир, но судьба была жестока к ним. Они погибли, защищая невинных людей от чудовищ.

— Но они же остановили их? — с тревогой спросил Эйс. Что-то в словах дяди Джона цепляло его и казалось знакомым.

— Чудовища оказались сильнее. Герои отдали свои жизни, но смогли лишь отсрочить неизбежное.

— Это было началом конца?

Слова сорвались с языка раньше, чем Эйс успел до конца осознать услышанное. Дядя Джон поджал губы, хмуро посмотрев на него.

— Да, это было началом конца.

Эйса пробрала дрожь.

— Легенды говорят, — продолжил дядя Джон, почему-то уже не смотря на племянника, — что сила этих героев не исчезла, а всего лишь отправилась на поиски новых избранных.

— И тогда будет конец этого начала?

— Какой ты смелый, — дядя Джон усмехнулся. Возможно, Эйсу только показалось, но в голосе дяди он уловил напряжение. — Значит, я очень хороший рассказчик, раз ты запомнил так много.

Эйс захотел рассказать о сне. Захотел так сильно, что уже открыл рот, подталкиваемый чем-то неизвестным. Но экран телефона дяди Джона, лежащий на прикроватном столике, вспыхнул так резко и ярко, что это мгновенно сбило с мысли.

— Так, это по работе. — Дядя Джон вздохнул, быстро пробежавшись взглядом по уведомлениям на телефоне. — Важное, так что с историей сегодня заканчиваем, тебе всё равно давно пора спать.

— Мне двенадцать! — возмущённо пропыхтел Эйс.

— Правильный режим — основа здорового организма! — с широкой улыбкой напомнил дядя Джон, уже поднявшись на ноги и попятившись к двери. — Матери — ни слова.

Он исчез в коридоре быстрее, чем Эйс успел бы снова открыть рот и, наконец, рассказать о странном сне, который так некстати вспомнил. Он упал на подушку и натянул одеяло почти до самого подбородка, тихо ругая себя за сомнения.

Эйс не помнил, как уснул, как и не помнил, сколько уже было времени. Но когда проснулся, разглядел на электронных часах цифры: «5:37». Ещё слишком рано, чтобы вставать. В воскресенье они все спали едва не до обеда, так что Эйс мог...

«Просыпайся!»

Он с криком подскочил и заозирался, схватившись за голову. В его голове прогремел чужой голос. А у дверей кто-то стоял.

Кто-то знакомый.

Эйс вжался в спинку кровати, разглядывая странную женщину из давнего сна, едва дотянувшись до лампы рядом и резко включил её. Очертания женщины поблекли, но не исчезли. Теперь она казалась полупрозрачной, сквозь неё Эйс видел расплывшиеся очертания двери и стены.

«Прекрасно, мой милый наследник, — губы женщины не шевелились, но её голос вновь прозвучал в его голове. Ему будто заскребли череп изнутри. Эйс сильнее впился пальцами в кожу головы и оттянул волосы, борясь с этим противным ощущением. Женщина, подойдя ближе, продолжила: — Надеюсь, ты понял, что происходит».

Эйс резко выдохнул, когда это ощущение пропало. Звучащий в голове голос показался нормальным и таким же естественным, как женщина перед ним.

Будто всё так, как должно быть.

И всё равно Эйс выпалил:

— Я закричу, — и, мелко задрожав от страха, через силу добавил: — У дяди Джона есть пистолет.

«Джонатан занят, — отрезала женщина, — и ты, мой маленький наследник, тоже скоро будешь занят. Помни, что я выбрала вас».

— Дядя Джон!

«Цитадель вновь появилась. Лабиринт пришёл в движение. Вторжение уже началось».

Дикий вой, раздавшийся с улицы, заставил Эйса подскочить на месте.

«Вторжение уже началось», — повторила женщина с жёсткой улыбкой, а он, прислушавшись к вою, понял, что тот доносится не с улицы, а с первого этажа.

«Пусть Первая не подведёт меня».

Часть I: Отрицание. Глава 1. Когда нагрянет ураган войны

*Мы изведем тот мир
Звёзды в небе видно нам,
Разведём наши огни,
Свет не сгубит темнота*
— DRUMMATIX, «Тайлаган»

Джонатан никак не мог отделаться от ощущения, что Эйс о чём-то умалчивает.

Расспрашивать его, однако, он не стал. Интерес племянника к историям начал угасать давно, и Джонатан бы даже порадовался этому, если бы сегодня на его лице не мелькнуло это странное выражение — будто Эйс, услышав начало истории, отыскал в ней какой-то смысл, известный лишь ему.

Начавший гаснуть интерес был сигналом к тому, что для Эйса истории всего лишь выдумки. Он слушал их дольше брата и сестры: Лео они перестали интересовать, когда ему стукнуло восемь, а Пайпер — в семь лет. Эйс продержался до двенадцати лет, и Джонатан с ужасом ждал мгновения, когда услышит то, что больше не позволит ему верить в непричастность племянника к сигридскому миру. Но Эйс в какой-то момент перестал делиться странностями, которые замечал, и Джонатана это успокоило, как бы странно это ни звучало.

То, что сегодня в нём будто что-то вспыхнуло, — плохой знак.

Джонатан бы задержался, если бы не сообщение от Августа. Некстати заныла и рана на правом предплечье, оставленная ноктисом в недавней стычке с ними. Если Эйс не уснёт до того, как Джонатан сменит повязку и ознакомится с информацией Августа, он вернётся к нему и попытается ещё раз.

Он этого не хотел, — хотел верить, что в Эйсе не проснулась кровь первых, — но был обязан убедиться.

Закрывшись в ванной, Джонатан положил телефон на край раковины и стянул рубашку. Под повязкой всё было как раньше: след от клыков ноктиса, почти заживший, и блеск от одной из мазей Марселин. Но рана ныла, и Джонатану впервые за много дней показалось, будто он до сих пор ощущает, как демон терзает его предплечье.

Вытащив из шкафа чистые бинты и баночку с мазью, Джонатан принялся наносить её на рану, одновременно читая сообщения от Августа. Поиски, информация, контакты их осведомителей, адреса — после вполне нормального вечера в кругу племянников всё это выглядело таким чужим.

Цифры, имена, фотографии, отсканированные страницы древних трактатов, которые уже было страшно брать в руки, координаты гнёзд ноктисов...

Одно Джонатан узнал.

Не потому что помнил наизусть, а потому что Август, сама доброта и учтивость, написал: «Там были вы с Дэниелом».

Для Джонатана будто замер весь мир. Пальцы, подчерпнувшие немного мази, так и застыли над раной. Карие глаза, оттенком схожие с глазами племянников, доставшихся им от матери, остановились на зеркале.

Джонатану сорок три года, но он смотрел на себя восемнадцатилетнего. Бледное лицо, тогда ещё даже не имевшем намёков на морщины и щетину, было всё в крови.

Дэниел на том собрании был сам не свой, и Джонатан молился, чтобы оно закончилось как можно скорее.

— Даже думать об этом не смейте! — отрезал тогда Керрис, хлопнув ладонью по столу. — Немыслимо!

— Заткнись, старый хрыч, — бросил ему Данталион.

Керрис возмущённо заворчал себе под нос и хотел было снова ударить по столу, но передумал. Сидевший напротив него Рогге, вцепившись в собственную бороду, с изумлённым выражением лица обдумывал услышанное.

Даже спустя двадцать пять лет Джонатан отчётливо помнил, как следил за тем, как каждый реагировал. Ито собрание посетила даже королева Ариадна, правда, больше любовалась своими кольцами, как казалось тогда ещё молодому Джонатану — теперь-то он понимал, что королева внимательно всё слушала и запоминала.

Дэниел молчал с тех пор, как они покинули старый особняк, затерянный где-то в Мэриленде, который буквально развалился после них. Джонатан понимал, что брешь разрослась быстрее обычного, но никак не мог понять, почему Дэниел уже не накидывает предположения относительно этой аномалии — он знал о брешах лучше всех среди искателей. Но Дэниел молчал, поглощённый собственными мыслями, и не обращал внимания на брата.

— Исключено! — вновь повторил Керрис, хотя в течение нескольких минут все молчали. — Это против правил!

— Брешь закрылась, — неожиданно подала голос королева Ариадна. — Нет правил, запрещающих приближаться к уже закрытой брешу.

— Мы все знаем, что означает принудительно закрытая брешь! Не позволю!

— Я могу отправить туда своих, — будто нехотя предложил Данталион и с издёвкой добавил: — Нас-то не особо жалко, да?

— Не позволю! Чтобы тёмное создание...

Данталион зарычал на него, оскалив клыки.

— У Керриса от магии мозги поплыли, — королева потёрла виски и, игнорируя Данталиона, попыталась вернуть обсуждение в прежнее русло: — Если всё так, как они говорят...

— Я видел перевёртыша, — вмешался Дэниел. Его голос, обычно твёрдый, сейчас дрожал. — И он был не один. Один из них принял облик искателя, погибшего пару лет назад.

— Кого ещё ты видел? — спросил Рогге.

— Мой ответ вам не понравится.

Дэниел замаялся и только спустя несколько мгновений, с ужасом посмотрев на Джонатана, тихо пробормотал:

— Третьего.

Джонатана пробрала дрожь. Почему брат так уверен?.. Все портреты Третьего уничтожены, и ни один человек в здравом уме не станет делиться воспоминаниями о нём.

— Перевёртыш назвал имя того, у кого он украл облик, — добавил Дэниел, — и его сходство с...

— Достаточно, — отрезала Ариадна.

Джонатан поёжился. Будучи искателем, причём одним из лучших, он был готов ко многому: встрече с разъярёнными ноктисами или разумными демонами, нестабильной магии и хаосу, поглощавшему всё без разбора, но это...

Королева Ариадна никому не показывала своих слёз. А Джонатан успел заметить, как одна скатилась по щеке прежде, чем королева её утёрла и непривычно ласковым голосом сказала:

— Вы хорошо потрудились, мальчики. Отдыхайте.

Дэниел вылетел из зала собраний, не сказав ни слова. Джонатан добавил о присутствии в особняке нескольких ноктисов, о которых не сказал брат, и догнал его лишь у читального зала, где, сгрудившись в группы по четыре-пять человек, занимались дети. Дэниел забрался в кресло, скрытое несколькими стеллажами, и спрятал голову между колен.

— Дэнни?

С каждым, кто сталкивался с тёмными созданиями, следовало быть аккуратным. Особенно с теми, чьему сознанию могли успеть навредить. Пусть в них обоих текла кровь первых, встреча даже с обычным перевёртышем могла окончиться катастрофой, если не соблюдать осторожность. В отличие от сигридцев, пришедших из Первого мира, простые искатели чаще сходили с ума, чаще становились марионетками в когтях тёмных созданий, их кровь проливалась на осквернённой хаосом земле чаще крови иных.

— Дэнни, посмотри на меня.

Дэниел не любил, когда его имя сокращали. Но Джонатан умел произносить имя брата так, как никто другой: в пять букв вкладывал больше смысла, чем мог бы уложить в отчёт на десять страниц. «Я рядом, ты можешь мне обо всём рассказать, я твой брат», — и ещё кучу всего, крившегося за пятью простыми буквами.

Но Дэниел не отреагировал как обычно. Не фыркнул и не ответил привычным саркастичным «Джонни». Лишь поднял голову, посмотрел на брата и поджал губы. В глазах стояли слёзы.

— Дэниел, — серьёзно сказал Джонатан, — поговори со мной. Что ты видел?

— Перевёртыша, — с трудом выдавил Дэниел. — Я видел, как перевёртыш стал Третьим.

— Он сгинул. Его больше нет.

— Но перевёртыш остался!

Дэниел крепче вцепился в волосы и закачался, как безумный.

— Он сказал, что Третий вернётся. Кусал тело и рвал сознание, говорил, что...

— Перевёртыши не могут проникать в разум, — нахмурившись, возразил Джонатан.

— Этот мог. Сказал, что кровь сладкая. Этот умел, клянусь тебе, Джон. Я... я видел их всех.

— Кого?

— Сальваторов.

— Они ещё не...

— Лабиринт пришёл в движение! — вдруг выкрикнул Дэниел. — Цитадель пробудилась!

Сидевшая к ним ближе всего группа детей обернулась. Учитель, имени которого Джонатан и не помнил, осуждающе посмотрел на них и едва было не извинился, но краем глаза заметил, как Дэниел начал сползать на пол, бормоча что-то бессвязное.

— Дэниел, пойдём домой, — протянув к нему руки, тихо предложил Джонатан. — Расскажешь, что ты видел, отцу. Он что-нибудь придумает.

— Не хочу, — жалобно выдавил Дэниел, подняв на брата взгляд — взгляд, вбиравший в себя безумие, отчаяние и ненависть. — Я хочу забыть то, что видел. Хочу предаться Забвению.

Он так и сделал, и теперь, в сорок шесть лет, счастливо проводил выходные без троих детей, которых забирал к себе Джонатан.

Он терпеть не мог, когда кто-то напоминал ему о *том*дне.

Ответное сообщение Августу получилось не слишком вежливым, но Джонатану было плевать. Напомнить о том, что раньше в одном из мест, где обосновались ноктисы, был старый особняк, было неплохим решением — Джонатан ведь сразу вспомнил, чем всё закончилось в прошлый раз, и оценил уровень угрозы, приказав не отправляться к гнезду без вампиров. Неплохим и подлым решением.

Может, потому ему и кажется, будто рана от ноктиса болит. На самом деле это боль душевная, которую он никак не мог усмирить, и простая усталость из-за чересчур активного дня с племянниками.

Джонатан наконец нанёс холодную мазь на рану и заново забинтовал её. Из ванной он едва было не повернул в сторону гостиной, но заметил свет из-за двери своего кабинета в конце

коридора. Пайпер с Лео туда не совались — Джонатан им запрещал, хотя знал, что защитные сигилы просто не дадут им открыть дверь.

Он едва не потянулся к оружию, спрятанному в ящике полупустой тумбочки, но остановился, когда порог кабинета переступила Шерая. Сложив руки на груди, она прислонилась к дверному косяку и молча кивнула, подзывая его.

Просто великолепно.

Когда Джонатан закрыл за собой дверь, уже севшая за его стол Шерая заметила:

— Выглядишь напряжённым. И потрёпанным.

Шерая же, как и всегда, выглядела безупречно: в отглаженной белой рубашке и темно-коричневых брюках со стрелками. На белокурых волосах, собранных в хвост, Джонатан заметил несколько снежинок. Выходит, всё же прошлась по улице, прежде чем пройти через заднюю дверь, а не открыла портал сразу в его дом. Отсутствие где-либо брошенной верхней одежды это подтверждало.

Как и в случае с любым магом, угадать её точный возраст было невозможно. На вид ей было около тридцати, но её лицо перестало меняться, как и у всякого мага, давным-давно. Ещё когда Джонатан был ребёнком, она уже была такой — вечно собранной, строгой, уверенной. Раньше он думал, что она настоящая взрослая, а теперь воспринимал её как ровесницу и порой ощущал себя даже старше.

— Тебя так племянники замучили?..

— Ерунда, — отмахнулся Джонатан, подходя ближе. — Что-то случилось, раз ты без предупреждения?

— Кто-то бы сказал, что новости продиктованы свыше.

Джонатан нахмурился. С сигридцами волей-неволей начинаешь верить в их богов, когда-то направлявших жителей Первого мира, а после Вторжения будто оглохших. Джонатан никогда не был сильно набожным, как и Шерая, — разве что в пределах разумного, как и каждый чистокровный сигридец, — и потому насторожился.

Но не успел он задать следующий вопрос, как она без предупреждения выпалила:

— Мы обнаружили магический след сальваторов.

— Ты шутишь?..

— Трудно определить количество, но, полагаю, больше двух мы пока не найдём.

— Уже можно понять, кто есть кто? Может, это как раз Рейна?..

Рейну, дарующую Движение, коалиция как раз отслеживала уже очень долгое время. А Баурон, искатель, ответственный за поиск, и вовсе без вести пропал несколько недель назад.

— Нет, — Шерая пожала плечами, но в её случае движение не выглядело лёгким и непринуждённым. — Этот след очень... общий, я бы сказала. Такой был у всех сальваторов. Для того чтобы определить, кто есть кто, они должны задействовать магию сáкри.

— Ну что за прелесть. Именно в тот момент, когда Эйс, кажется, вновь заинтересовался моими историями...

— Ему уже двенадцать, Джон, а кровь первых всё ещё не отозвалась. Разве ты уже не сдался?

— Думал, что сдался, а он... Мне не нравится это совпадение.

— Может, мы вернёмся к более важным вопросам? — Шерая, выгнув бровь, наградила его строгим взглядом.

— Ты должна была обратиться к Августу. У меня сегодня выходной.

— Его не было с тобой и Дэниелом, когда вы встретили перевёртыша.

Джонатан *терпеть не мог*, когда кто-то напоминал о том дне.

Столкновение с перевёртышем изменило его брата. Дэниел стал более замкнутым, реже делился своими мыслями и почти не соглашался на поиски, что ему предлагали. Его репутация в Ордене пошла под откос. Другие искатели не верили, что он видел Третьего, пусть то

был перевёртыш. Никто из коалиции не хотел бы встретить Третьего, даже те, кто знал о нём лишь из старых историй, были в ужасе от его жестокости. Джонатан не мог представить, каково тем, кто знал Третьего лично — и всё же не понимал, как они с их-то опытом могли оставить Дэниела. Они услышали его объяснения, высказали своё мнение — и всё.

Дэниел остался один на один с образом перевёртыша, который являлся ему в кошмарах.

Дэниел всё чаще говорил о Забвении.

Дэниел предался Забвению, оставив Джонатана одного.

— Ты даже не представляешь, как сильно я хочу выгнать тебя сейчас, — процедил он, присев на край своего стола, и раздражённо потёр переносицу.

— Помнишь, как мы изучали вас после того поиска? — как ни в чём не бывало уточнила Шерая, и Джонатану не осталось ничего иного, кроме как притвориться, будто всё нормально. Хочешь не хочешь, а работать всё равно надо. — И то, с чем столкнулись...

Даже самое слабое тёмное создание могло оставить свой след. Чаще всего магам удавалось обнаружить его. Но в тот день они были в замешательстве: след, оставшийся на Джонатане и Дэниеле, был столь слабым, что определить его источник, магию или хаос, оказалось невозможным.

Шерая, как и в тот день, смотрела на него холодно и серьёзно.

Но Джонатан вдруг осознал, что видит в серых глазах ещё что-то.

Предвкушение.

— Вы определили источник того следа? — тихо, неверяще спросил Джонатан.

— Сальватор, — одними губами ответила Шерая. — Это был след сальватора.

Он ждал, что она скажет, что это лишь шутка, — хотя шутила Шерая редко и довольно специфично, порой так, что только Гилберт её понимал, — а когда по-настоящему осознал услышанное, рассмеялся, покачав головой.

— Пожалуйста, скажи, что вы ошиблись.

— Боюсь, что правда. Существует шанс, что тёмные создания завладели источником магии сальваторов.

— Сакри не может быть у них, — мгновенно возразил Джонатан. — Как бы демоны подчинили их себе? Ни один сакри не свяжет себя с...

— Это лишь ничем не подтверждённое предположение. Мы ничего не знаем о том, что стало с Рейной и Ренольдом на самом деле, а Лерáйе и вовсе успела перейти в этот мир до того, как Сигрид был разрушен.

— Но не может же...

— Сейчас мы должны бросить все свои силы на поиски источника этой магии. Но если она ещё хоть раз проявит себя, пусть даже самым незначительным образом, мы сможем определить, кому она принадлежит. Может, это как раз Рейна, — предположила Шерая.

— Но тот след, оставшийся на нас, принадлежал демонам. Как бы они использовали магию?

— Как будто я знаю, — Шерая закатила глаза и откинулась на спинку стула, застучав пальцами по столу. — Будем разбираться. Назначим новые поиски, перетрясём все старые архивы и исследования демонов...

— Коалиция не обрадуется.

Возвращение магии сальваторов могло означать как спасение, так и погибель. Но если она попала в руки тёмных созданий...

— Это не все новости. Как я уже сказала, понять, кому из сакри принадлежит этот след, сейчас невозможно. Мы, конечно, распознали в том следе магию сальваторов, но шла она не из того места, где стоял тот особняк.

— Источник переместился?

— Вероятнее всего. Но речь о другом. Мы обнаружили два источника. Один, возможно, скрывается среди тёмных созданий. Другой... — она замолчала, явно растерянная тем, что ей предстоит сказать. Джонатан никогда не видел, чтобы Шерая не находила слов для объяснений, молчала или утаивала что-то очень важное. Шерая всегда знала ответы на все вопросы, а если и случалось, что она чего-то не знала, то эта ошибка исправлялась в течение пятнадцати минут. Шерая всегда была уверена в своих словах, её магия крайне редко давала сбой, если такое вообще случалось.

— Шерая, — предупреждающе произнёс Джонатан, когда она, поставив локти на стол, закрыла лицо руками. — Где второй источник?

— Здесь. Если мы не ошиблись, прямо сейчас второй источник находится в твоём доме. Вспышка была слабой, едва ощутимой, но сразу несколько магов...

Джонатан уже ничего не слышал — мешал нарастающий в голове шум.

Это ошибка. Сбой магии, не иначе. Его дом был защищён барьерами и сигилами, некоторые из них Шерая сама чертила, чтобы никто не проник сюда без ведома Джонатана. Если бы где-то здесь был источник магии сальваторов, он бы обязательно заметил. Пусть не маг, но заметил бы...

Когда Шерая отняла руки от лица и посмотрела на него, у Джонатана сбилось дыхание. Серые глаза вспыхнули алым — её магия рвалась наружу.

Она что-то чувствовала. Возможно, не начала с этой новости сразу, потому что не была уверена, но теперь она *чувствовала*.

— Джонатан...

— Нет, стой, — он поднял одну ладонь, другой вцепился в волосы и зажмурился. — Вы нас всех проверяли. Даже Дэниела, а он предал себя Забвению. Как вы могли упустить такое?

— Я не знаю. Эта магия изучена меньше всего, и никто, кроме самих сальваторов, не понимает её по-настоящему. Может, они умеют скрывать себя лучше нас, обычных магов. Я... не знаю, Джонатан, но сейчас я уверена: один из источников в твоём доме. И это странно. Кровь первых в твоих племянниках спит, но один из них источает магию сакри.

— Ты уверена, что это кто-то из них, а не я?..

Не то чтобы Джонатан даже в самых смелых мыслях допускал, что подобное возможно, но был обязан спросить.

— Не ты, иначе эта сила пробудилась бы раньше. В тот день, когда Дэниел видел перевёртыша, например — второй источник магии сакри был там же, он мог воздействовать на тебя. Но ничего не случилось, значит, это не ты.

— Это не может быть один из них, — растерянно пробормотал он, от отчаяния опустив плечи. — Они же ничего не знают! Кровь первых так и не проснулась.

— Но теперь проснётся, и тогда тёмные создания придут за одним из них.

Джонатан сжал зубы, едва сдерживаясь, чтобы не заорать. Он никогда прежде не ощущал себя таким беспомощным. Ни когда Дэниел чах на глазах, ни когда он ушёл, оставив брата одного. Именно сейчас, когда его любимым племянникам грозила опасность, он будто лишился всех сил.

Рассказывая им истории, которые могли пробудить кровь первых, Джонатан с каждым днём убеждался — нет, этого не случится. Его племянники будут обычными людьми и проживут спокойную жизнь, не познав ужасов сигридского мира. У него будут силы служить Ордену и коалиции дальше, как и его родители, потому что он будет знать, что Лео, Пайпер и Эйс ни о чём не знают.

Но теперь?..

Сердце Джонатана рвалось на части, но разум уже рисовал картину того, что будет дальше. Если один из племянников действительно окажется сальватором, не исключено неосознанное использование магии. Та питается эмоциями, и любой бурный всплеск может вызвать

вспышку, которую обязательно почувствуют маги коалиции. Тогда они поймут, кто из сакри наконец нашёлся, но сам сальватор может пострадать.

Один из его племянников может пострадать, и не только физически. Тёмные создания почувствуют такую мощную магию и придут, а Второй мир безжалостно вычеркнет из своей истории, будто мусор.

— Джонатан. — Шерая поднялась со стула, подошла к нему и, присев рядом, положила ладонь на плечо. — Мы не оставим твоих племянников, ты же понимаешь. Мы обязательно поможем.

— Дэниелу же вы не помогли.

Шерая поджала губы, решив с ним не спорить. Решение о Забвении — не то, на что может повлиять Коалиция. Все об этом знали.

— Это же не может быть правдой, — упрямо пробормотал Джонатан. — Здесь точно какая-то ошибка.

— Мне жаль, но...

Шерая впиалась ногтями ему в плечо, ахнув. Джонатан сжал зубы, ощутив боль, прошившую предплечье, и попытался скинуть её руку, но безрезультатно. В глазах Шераи алым цветом пылала магия, пальцы впились в него мёртвой хваткой. Между ними расплзлись полупрозрачные нити такого же красного цвета. Растянулись по его руке, сорвались в воздух и ломаными линиями покрыли все поверхности в кабинете.

Впервые на памяти Джонатана взгляд Шераи, использующей магию, был расфокусированным, словно она не понимала происходящего. Подобные приступы у магов были чрезвычайно редкими — либо когда маги находились при смерти, либо под воздействием проклятия, насланного демонами, либо...

Сердце пропустило удар. Открывшаяся на Саву брешь, когда там были Джонатан, несколько искателей из Ордена и Стефан, представлявший магов, буквально довела последнего до безумия. Джонатан знал, что Стефан силен, но и не предполагал, что настолько. Магия рвалась, готовая разрушить весь остров, и маг едва сумел её усмирить.

С Шераей будто бы происходило то же самое.

— Брешь, — еле выдавила она, до скрежета сжав зубы. Глаза, уже не сиявшие так ярко, как мгновение назад, ещё сохраняли алый оттенок. — Только что открылась новая брешь.

Джонатан несколько раз проклял весь мир, когда услышал вой, сотрясший стены дома.

Глава 2. Наполни беспокойные умы

Ни Лео, ни жёсткий диван дяди Джона, стоящий в гостиной, для сна не годились, но Пайпер не могла больше сопротивляться. Её веки отяжелели настолько, что она, уже не обращавшая внимание на очередной глупый поступок героя фильма (Лео всегда выбирал фильмы ужасов, а там, по мнению Пайпер, было слишком много нелогичных моментов), уронила голову на плечо Лео и засопела.

Кажется, он пихнул её локтем под рёбра, пытаясь разбудить. Или столкнул с себя, чтобы она пускала слюни на подушку, а не на его плечо. Пайпер не была уверена. Она давно смирилась с тем, что Лео любит ужасы, а он — с тем, что она не всегда их досматривает.

Дядя Джон укладывал Эйса спать слишком долго, что успело показаться ей подозрительным. Но после она уснула, уставшая из-за насыщенного дня и утомлённая глупым фильмом ужасов.

Пайпер редко снились красочные сны. В основном всякая ерунда или обрывки никак не связанных воспоминаний, часть из которых сразу же забывалась, стоило Пайпер открыть глаза.

Сейчас было точно так же, разве что проснулась она с тяжёлой головой.

В гостиной стоял мрак, но Пайпер почему-то всё прекрасно видела. Под вытянутыми ногами не оказалось коленей Лео. Не было и его. Плед, которым она укрылась, исчез. На столике рядом не громоздились пустые коробки из-под пиццы.

Пайпер села и огляделась.

В гостиной она была одна.

— Ну могли хотя бы плед оставить, — проворчала Пайпер, поднимаясь с дивана. — Или разбудить, раз уж не соизволили отнести до комнаты...

В гостиной было до жути холодно.

Пайпер бросила взгляд на окно — закрыто. Холодом веяло не со стороны входной двери или со второго этажа. Холод словно жил здесь. Всегда.

Она знала, что это глупо. Вероятнее всего, это лишь сон. Станный и реалистичный, но сон. Пайпер забудет его, как только проснётся, так что волноваться не о чем.

Однако нервы натянулись. Она, во сне никогда прежде не ощущавшая своё тело так хорошо, напряглась, успев сделать всего несколько шагов. Открытые участки кожи — руки, шею и лицо — кололо холодом. Нос улавливал запахи воска, цветов и снега.

В доме дяди Джона так никогда не пахло.

Пайпер направилась на кухню. Там почти ничего не изменилось, разве что полки холодильника оказались пусты, хотя они только утром вчетвером ездили в магазин. Записки на дверце, чаще всего оказывающиеся там по инициативе Эйса, состояли из каких-то закорючек. Пайпер несколько раз пыталась прочесть хотя бы слово, но ничего не получалось. Раздражённая, она едва не сорвала записки, но услышала крик Эйса.

— Дядя Джон!

Пайпер взлетела по лестнице, повернула налево, случайно пробежала мимо нужной комнаты и тут же вернулась. Эйс сидел на кровати, вцепившись в одеяло, и во все глаза пялился на женщину у окна. Свет прикроватной лампы неприятно резал глаза.

— Почему вой стих? — пролепетал Эйс. — Что вообще... — он медленно повернул голову, словно только теперь заметил её, и облегчённо выдохнул. — Пайпс!

— Эйс, — выдохнула она, подбежав к нему, и уже было протянула руки, готовая обнять, успокоить, защитить, как Эйс выпалил, кивнув в сторону окна:

— Ты её видишь?

Пайпер, инстинктивно закрыв собой брата, посмотрела на женщину.

Эйс казался вполне себе реальным, а вот она — нет. У неё была аспидно-синяя полупрозрачная кожа, длинные волосы того же оттенка, по которым расплывались спиральные галактики, и длинное тёмное платье, украшенное цветными кругами. Тёмно-фиолетовые глаза будто бы стали ярче, стоило ей посмотреть на Пайпер; едва различимые на фоне кожи губы расплылись в победной улыбке.

— Ты добралась.

— Вы можете говорить нормально? — удивился Эйс.

— Что? — не поняла Пайпер, бросив быстрый взгляд на брата.

— Теперь — могу, — улыбнувшись ещё шире, сказала женщина. — Проблема была не в тебе, мой милый наследник.

— Не называйте меня так.

— Но я благословляю тебя, — недоумённо сказала женщина. — Я дарю тебе уникальную возможность!

— Так, послушай меня, дамочка. — Пайпер поднялась на ноги и, сделав, как ей хотелось верить, несколько угрожающих шагов вперёд, встала перед женщиной со сжатыми кулаками. — Убирайся отсюда. В этой комнате есть пистолет, и поверь мне, я успею его достать, чтобы задержать тебя, если это потребуется.

Пайпер лгала. Она знала, что у дяди Джона есть пистолет, но понятия не имела, где он его держит. Да и сможет ли она им воспользоваться, если найдёт? Дядя Джон, конечно, учил её стрелять, но...

— Я пришла с миром, — женщина подняла руки, демонстрируя им белые узоры на ладонях — переплетения слов, полос и геометрических фигур. — И, отвечая на твой вопрос, — она сделала лёгкий кивок в сторону Эйса, — вы не в своём доме, поэтому больше не слышите вой тёмных созданий.

— Что? — одновременно спросили Пайпер и Эйс, а Пайпер ещё и добавила:

— Если ты не скажешь, как ты попала сюда...

— Я пришла вместе с тобой... Ох, где мои манеры? Меня зовут Лерайе, и я — твой сакрифициум.

Пайпер, вся напрягшись, ждала продолжения, но женщина больше ничего не сказала. Вместе со словами увяла и её улыбка, теперь лицо женщины казалось непроницаемым и холодным. Пайпер стало не по себе.

— Мне жаль, — тихо произнесла женщина, — что всё так вышло. Времени очень мало. После этого разговора я, скорее всего, ещё не скоро смогу явиться тебе или твоему брату.

— Оставь его в покое! — зашипела в ответ Пайпер. Уверенности в ней не было, но ради Эйса она храбрилась, старалась казаться сильнее и смелее.

— Время твоего брата ещё придёт, а вот у тебя его совсем мало. — Не успела Пайпер даже рта открыть, как женщина предельно серьёзным тоном, будто приказывая, продолжила: — Доверяй только себе и своим чувствам. Помни, что ты сильнее и умнее. Они нуждаются в тебе, но не позволяй им манипулировать тобой. Йоннет... Йоннет поможет. Я уверена, что поможет. Найди кристаллы.

— Что?.. Так, леди, — Пайпер сделала вид, что тянется к ящику стола, расположенному у окна. Может, там и не окажется спрятанного дядей Джоном пистолета, но уж что-то точно найдётся. Что-то, что можно швырнуть в женщину и отвлечь её от Эйса. — Это последнее предупреждение.

— Пожалуйста, найди Арне, — голос женщины надломился. В уголках её ничего не выражающих глаз стояли слёзы, которые она даже не пыталась утереть. — Я знаю, что не ошиблась, выбрав тебя. Пожалуйста...

Пайпер резко выдвинула ящик стола и, едва не вскрикнув от облегчения, и впрямь увидела пистолет. Под испуганный возглас Эйса она схватила его и направила на женщину, даже

не проверив, заряжен ли он. Всё, чему учил дядя Джон, мгновенно вылетело из головы, зато по тяжести в руке...

Пайпер слегка нахмурилась, поняв, что не чувствует тяжести пистолета. Его можно было бы просто кинуть в женщину, но почему он ничего не весит?..

— Это всё нереально. Ты откроешь глаза там, где была до этого, и вряд ли многое вспомнишь, но... Пожалуйста, запомни моё имя, Пайпер из семьи Сандерсон. Меня зовут Лерайе, и я твой сакрифициум. Я дарю тебе свою Силу.

Руки Пайпер дрожали. Она уже собиралась швырнуть ничего не весивший пистолет в женщину, но та опередила её — протянула ладонь и коснулась лба девушки.

Свет в комнате погас, а когда вспыхнул вновь, залил комнату красным.

Кто-то бил её по щекам, и женский голос кричал:

— Поднимайся!

— Боги, да ты её убьёшь! — раздался совсем рядом другой голос. Более низкий, взволнованный и такой знакомый.

— Немедленно вставай!

— Дядя Джон?.. — едва ворочая языком, прошептала Пайпер и сразу же ощутила, как у неё горят щёки, по которым, к счастью, никто уже не бил. Над ней навис дядя Джон, чей силуэт расплывался. Пайпер, застонав от головной боли, добавила: — А нельзя было включить мою любимую песню, чтобы я проснулась? Или принести завтрак в постель?..

— Она ещё и шутит, — раздражённо бросила незнакомая женщина.

Пайпер повернула к ней голову и едва не закричала. Глаза женщины светились алым светом.

— Если шутит, значит, не пострадала, — ласково отозвался дядя Джон, потрепав её по плечу.

— У неё же...

— Шерая, приятно познакомиться, — сухо представилась женщина со светящимися красными глазами, когда дядя Джон помог Пайпер принять вертикальное положение. — Что ты помнишь?

Пайпер хмуро уставилась на неё, намеренно промолчав, и огляделась. Лео рядом не было — должно быть, ушёл в свою спальню, когда понял, что засыпает. Тогда почему Пайпер не разбудил?.. Он не настолько жесток, чтобы бросить её на диване, зная, что после ночи на нём будет болеть спина.

И что вообще эта женщина с красными глазами тут делает?..

— Пайпс. — Дядя Джон, сев рядом, крепко сжал её ладони. — Ответь на вопрос Шераи.

— Кто она? — строго, точно допрашивая, спросила Пайпер. Если уж эта женщина оказалась в доме дяди Джона, значит, он ей доверял, но не слишком ли странно было ещё и позволять ей будить Пайпер, особенно таким варварским способом?

— Коллега, которой я полностью доверяю. Ответь на её вопрос. Пожалуйста.

— Что я помню? — повторила Пайпер со смешком и снисходительно ответила: — Странный сон. Я бы даже сказала, немного безумный.

В том, что это был и впрямь сон, она не сомневалась. Пайпер проснулась там же, где и заснула, на столике рядом высились коробки из-под пиццы, а с кухни лился тёплый свет.

«Всего лишь сон», — с облегчением подумала Пайпер, и в то же мгновение в её голове раздался голос женщины: «Не сон».

От испуга она стиснула ладони дяди Джона, уставившись на него широко распахнутыми глазами. В ответ он смотрел как-то странно: с беспокойством, страхом, печалью и отчаянием одновременно. Смотрел так, будто хотел запомнить каждую черту её лица, навсегда запечатлеть её образ в своей голове, словно...

По щеке дяди Джона скатилась слеза.

Пайпер никогда не видела, чтобы он плакал. Даже на похоронах родителей, её бабушки и дедушки. Её отец Дэниел плакал, не сдерживаясь, а дядя Джон не проронил ни слезинки.

— Ты не спала, верно? — кое-как выдавил он.

— Конечно спала, — недоумённо возразила Пайпер.

— Нет, — возразила вклинившаяся в их разговор Шерая, — ты не спала. Соберись, Джонатан! — рывкнула она, бросив на мужчину испепеляющий взгляд.

— Не смейте орать на него! — зло выпалила Пайпер.

— Я в порядке, Пайпс, в порядке, — дядя Джон нервно рассмеялся, как бывало всегда, когда Пайпер, всего двадцати лет от роду и ста семидесяти шести сантиметров ростом, бросалась на защиту родных. По мере взросления она становилась всё смелее и порой вступала в конфликты с людьми намного старше и сильнее, из-за чего дяде Джону когда-то и пришлось начать учить её защищаться. — Хотя знаешь, что? Ни хрена я не в порядке. Ты уверена, что спала?

— Конечно. Сказала же, мне сон приснился.

«*Не сон*».

Опять!

— Ты не потеряла сознание от воя, — заметила Шерая, уставившись на неё, — но и на чары, когда я их накладывала, не отреагировала. Интересно...

— Воя? Я не слышала никакого воя.

— Не слышала? — Минутная слабость дяди Джона прошла, не оставив после себя ни следа — возможно, так на него подействовал крик Шераи, из-за Пайпер снова захотелось огрызнуться на неё.

— Разберёмся с этим позже, — отрезала женщина. — Нам нужно проверить Эйса.

— Что с ним? — мгновенно забеспокоилась Пайпер.

— Не уверен, что что-то хорошее, — разочарованно ответил дядя Джон.

— А Лео? Где он?

— В безопасности. Ты же мне веришь? — дождавшись, когда Пайпер кивнёт, — хотя странно и подозрительно, что ему требовалось это подтверждение, ведь раньше за ним такого не водилось, — дядя Джон продолжил: — Лео в безопасности, ему ничего не угрожает. Шерая... позаботилась об этом.

— Что? — Пайпер метнула на женщину убийственный взгляд, на что та невозмутимо пожала плечами:

— Вой тёмных созданий его вырубил, а чарами я укрепила сон, так что всё с ним будет в порядке. Наши маги позаботятся о нём и доставят домой.

Не успела Пайпер спросить, что это вообще значит, как Шерая снова потребовала рассказать, что было в том сне. Дядя Джон, взглянув на племянницу едва не с мольбой, кивнул.

— Кто в нём был? — требовательно спросила Шерая, когда Пайпер молча уставилась на свои ладони, спрятанные в тёплых руках дяди Джона.

— Эйс и какая-то полупрозрачная дамочка.

— Она представилась? Ты запомнила, как она выглядит?

— Странная какая-то. Вся фиолетовая... А что, собственно, происходит? Мы же должны были просто смотреть фильм, — под конец предложения голос Пайпер сорвался до жалобного писка.

— Мы обязательно посмотрим фильм... вместе, — последнее слово дядя Джон выдавил с большой неохотой, будто бы одна только мысль о том, что ему нужно терпеть общество племянников, убивала его. — Но сначала мы уладим несколько дел, хорошо? Пайпс, пожалуйста, ответь на вопросы Шераи. Та женщина представилась? Как она выглядела?

— Фиолетовая кожа и такие же волосы с... ну, знаешь, на её волосах словно спиральные галактики крутились. На ладонях были какие-то белые узоры, а платье...

— Она представилась? — перебила Шерая. Она то и дело поглядывала на окна, словно боялась, что кто-то ворвётся в дом и помешает их разговору.

— Арне. Нет, погодите... Сакрифум? Лераи? Она сказала слишком много непонятных слов!

— Лерайе, — с придыханием, в котором смешались страх и уважение, повторила Шерая.

— Не может...

Закончить дядя Джон не успел — окна его гостиной разбила огромная тёмная туша, издающая утробные звуки.

Пайпер закричала, но дядя Джон зажал ей рот и дёрнул на себя, оттащив от дивана. Тело сковало страхом, и она даже не могла осознать, из-за кого: Шераи, сделавшей шаг вперёд, ладони которой окутал мягкий красный свет, или того, кто вломился в дом.

На полу гостиной, весь в осколках и крови, лежал огромный чёрный пёс. Он начал медленно подниматься, рыча, пока подобные ему запрыгивали в дом через разбитое окно. Псы рычали, с клыков с шипением капала пена, задымившаяся от попадания на пол.

Дядя Джон быстро завёл Пайпер себе за спину и неизвестно откуда вытащил нож. Её замутило. Оборвавшийся крик застрял в горле, по щекам побежали слёзы.

Псы образовали полукруг, скалясь на них и рыча. За их спинами завихрился чёрный дым. Несколько мгновений ничего не происходило, и Пайпер, едва соображавшая из-за страха, успела подумать, что она всё ещё во сне. Но тут дым начал уплотняться: постепенно образовался силуэт, из которого вперёд шагнул мужчина в строгом тёмном костюме и начищенных до блеска туфлях. Его кожа казалась совсем белой, как и волосы, из-за лба торчали загибающиеся к макушке рога, кончики которых темнели. Он улыбался, источая уверенность и веселье. Мужчина потянулся и хрустнул шеей, после чего из-за его спины показались огромные кожистые крылья с исчезающими прямо на глазах дырами.

Пайпер спиной прижалась к стене, зажав рот руками.

— Обожаю этот мир! — радостно выдал мужчина, улыбнувшись от уха до уха. В блеске красного света, исходящего от рук Шераи, Пайпер удалось разглядеть острые зубы с длинными клыками.

И глаза...

Глаза у него были красными, а склеры — чёрными.

— Чую кровь сигридцев, — демонстративно принявшись, мужчина облизнулся. — И... страх. Прекрасный сладкий страх. Ты боишься меня, милая?

Его взгляд остановился прямо на Пайпер, издавшей сдавленный крик ужаса. Дядя Джон, сделав шаг в сторону, прикрыл её собой, но мужчина с крыльями тут же сместился, чтобы вновь взглянуть на неё.

— Ты станешь моим первым лакомством, — пообещал он, проведя языком по клыкам.

— Ты и вполтину не так силён, как о тебе говорили, Маракс, — процедила Шерая, подняв ладонь.

— Ты даже знаешь моё имя! Какие нынче образованные люди пошли! Сколько же я пробыл в хаосе?

— Тебе знать необязательно. Соскучиться не успеешь — вновь растворись в нём, как и все твои демоны.

— Демоны? — повторил тот, кого звали Мараксом, словно пробуя слово на вкус. — Демоны... Мне нравится это слово. Знаете, «тёмные создания» — это как-то слишком длинно, вы не находите? Представьте: я собираюсь убить несчастного смертного, а он пронзительно кричит: «О нет, тёмное создание!» Длинно! Вот если бы он кричал: «О нет, демон!», было бы намного лучше! Мы должны употреблять это слово чаще. Скажите, вы им частенько пользуетесь? Смертные выкрикивают его, когда мы пожираем их?

В мужчину полетел залп алого света. Пайпер истошно заорала, глотая слёзы. Маракс, пошатнувшись от удара, схватился за обожжённое лицо и, завыв то ли от боли, то ли азарта, рявкнул:

— Сожрите их!

Псы с диким рычанием бросились вперёд. Дядя Джон схватил её за руку и дёрнул за собой как раз в тот момент, когда в место, к которому она только что прижималась спиной, влетел один из псов. Часть гнилой морды так и осталась на стене — между ней и псом, вновь вставшим на кривые лапы, протянулись чёрные вязкие нити, напоминавшие смолу.

Дядя Джон толкнул Пайпер на лестницу, приказав бежать, и она побежала. Даже не оглянулась, когда за спиной вновь засиял алый свет, а Маракс заорал ещё яростнее. Уже на верхней ступеньке, поворачивая в сторону, Пайпер заметила дрожащую поверхность, отделяющую первый этаж от лестницы. Словно едва видимый барьер, мерцавший красным.

— Шерая выиграет нам несколько минут, — дядя Джон, вновь взяв её за руку, потянул за собой и свернул налево, — а потом откроет портал.

— Что?..

— Делай всё, что я тебе скажу. Только то, что я скажу, Пайпс. Никакой импровизации.

— Да что происходит-то?!

— Всё как обычно, — нервно рассмеялся дядя Джон. — Брешь открылась, демоны хлынули сюда... Ничего, скоро здесь будут наши. Рыцари всё уладят, а маги восстановят барьеры. Нужно лишь продержаться до их появления.

— Кто эти твари?!

— Тёмные создания. Демоны. Псы — ноктисы, а Маракс у них за главного, хотя после призыва он должен быть слаб... Потом узнаешь больше.

Пайпер не хотела никакого «потом». Она хотела закрыть глаза, досчитать до десяти и, вновь открыв глаза, понять, что всё произошедшее — лишь плод её разбушевавшейся фантазии. Нет никаких чудовищ. Нет никакого странного голоса в голове. Она никогда не слышала тех непонятных имён, о которых говорила женщина с фиолетовой кожей.

Пайпер хотела домой.

У неё был вопрос, — нет, сотни вопросов, — но она бежала, подгоняемая дядей Джоном. Топот ног не заглушал рёва чудовищ, ворвавшихся в дом, и голос Маракса, оравшего что-то непонятное.

Пайпер слышала и хруст — будто кости сломались.

— Налево! — прокричал Джонатан, толкая её перед собой.

Да, налево. К гостевой комнате, в которой спал Эйс. Его дверь — третья слева от окна в конце коридора.

Дядя Джон вскрикнул — резко, яростно, так, что заставил Пайпер отскочить в сторону и прижаться к стене, уставившись на него, поваленного на пол огромной тушей, занимавшей большую часть пространства в коридоре.

У Пайпер перехватило дыхание.

Лео любил ужасы. Благодаря ему Пайпер знала о многих чудовищах и уродцах, которые не только были описаны в различных мифах, ставших основой для того или иного фильма, но и придуманы специально для этого. Эйс боялся таких разговоров, Пайпер же встречала их хоть и не с радостью на лице, но и не с отвращением. В конце концов, это всего лишь фильмы. В реальности чудовищ не бывает. Не должно быть.

«Тёмные создания реальны».

То, что пыталось подобраться к голове дяди Джона — чудовище? *Тёмное создание?*

Колени Пайпер задрожали. Она едва не откусила себе часть щеки, пытаясь заглушить крик.

Дядя Джон, прижатый к полу, в попытке защитить голову подставил огромному клыкастому чудовищу правую руку. Острые зубы легко разорвали ткань рубашки и прокусили плоть. Брызнула кровь, полившаяся на лицо дяди Джона. Отростки на спине, похожие на осклизлые щупальца, дёргались во все стороны. Две когтистые лапы, которыми чудовище упёрлось в пол, были размером с голову дяди Джона.

Он с трудом освободил левую руку, прижатую к груди телом чудовища, и резко вскинул её. Что-то сверкнуло и врезалось в морду твари чуть выше ряда острых зубов.

Хлынула чёрная кровь.

Чудовище заревело, выпустив из пасти руку дяди Джона. Он успел наотмашь ударить его и крикнуть:

— Спрячься!

Пайпер не понимала, как, но сквозь рёв чудовищ услышала скрип на лестнице.

Когда дядя Джон вырвал нож из морды чудовища, она оттолкнулась от стены и побежала дальше. Пообещав, что будет делать всё, что ей скажут, Пайпер была искренне удивлена этому — неужели в её теле так много силы? Неужели она ещё могла двигаться? Рвущееся наружу сердце едва не рвалось, за спиной раздавались крики дяди Джона, но Пайпер, бросив его, всё равно бежала.

«Беги вперёд!» — гремел голос в голове. — *Беги!»*

Пайпер почти сразу же остановилась. Из разбитого окна в конце коридора на подоконник ползли два чудовища. Точнее, переваливались — они напоминали скорее сгустки тёмной массы, имевшей несколько несформировавшихся рук, которые то тонули в огромном теле, то появлялись из него. Твари не имели глаз, но заметили её, Пайпер была уверена.

Она плечом навалилась на ближайшую дверь и распахнула её.

Это была третья дверь слева.

«Эйс!»

Эйс беззащитно лежал в кровати, укрытый тёплым одеялом, прижимающий к себе свою любимую игрушку — тёмно-зелёного плюшевого крокодила. Подушка была насквозь мокрой, а на его лице, у левой щеки — кончик длинного шершавого языка, с которого капала слюна.

Пайпер вскрикнула, и чудовище тут же посмотрело на неё. Вся его морда была покрыта множеством маленьких глаз, а в самом центре располагался широкий зубастый рот, из которого торчал длинный язык. Тело казалось большим, но гибким, с как минимум шестью лапами без когтей и с бесчисленным количеством острых наростов, часть из которых уже наделали дырок в одеяле Эйса.

«Эйс не просыпается!»

Почему Эйс не просыпается? Разве он не слышал шум? Не почувствовал что-то странное?

«Всё хорошо».

Пайпер точно знала, что не сможет убедить себя в этом, но внутренний голос отказывался повторять что-то другое. Твердил, что ей нечего бояться, что она во всём разберётся, но вряд ли ей было под силу отогнать от младшего брата чудовище, языком водящего по его лицу.

Чудовище будто размышляло, на кого напасть. Оно медленно переводило взгляд от Пайпер к Эйсу и обратно, и когда оно возвращалось к мальчишке, длинный слюнявый язык вываливался изо рта, но вновь прятался, стоило чудовищу посмотреть на Пайпер. Она, замерев на месте, ждала хоть какой-то реакции. Чего-нибудь, что подсказало бы ей, как поступить.

«Всё хорошо».

Почему она продолжает повторять это?

«Иди на меня».

О чём она думает?..

Чудовище, оставив лицо Эйса в покое, медленно поползло с кровати. Пайпер сделала несколько шагов назад. Чудовище прибавило скорости.

Оно же не может слышать мысли?..

«Сюда».

«Нет, не сюда!»

Двое не имевших точную форму чудовищ были слишком близко. Пайпер не знала, куда ей деться, и инстинктивно продолжила отступать назад, пока не уткнулась во что-то. Не сводя глаз с чудовища, медленно ползущего на неё из гостевой комнаты, Пайпер рукой нащупала предмет. Дверная ручка.

Но с правой стороны от окна только две двери.

Или она, напуганная и растерянная, разучилась считать.

Пайпер резко дёрнула ручку и забежала в комнату. Захлопнуть дверь она не успела — чудовище просунуло несколько своих лап и пыталось пробраться внутрь.

Рядом не было ничего достаточно тяжёлого, чем удалось бы подпереть дверь. На глаза Пайпер попала неаккуратно заправленная кровать, над которой висела пробковая доска с какими-то заметками. Слева — закрытое окно, рядом с ним — заваленный книгами и бумагами, напоминающими свитки, стол. Справа высился шкаф. Бедром Пайпер упиралась в какой-то комод. Между ним и длинным столом расположилось нечто большое, размерами напоминавшее доску на стене, накрытое тканью. Повсюду валялись чьи-то вещи.

Чудовище навалилось сильнее и прорвалось в комнату. Пайпер отскочила в сторону, налетела на комод и упала на пол, рукой зацепив ткань. Чудовище, в нетерпении перебирая лапами, во все глаза уставилось на Пайпер. Бесформенные твари, не пролезая в дверной проём, уже пытались прорваться в комнату.

Пайпер почти плакала. Она хотела, чтобы этот кошмар закончился. Было страшно, очень страшно. Она не могла поверить, что чудовища реальны, но помнила, что о «тёмных созданиях» ей рассказывал Джонатан. Он никогда не упоминал их внешности, да и Пайпер не сильно интересовалась. Для неё они всегда были лишь частью истории, которую он рассказывал каждому из своих племянников. Пайпер перестала слушать его сказки в семь лет, когда поняла, что они не имеют ничего общего с реальностью.

Как оказалось, зря.

Пайпер плакала. Она отползала назад, в то время как чудовище медленно приближалось, пока рукой не наткнулась на что-то острое. Пальцы быстро нащупали лезвие и развернули его, чтобы уцепиться за рукоятку. Она ухватила найденный нож и вскинула перед собой. Чудовище замерло и прекратило наступление. Пайпер ошалело осматривала комнату, ища, чем бы отбиться. На глаза ей попала порванная футболка с каким-то рисунком. Дяде Джону она была мала.

Что это за комната? И впрямь третья дверь справа от окна?..

В голове всё перемешалось.

Это кошмар. Реалистичный, но кошмар. Она проснётся, и всё будет хорошо. Нет никаких чудовищ или третьей двери справа от окна, которую она почему-то не замечала раньше. Страшное чудовище не планировало съесть её младшего брата. Она не наткнулась на охотничий нож.

«Посмотри направо».

Пайпер не понимала, кому принадлежал голос в голове — ей, её страхам или её попыткам убедить себя, что всё происходящее было плохим сном. Она запуталась и не знала, сможет ли когда-нибудь выпутаться, но, к собственному удивлению, всё же посмотрела направо.

Там, под тканью, уже упавшей на пол, была картина. Красивая картина. Пайпер успела разглядеть бушующее море и корабль в самом его сердце, когда чудовище прыгнуло на неё.

Она инстинктивно бросила нож вперёд и, не отдавая себе отчёта в действиях, повалилась на правый бок, рукой задевая картину.

Сердце пропустило удар.

Второй, третий.

Её тело ещё не было разорвано.

Пайпер с опаской приоткрыла глаза и посмотрела перед собой сквозь пальцы. Никаких чудовищ не было. Комната оставалась во мраке, но из коридора лился тёплый свет. На полу рядом с Пайпер остались капли слюны, разъедающей паркет, и мокрые пятна. Охотничий нож лежал у её ног.

— Пайпер? — по коридору разнёсся хриплый голос дяди Джона. — Пайпс, где ты?

Пайпер не могла пошевелить губами. Она, подняв нож, осторожно подошла к двери и выглянула в коридор — дядя Джон как раз заглянул в комнату к мирно спящему Эйсу и, убедившись, что тот в порядке, вернулся в коридор, где и наткнулся на Пайпер.

— Боги, — поражённо выдохнул он. — Почему ты в этой комнате?

Почему этот вопрос — первый?..

Голова Пайпер кружилась и разрывалась от вопросов. Нож выпал из её рук. По щекам потекли слёзы, а губы задрожали. Дядя Джон, до этого прижимавший правую руку к телу, поднял ладони и протянул их к Пайпер, но она резко замотала головой и пробормотала:

— Это всего лишь кошмар...

— Пайпс, — мягким голосом обратился к ней дядя Джон. — Милая, иди ко мне. Всё хорошо. Всё закончилось.

— Это кошмар, — повторила Пайпер, похлопав себя по щекам. — Такого не бывает.

Она подняла глаза на дядю Джона, но вместо него обнаружила высокого, странно одетого мужчину с сиреневой кожей и сияющими глазами.

— Это кошмар, — как в бреду повторила Пайпер и добавила, ощущая, как по щекам текут слёзы: — Я хочу домой.

Голова взорвалась сотнями голосов, пытавшихся одновременно задать сотни вопросов.

Глава 3. Проснуться чтоб в других мирах

Куда-то подевались тёмные пятна на полу и разводы слюны. Не было и крови, стёкшей с пальцев дяди Джона, как и следов от когтей чудовищ.

Лишь приглядевшись, Пайпер поняла, что она даже не в доме дяди.

По спине пробежал холодок.

Комната, в которой она проснулась, казалась какой-то уж слишком помпезной. Мягкая кровать с тёплым одеялом, бордовый балдахин с золотыми узорами, сквозь который пробились солнечные лучи, — по обе стороны от кровати располагались большие арочные окна, частично скрытые тюлем. Слева также было большое, мягкое на вид кресло насыщенного винного цвета, рядом — золотистый трельяж, заставленный склянками и бутылочками. Напротив кровати, недалеко от двери, стояло напольное зеркало. С правой стороны возвышался шкаф и была прикрытая дверь.

Пайпер выбралась из кровати. На ней была та же одежда, что и вчера — джинсы и футболка, помявшиеся после сна. Ноги едва держали, голова кружилась, но Пайпер, стиснув зубы, подошла ко второй двери и распахнула её. В новой комнате её встретили высокие шкафы, заполненные книгами, и стоящий в центре письменный стол.

Она уже собиралась подойти ближе, — взгляд невольно зацепился за ворохи бумаг, где, как ей показалось, были такие же символы, как и в странном сне, — но в дверь спальни постучали и, не дожидаясь ответа, открыли.

Пайпер застыла в дверном проёме второй комнаты, не зная, что успеть схватить, чтобы отбиться. Почти успела дотянуться до одной из полок и скользнуть пальцами по корешкам книг, как встретила взглядами с удивлённым дядей Джоном.

— Пайпс?

Голос, одновременно ласковый и уставший, насторожил её. И эта непринуждённость и уверенность, с которой он зашёл в комнату, будто делал это десятки раз...

Пайпер стиснула кулаки и сжала губы, напрягшись всем телом.

— Пайпс, выдохни, — с мягкой улыбкой посоветовал дядя Джон, прикрыв за собой дверь. — Всё хорошо, мы оба в безопасности. Если что, тебя никто не похищал, клянусь. Как спалось?

— Я видела странный сон, — выпалила Пайпер, надеясь, что он скажет что-то вроде: «Ничего страшного, это просто кошмар. Идём, я приготовил завтрак».

Но дядя Джон молчал, и она, ощутив, как что-то внутри сжалось от его погасшей улыбки, взволнованно уточнила:

— Это же был сон, да? Кошмар. На самом деле...

— Не сон, — на выдохе ответил он. — Я тебе всё объясню, Пайпер, клянусь. Может, позавтракаем?

Она ждала этого предложения, но когда услышала, не ощутила ни радости, ни облегчения. Дядя Джон предлагал позавтракать не из-за того, что после у них будут планы, а потому её братья уже на кухне и ждали только её.

— Я не хочу есть, — через силу выдавила Пайпер. Глаза почему-то защипало.

Дядя Джон с грустной улыбкой возразил:

— Ты всегда хочешь есть. Чистая одежда в шкафу — переоденься и спускайся вниз, мы будем ждать. Лука тебя проводит.

— Кто?..

— Пайпс, что я говорил? Делать то, что я скажу.

— Да, но...

— Делай, что я говорю.

Пайпер, никогда прежде не сомневавшаяся в нём, — он же всегда был на её стороне, помогал, поддерживал, прикрывал, если нужно, как он может её предать?.. — зло процедила:

— Где мы?

— Обещаешь не ругаться, если скажу?

— Если не скажешь, буду не только ругаться, но и драться. Удар правой у меня сильный, ты сам научил.

На мгновение лицо дяди Джона озарила тёплая улыбка, которая так же быстро исчезла. Он нахмурился, почесал щетинистый подбородок и устало вздохнул.

— Мы в особняке Гилберта.

— Где-где?

— У Гилберта, моего друга. Он нам поможет.

— Замечательно, — саркастично отозвалась Пайпер, натянуто улыбаясь, и подняла вверх большие пальцы. — А где его особняк?

— На пересечении лей-линий Сигрида. Но если ты говоришь о земной географии, то мы в Детройте.

Пайпер громко закричала зубами, свирепо уставившись на дядю Джона. Он примирительно поднял ладони, сделал несколько осторожных шагов к ней, будто не хотел спугнуть и одновременно боялся, что она нападёт, и так же медленно взял за плечи.

— Пайпс, объяснить всё в двух словах очень трудно. Но уверяю тебя, мы в безопасности. Гилберт с Шераей ни за что нам не навредят. Клянусь. А если и попытаются, я тебя защищу.

Помедлив немного, он наклонился и поцеловал её в лоб. Пайпер застыла — напряжение, охватившее тело, исчезло будто по щелчку пальцев.

Дядя Джон давно так не делал.

— Пожалуйста, верь мне и делай, как я говорю. Завтрак — не самое страшное, что тебя ждёт.

— А может быть что-то страшнее?..

— Всегда. — Он отстранился, напоследок потрепав её по плечу, и повторил: — Мы ждём внизу. Лука в коридоре, он тебя проводит.

Пайпер потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя и начать делать хоть что-то. Поначалу она просто злилась, пинала столбики кровати и дверцу шкафа, не боясь получить синяки, и громко ругалась. Потом, упав на кровать, трижды начинала считать до десяти, выравнивая дыхание, и сбивалась, хватала подушку, прижимала к лицу и орала в неё.

В конце концов она всё же распахнула дверцы шкафа и осмотрела одежду, вполне подходящую ей по размеру. Пайпер, однако, из принципа решила не переодеваться. Она даже не причесалась, ни в зеркало не взглянула. Без разницы, как она выглядит, — пусть дядя Джон и этот его Гилберт видят, что она чувствует себя отвратительно.

Пайпер последний раз оглядела комнату, сама не понимая, что искала, и зацепилась взглядом за нож, лежащий на трельяже. За баночками и склянками она его и не заметила поначалу, но, взяв в руки, поняла, что это тот самый нож, которым она замахнулась на чудовище. Вынув лезвие из чехла, Пайпер оглядела его — чистое, без единого пятнышка крови.

Дядя Джон не забыл бы оружие, она это точно знала. Значит, намеренно оставил? Чтобы она имела под рукой средство защиты или же чтобы была уверена, что произошедшее — не сон?..

Пайпер без раздумий засунула нож за пояс джинсов, в пару широких шагов оказалась у двери и распахнула её, запрещая себе даже на секунду поддаться сомнениям.

Ждавший в коридоре невысокий светловолосый юноша сдавленно вскрикнул, тут же выпрямился, прочистил горло и с учтивой улыбкой произнёс:

— Доброе утро, госпожа Сандерсон.

Пайпер хмуро уставилась на него. На вид лет пятнадцати, а одет не по возрасту — в строгий тёмный костюм и белые перчатки. Но странным показалось даже не это, а уши юноши. Слегка вытянутые, с острыми кончиками. Она озадаченно разглядывала их, ничуть не стыдясь, а юноша от пристального внимания весь покраснелся. Снова кашлянув, он, стараясь звучать невозмутимо, добавил:

— Я, если позволите сказать, очень рад познакомиться с вами. Это большая честь и... — он запнулся, прикрыв глаза, и рвано выдохнул. — Впрочем, забудьте. Завтрак уже подан, позвольте вас проводить.

— Э-э...

Пайпер поджала губы и кивнула, сама не понимая, чему — все его слова пропустила мимо ушей. Юноша, очевидно, поняв это, осторожно уточнил:

— Я первый из сигридцев, кого вы встретили? В смысле, не считая госпожи Мур, но она-то человек, а я...

— Что, прости? — только и смогла выдавить Пайпер.

Господи, как же она хотела, наконец, оказаться дома...

— Вы не волнуйтесь, я совсем не обижен! — взволнованно залепетал юноша. — Рассматривайте мои уши сколько хотите, я не возражаю. Если у вас есть какие-то вопросы, обязательно задавайте, я...

— Кто ты и что происходит?

— Лука, один из подопечных и слуг Гилберта. Ваш дядя Джонатан попросил меня сопроводить вас в столовую, где вас будут ждать мой король, госпожа Мур и Кит.

— И Кит? — глупо хлопая ресницами, повторила Пайпер.

— Ученик Джонатана.

Великолепно. У него есть какой-то ученик.

— А твои... ну-у...

— Уши? — подсказал Лука, слегка покраснев. — Да, это мои настоящие уши. Нет, я не умею пользоваться чарами фей или эльфов, хотя родители — чистокровные эльфы. Ещё вопросы?

— Что за чары-то? Шерая говорила что-то такое, но... Не знаю, звучит как бред.

— О, так вы и вправду совсем ничего не знаете, — как-то разочарованно пробормотал он. Даже блеск восхищения в его глазах немного угас. — Что ж, полагаю, Гилберт вам всё объяснит и поручится за вас перед коалицией, чтобы она разрешила вам доступ к библиотекам и хранилищам... В общем, что-нибудь он уж точно придумает.

Пайпер, наконец переступив порог спальни и закрыв за собой дверь, проворчала в ответ:

— Не надо обращаться ко мне так официально.

— Этого требует ваше положение.

— И какое у меня положение?

— Равнозначное нашему королю.

Закрыв лицо ладонями, Пайпер громко застонала.

Ещё немного, всего одна мелочь, которой она не понимает, и она точно впадёт в бешенство.

Лука смотрел на неё с вежливой, но нервной улыбкой.

— Проводить вас в столовую?

— Мне нужно к психиатру, а не в столовую.

Лука удивлённо моргнул.

— Простите?..

— Веди.

У Пайпер кружилась голова, во рту было сухо, а ослабшие ноги едва держали. Разум рвался на части из-за вопросов, ужасных воспоминаний и выводящих из себя недомолвок. При

этом казалось, что все вокруг понимают, что происходит, и отвечают вполне себе нормально, одна только Пайпер как идиотка повторяет одно и то же и ничего не осознаёт.

А может, она и впрямь сошла с ума?..

Лука провёл её по длинному коридору, стены которого были увешаны многочисленными картинами. Дворцы, возвышающиеся среди снегов и льдов, густые леса и каменные площади с фонтанами, множество лиц, сливавшихся в пятна. Всё какое-то... старое. Не современное.

Свернув, они оказались в коридоре, где с левой стороны тянулись высокие окна, открывавшие вид на внутренний двор. Там был небольшой сад, укрытый снегом и со всех сторон окружённый стенами, также состоящими из окон.

Но они только что повернули из-за угла, и стена там была обычная, с картинами. Почему тогда Пайпер видит окна?..

Она поравнялась с Лукой, на мгновение вжавшим голову в плечи, но быстро ответившего на так и не заданный вопрос:

— Это пространственная магия, госпожа Сандерсон. Особняк может перестраиваться как по своему желанию, так и по желанию хозяина и его гостей. Не отставайте, пожалуйста, иначе можете потеряться.

Пайпер, уставшая поражаться и пугаться, после этого смотрела строго перед собой и шла прямо за Лукой. Не задавала вопросов, не оглядывала убранство коридоров. Просто шла, обняв себя за плечи, и старалась унять дрожь.

По длинной раздвоенной лестнице, огибавшей небольшую площадку и после неё сливавшейся в одну, они спустились в просторный светлый холл, воздух в котором показался Пайпер слишком холодным. Откуда-то послышались приглушённые голоса. С правой стороны были приоткрыты массивные двери. Лука направился к ним, распахнул одну из створок и открыл было рот, как будто собирался объявить о её приходе, но дядя Джон, заметивший её раньше остальных, опередил его:

— Пайпс.

Он выглядел напряжённым, упираясь руками в поверхность длинного стола, но складки на лбу разгладились, стоило Пайпер пройти в столовую. Дядя Джон, вздохнув, сел на ближайший стул и облегчённо повторил:

— Пайпс... — заметив, что она так и осталась во вчерашней одежде и даже не причесалась, он цокнул языком. — Так и знал, что ты заупрямишься.

— А ты попробуй объяснять всё сразу и прямо отвечать на вопросы. Может, я от радости тогда и в самый дурацкий костюм прыгну, стоит только тебе попросить.

Кто-то тихо рассмеялся.

Пайпер внимательно, но быстро оглядела столовую: большой зал с арочными окнами, огромной люстрой, несколькими статуями у стен, кажущимися неуместными, и длинным столом со множеством пустующих мест. Во главе стола, прямо напротив дверей, сидел улыбающийся молодой человек. На вид — её ровесник. Из-за улыбки и приподнятых тёмных бровей его лицо казалось немного моложе и будто бы милее, но серьёзность ярко-голубых глаз и высокие скулы добавляли возраста. Тёмные кудри, совсем лёгкие, были в беспорядке, зато на белой рубашке с галстуком — ни единой складки.

Он улыбнулся шире, поймав взгляд Пайпер, но она отвернулась и вновь посмотрела на дядю Джона. Через два места от него сидела Шерая, одетая в чёрную водолазку с высоким горлом и брюки. Напротив Джонатана, ни на кого не обращая внимания, сидел молодой парень и, напевая что-то себе под нос, сооружал из поджаренных тостов, ломтиков бекона и яиц огромный сэндвич. У него были коротко стриженные тёмные волосы, добродушное лицо, усеянное родинками, как и шея с руками, и немного кривая улыбка. Когда он потянулся за аккуратно нарезанными овощами, лежавшими на тарелке рядом, Пайпер успела заметить свежий синяк на его правой руке.

— Вы пьёте чай или кофе? — нарушил тишину сидящий во главе стола молодой человек.

— Кровь, — без раздумий выпалила Пайпер.

— Я говорил, что она будет язвить и огрызаться, — пробормотал Джонатан, устало прижав пальцы к виску.

— Кровь-то у меня найдётся, — не растерялся парень, — но, возможно, только второй группы. Лука, принеси госпоже Сандерсон крови.

Пайпер думала, что это всего лишь шутка, но когда Лука направился в сторону неприкрытых дверей в другом конце столовой, неожиданно для самой себя исправилась:

— Я не пью кровь.

— Тогда могу я предложить вам новый чай, заваренный по рецепту фей? Один из последних подарков королевы.

Понятия не имея, о какой королеве идёт речь, Пайпер вяло кивнула. Лука исчез в дверях, которые, видимо, ведут на кухню. Дядя Джон похлопал по месту рядом с собой, но она замотала головой и замерла у другого конца стола, прямо напротив молодого человека с голубыми глазами.

— Тебя никто не укусит, — уточнил дядя Джон. — И ты, пожалуйста, никого не кусай. Ты же обещала, что будешь делать то, что я скажу.

— А если ты скажешь выпрыгнуть в окно?

— То я буду уверен, что ты либо благополучно приземлишься сама, либо тебя кто-то поймает. Я бы не стал просить тебя о чём-то, что может навредить тебе.

«Я знаю», — мелькнуло в голове Пайпер, но вслух она этого не произнесла.

На мгновение повисла тишина, неудобная и тяжёлая, из-за которой она поёжилась. Трое из четырёх присутствующих смотрели на неё, — парень с родинками больше интересовался своим завтраком, — и молчали до тех пор, пока сидевший во главе стола вновь не расплылся в улыбке.

— Полагаю, Джонатан уже представил меня. Гилберт, хозяин этого особняка.

— Очень миленький домик.

— О, да, мне тоже нравится! Он значительно лучше, чем когда я его покупал, и пространственная магия...

Шерая кашлянула, выразительно посмотрев на него. Гилберт растерянно уставился на неё в ответ, но быстро взял себя в руки и продолжил:

— Если вы не возражаете, госпожа Сандерсон...

— Просто Пайпер, — перебила она. — И на «ты».

— Вы уверены? — Гилберт выгнул бровь. — Мне бы не хотелось, чтобы между нами возникли недоразумения или недопонимания.

— Точно. Я не похититель, чтобы вы все меня так боялись. Ой, — она в притворном удивлении прижала ладони к груди и посмотрела на дядю Джона, — так ведь это *вынастоящие* похитители!

— Я уже сказал тебе, что...

— А мне этого мало! Тебе бы понравилось, если бы ты проснулся хрен знает где, а твой родственник сказал, что кошмар, который тебе приснился, кошмаром и не был? Это же бред! Какие, к чёрту, чудовища, и эти псы... А его уши! — вдруг воскликнула Пайпер, когда в столовую зашёл Лука с подносом, на котором стоял фарфоровый чайник. — И её глаза с руками! — добавила она, махнув рукой в сторону Шераи. — Что вообще происходит? Кто эти люди?

Сконфуженный Лука поставил поднос напротив пустого места, к которому Пайпер была ближе всего, быстро налил чашку чая и подал Пайпер. Она, даже не глядя на него, взяла её и тут же поставила обратно на стол. Дядя Джон, словно мысленно приказав себе успокоиться, сцепил пальцы в замок и встретился с ней взглядами.

— Наши союзники. Единственные, кому мы можем сейчас это доверять. Это, кстати, — он кивнул на парня с родинками, тут же просиявшего, — Кит. Придурок, но хороший искатель и надёжный парень.

— Я не придурок! — с набитым ртом возмутился Кит.

— Ты бросился на перевёртыша в одиночку, — раздражённо произнесла Шерая, постукав пальцами по столу.

— Так в этом-то и суть: напасть быстрее, чем он обратится!

— Прекратите, — приказал Гилберт, и Кит с Шераей, уже готовые начать спор, одновременно закрыли рты. Кит будто бы виновато посмотрел на него, а Шерая невозмутимо перевела взгляд на Пайпер. — Прошу прощения, госпожа Сандерсон... Пайпер, — исправился Гилберт, улыбаясь. — Мы все... немного взволнованы произошедшим.

— Не вы одни.

— Пайпер, пожалуйста, — с мольбой повторил дядя Джон, — выслушай нас. Мы не навредим тебе.

Ей не понравилось, что на этот раз он сказал «мы», а не «они», будто уже был частью их безумного тайного кружка, в который пытался затащить и Пайпер. Но серьёзность на лице дяди, его нахмуренные брови и поджатые губы, застывшие в одном положении плечи и побелевшие пальцы — так сильно он сжал кулаки — подсказывали, что так и есть. Он вовсе не шутит, а её нелепое предположение может оказаться верным.

— Знаете, если вы, наконец, начнёте говорить, я, может, и выслушаю вас.

— Нам бы не хотелось, чтобы ты паниковала, — примирительно отозвался Гилберт.

— Я начинаю паниковать, когда мне никто ничего не объясняет, — невозмутимо возразила Пайпер.

— Хорошо, — Шерая, откинувшись на спинку стула, бросила на неё снисходительный взгляд и тоном, каким говорят с неразумными детьми, предложила: — Начнём с гибели миров?

Глава 4. Мы видим жизни постепенный ход

«Да они тут все точно сумасшедшие», — заключила про себя Пайпер, когда Шерая услужливо повторила своё предложение, сделав акцент на слове «миров».

Пайпер ничего не ответила. Всё это было таким... абсурдным, что у неё не нашлось сил ни на возражения, ни на новые вопросы.

Сумасшедшие.

Они все просто сумасшедшие.

«Что ж ты за упрямец такая?» — прошелестел чей-то голос в её сознании. — *Смотри, слушай и запоминай»*.

Шерая, подняв руку, щёлкнула пальцами. С кончиков сорвались алые искры, хаотично разлетающиеся в разные стороны. Через несколько ударов зачавшего сердца Пайпер они зависли над столом и собрались в форму шара, в котором она запоздало узнала модель Земли.

— Мир — это не только ваша Земля, — тоном строгой наставницы сказала Шерая и махнула ладонью. Красные искры, заметавшись, вновь застыли, образовав совершенно другие рисунки: материки разбились на части и непривычно изогнулись, моря и океаны сместились. Пайпер даже протёрла глаза, но ничего не исчезло. Искры так и мерцали там, где застыли. — Миров больше, чем знают земляне, и все они так или иначе соприкасаются друг с другом.

Пайпер упёрлась ладонями в стол. Ноги отказывались держать её, но и садиться она не собиралась исключительно из упрямства.

— Точкой пересечения нескольких миров стала обитель древнейших существ, известных нам как элементали, — взял слово Гилберт, поставив локти на стол и уложив подбородок на сцепленные пальцы.

Краем глаза Пайпер видела, что он с любопытством смотрит на неё, будто ждёт реакции, но она не собиралась реагировать слишком уж бурно. Заставила себя сохранить слегка заинтересованное выражение лица, не позволив шоку от увиденного охватить её.

— Никто не знает, было ли у Первого мира имя в то время, когда там жили только элементали, как и не знает, кто дал имя миру, откуда пришли тёмные создания.

— Да вы надо мной издеваетесь?... — проворчала себе под нос Пайпер, не выдержав.

— Существовал мир, отделённый от остальных, — продолжила за Гилберта Шерая, — созданный из остатков магии и столкнувшегося с ними хаоса. Говорят, там не было ничего, кроме тьмы и хаоса, из которых, собственно, и родились тёмные создания.

— Или демоны, как мы их называли уже тут, — услужливо вставил Кит.

— Тот мир, Дигнос, не имел источника, который мог питать и защищать его, поэтому демоны нашли способ сделать это иначе. Добрались до одного из миров, полного магии, и поглотили его.

— Первым пал Файрон, — произнёс Гилберт без всяких эмоций. — Феи, жившие в нём, обратились в бегство. Те, что смогли спастись от хаоса тёмных созданий, нашли убежище в других мирах. Они предупреждали, что демоны вернутся, но им мало кто верил. Тогда никто и не осознавал, что тёмные создания в принципе существуют. Мир, рождённый из хаоса, где созидает только он? Это звучало как безумие, но стало реальностью. У демонов уходили века, но они укрощали хаос и поглощали миры, полные магии, пока, наконец, не собрали достаточно сил, чтобы попытаться захватить мир, до которого раньше и дотянуться-то не могли. Те же, кто избежал столкновения с ними, там и укрылись — в Сигриде, Первом мире.

— По своей природе элементали были не так организованы, как другие народы, — Шерая вновь взмахнула руками, и искры немного сместились. — Элементали выше людей, выше всех остальных. Их истинные сущности непонятны и, возможно, чрезвычайно опасны, но они приняли всех, кто искал спасения от тёмных созданий.

— Так что можно считать, что выжившие феи, эльфы и великаны стали первыми сигридцами, хоть и прибыли из других миров, — снова влез со своим пояснением Кит.

И Пайпер, скрепя сердце признавшись самой себе, что её слишком уж заморозили алые искры, напряжённо переспросила:

— Великаны?

— Из Гретвёрка, известного как Третий мир. Эльфы были из четвёртого, Хэнтсора, у которого, вообще-то, на их древнем языке какое-то очень мудрёное название, а феи — из Файрона, Пятого.

У Пайпер гудела голова. Она была готова уже закричать, чтобы остановить и бессвязные истории, которые ей рассказывали, и собственные мысли, но не нашла для этого сил. Лишь перевела взгляд с красных искр, рисовавших незнакомые карты, на дядю Джона, с сочувствием смотревшего на неё в ответ.

— Элементали, должно быть, пожалели, что впустили в свой мир чужеземцев, — продолжила Шерая невозмутимым тоном. — Эльфы, феи и великаны, конечно, обосновались, фактически начали новую жизнь, но в итоге делали то же, что и раньше. Строили государства и воевали, пытаясь завладеть чужой территорией, создавали и разрушали. На начальных этапах освоения мира, как говорит история, они ещё сотрудничали. Помнили ужас хаоса, поглотившего их миры, и ненасытность демонов, и понимали, что им нужна сила, способная защитить их от новой охоты. Тогда они обратились к богам.

— Великолепно! — Пайпер всплеснула руками, с её губ сорвался истеричный смешок. — Теперь и боги нарисовались!

Дядя Джон фыркнул, тогда как Гилберт и Шерая предпочли сделать вид, что она вообще ничего не говорила.

— Боги подарили феям дар прорицания, который, конечно, позже распространился и среди иных рас Сигрида, — сказал Гилберт. — Первый из прорицателей поведал остальным, что в борьбе против тёмных созданий им поможет магия.

— Тогда они и совершили первый Переход, — наконец подал голос дядя Джон, внимательно следя за Пайпер, хотя она, как и в минуты до этого, только пялилась на странные искры. — Переход означает разумное, спланированное перемещение между мирами с конкретной целью. Первые сигридцы привели в свой новый мир людей отсюда, с Земли. Тех, кто, как и они, были избраны богами.

— Элементали открыли пришедшим в их мир секрет магии, — перехватил инициативу Гилберт, — как до этого открыли его сигридцам, совершившим первый Переход. Но после этого элементали отделились. Скрылись ото всех и больше не появлялись.

— Прошло как минимум четыре тысячи лет, прежде чем тёмные создания напомнили о себе. — Шерая, ещё раз взмахнув ладонью, в очередной раз изменила положение искр. — Сигрид, что в переводе с древнего языка означает «объединённый», стал домом для четырёх рас: людей, фей, эльфов и великанов. Дигнос, мир тёмных созданий, оставался их тюрьмой до тех пор, пока они не сумели дотянуться до Сигрида. Магия, что они поглотили из уничтоженных миров, в конце концов иссякла — им требовался новый источник. Сигридцы, однако, почти забыли о вторжениях, из-за которых и пришли в Первый мир. Боги, как говорят легенды, не любили вмешиваться в дела сигридцев, но порой, когда не оставалось иного выхода, помогали им. Примерно за сто лет до нападения тёмных созданий боги обратили свой взор на четырёх магов дома Орланд и дали им силу, способную изменить ход истории. Те маги стали первыми и единственными в своём роде сакрифициумами, которым предстояло выбрать своих сальваторов.

Шерая говорила легко и просто, будто речь шла о переменявшейся погоде, которая, однако, ничуть не портила ни настроения, ни планов. Пайпер потеряла нить повествования

ещё в самом начале её последнего монолога, но слова, которые уже слышала, — сакрифициум и сальваторы, — привлекли её внимание.

— Когда тёмные создания напали на Сигрид, был совершён новый Переход в мир людей.

— Какие мы гостеприимные, — саркастично прокомментировала Пайпер.

— Переход был совершён двести лет назад, — одарив её тяжёлым взглядом, уточнила Шерая. — Спасти удалось далеко не всем. Хаоса было так много, что он искажал пространство и мешал магам контролировать Переходы и порталы. Многие сигридцы погибли прямо в них — кто на пути сюда, во Второй мир, был уничтожен взбесившимися магией и хаосом, кого порталы выкинули совсем не в безопасном месте. Других сгубил сам мир, отвергший их. Третьим повезло чуть больше — они выжили и обосновались на Земле с помощью тех, кто когда-то по собственной воле покинул Сигрид.

— К чему это всё, собственно, озвучивается, — кашлянув, дядя Джон обратил внимание Пайпер на себя. — Некоторые из сигридцев присутствуют здесь.

Пайпер тщательно разглядывала его лицо, ища малейшие признаки лжи или шуток. Он, наверное, просто издевается над ней из-за того, что дерзила всем подряд и орала, требуя объяснений — слишком долго терпел, вот, в конце концов, и не удержался.

Дядя Джон, однако, вовсе не издевался. Он никогда над ней не издевался, в отличие от Лео и редко — Эйса, у которых это был святой долг братьев.

Пайпер вдруг отчётливо поняла, что всё услышанное ею — то, во что эти люди действительно верят.

«Сигрид», — медленно повторила она про себя непривычное слово. И ещё раз: — *Сигрид*». На этот раз далось легче, а всего через несколько мгновений слово без остановки крутилось у неё в голове: «Сигрид. Сигрид. Сигрид. Сигрид». Крутилось до тех пор, пока Пайпер не начала сомневаться в том, что контролирует собственные мысли.

Но ведь кто-то же говорил с ней.

Говорил же?..

— Я представляю, как безумно это звучит, — выждав немного, подал голос Гилберт.

Он поднялся на ноги и, проигнорировав предупреждающий взгляд Шераи, лёгким взмахом ладони позвал Луку. Эльф — боже, настоящий эльф, — откуда-то подлетел к Пайпер и налил ещё тёплый чай во вторую чашку, пустую. К первой она так и не притронулась.

— Лука, например, чистокровный эльф, — продолжил Гилберт, дождавшись, когда юноша выйдет из столовой, — чьи родители прибыли из Сигрида, но сам он там никогда не был. Эльфы взрослеют и стареют медленнее людей — Луке сейчас около сорока, но по земным меркам он ещё подросток, да и выглядит на пятнадцать, тебе так не кажется?

Сделав ещё несколько шагов, он остановился за спинкой стула, к которому Пайпер стояла ближе всего, и выжидающе посмотрел на неё.

— Мне не дашь больше двадцати, но на самом деле я куда старше. Всё дело в том, как этот мир защищает себя от нас и как мы защищаем себя от него. У каждого мира свой особый механизм защиты от вторженцев. Мы не привнесли с собой разрушения и хаос, как демоны, но всё ещё представляем опасность. Второй мир, однако, кому-то позволяет взрослеть и стареть в привычном темпе, других же вычёркивает из своей истории в первые же секунды. Мне мир позволил какое-то время взрослеть, — Гилберт улыбнулся и понизил голос, будто делился с Пайпер секретом, — но в конце концов всё равно отверг. Конечно, мы, сигридцы, живём в этом мире и пользуемся его благами, но мы всё равно здесь отчасти чужие. Если этот мир падёт, мы будем теми, кто приведёт его защитный механизм в действие. Магия этого мира уничтожит нас, чтобы использовать наши силы и жизни для защиты. Земля оберегает нас, как может — и всё для того, чтобы в случае необходимости использовать. Поэтому мы не выглядим как двухсотлетние старички и старушки.

Закончил он как-то слишком странно, резко уйдя в шуточный тон, но Пайпер не отреагировала ни улыбкой, ни тихим смешком, что мог сорваться с губ. Ждала, что он скажет, что шутит.

Почему никто из них не может, наконец, признаться, что шутит?..

— Я... не понимаю, — наконец призналась Пайпер едва слышным и обречённым тоном.

— Магия реальна, демоны тоже, они хотят убить нас, мы — их, Данталион — придурок, Гилберт забыл свою речь, которую репетировал всю ночь, а к чаю ты так и не притронулась, хотя он вкусный, я пробовал, — на одном дыхании протараторил Кит, ни разу не сбившись, и с довольной улыбкой уточнил: — Так понятней? Я ничего не забыл?

Покрасневший едва не до корней волос Гилберт возмущённо открывал и закрывал рот до тех пор, пока не сумел выдавить:

— Я не репетировал свою речь!

— Да без разницы, — отмахнулась от них обеих Шерая и обратилась уже к Пайпер: — Ты всё поняла?

— Погодите-ка, — она растерянно вытаращилась на мага, сурово поджавшую губы. — Так вы это... серьёзно? Может, тут где-то скрытая камера и... Дядя Джон, что это значит?

— Что ты теперь часть этого мира. Мир отверг тебя, Пайпс.

На самом деле это даже не было ответом на вопрос. Лишь констатацией факта, произнесённой, однако, таким ласковым и печальным тоном, от которого внутри Пайпер всё сжалось.

Она и сама будто бы сжалась: стала маленькой и незначительной. Гул в голове утих, успокоились и мысли, но не сердце — билось как сумасшедшее и вот-вот могло сломать рёбра.

— Отверг, — повторила она на выдохе. — Типа... Вычеркнул? Но я же... здесь, да? Я не мертва. Я же не мертва? — в ужасе уточнила Пайпер у всех сразу.

Кит восхищённо вздохнул:

— Мы определённо станем лучшими друзьями.

— Ты не мертва, — уверенно произнёс Гилберт, успокаивающе поднимая ладони. — Отвержение — это не гибель. Тебя лишь... стирает из истории мира. Защитный механизм Первого мира не вычёркивал тех, кого отвергал, в отличие от Второго. В Сигриде...

«В Сигриде, — вновь пронеслось в голове Пайпер и застучало оглушительным набатом: — Сигрид. Сигрид. Сигрид. Дом. Сигрид».

— Что?

Пайпер не сразу поняла, что задала вопрос вслух и собрала на себе взгляды всех присутствующих. Она их, однако, уже не видела: смотрела перед собой стеклянным взглядом, не понимая, с чего в груди разливалось тепло и почему вместе с тем болезненно сжималось сердце.

Сигрид для неё не был домом, но уверенность, которую Пайпер ощутила, когда мысль пронеслась в голове...

«Дом Орланд».

Тот же самый голос.

— Дом Орланд, — отстранённо повторила Пайпер, взглядом ведя линию от статуи, стоящей у противоположной стены, до двух полных чашек перед собой. — Магов было четыре?

— Четыре, — ещё раз подтвердил Гилберт, качнув головой.

«Как их звали?»

— Как их звали?

«Что за чертовщина? С чего я вообще...»

— Я бы предпочёл вернуться к объяснению отвержения, если ты не возражаешь, — нервно пробормотал Гилберт, переглянувшись с Шераей и дядей Джоном, даже не пытаясь скрыть, что не собирается отвечать на вопрос Пайпер. — Механизм довольно нестабилен, а твой случай — исключение, с которым мы никогда раньше не сталкивались.

Пайпер вдруг охватило ледяное спокойствие. Наваждение, из-за которого она задавала дурацкие вопросы, прошло. Осталось если не спокойствие, то отстранённость, будто всё это происходило не с ней.

— Скажи, когда нужно будет смеяться, — попросила Пайпер у дяди Джона.

— Здесь не над чем смеяться. То, о чём мы говорим, — реальность. И эта реальность куда опаснее того, что ты уже видела.

— Тогда на хрена меня в неё втягивать? Не ты ли постоянно защищаешь нас от всего на свете? Ты страдаешь гиперопекой сильнее, чем папа!

— Вряд ли я и дальше смогу защищать тебя, Пайпс. Это, вообще-то, теперь твоя работа, — добавил он, невесело усмехнувшись.

— Ты — сальватор, — как ни в чём не бывало заявила Шерая. — Один из сакрифициумов избрал тебя, и теперь ты владеешь магией, когда-то дарованной сигридцам самими богами.

— Одна из четырёх сальваторов, — посчитал важным уточнить Кит. — Сакри было четыре, сальваторов тоже, так что ты только одна из них. Первая в этом мире.

— Найти их сложно, — взволнованно пояснил Гилберт, бесцеремонно, словно забыв, как старался казаться величественным, закусив ноготь на большом пальце. — В Сигриде всё случилось иначе, сальваторы нашли друг друга сами, но в этом мире...

— Да кто они, чёрт возьми, такие?!

— Избранники сакрифициумов, творений богов, и спасители миров. Те, кто владеют Силой, Движением, Временем или Словом — магией, подчиняющей себе то, что когда-то подчинить могли только боги. Они сильнее обычных магов, выносливее, живут дольше, способны общаться с драу и ирау, с которыми даже самые опытные из нас никогда не заговорят. Единственной их слабостью является пожизненная связь с сакри. Последняя из сальваторов, Аннабель, погибла, когда её связь с сакри насильно разорвали.

«Было больно, — мелькнуло в голове Пайпер. — Было очень больно».

Шерая смотрела на неё, как на пустое место, ждала ответа вместе с нервно улыбающимся Гилбертом и замершим в напряжении дядей Джоном. Она сама же ждала, когда в голове прояснится.

Это всего лишь наваждение. Бред, фантазия. Может, искажение разума. Откуда вообще Пайпер знать, нет ли у неё шизофрении?..

Пока что всё выглядело как шизофрения, и она призналась себе, что больше обрадуется подтверждённому диагнозу, чем доказательствам правдивости слов Шераи и Гилберта.

— Ну ладно, ещё раз, — нарочито бодро сказала Пайпер, прижав ладони друг к другу и с неуместной радостью оглядев собравшихся. — Я. Ничего. Не. Понимаю. Какого хрена вы пытаетесь втянуть меня в какую-то секту и...

— В доме Джонатана открылась брешь — разрыв в пространстве, который искажает его по воле хаоса демонов, — перебил её Гилберт. — Бреши нестабильны, могут вести как в карманы между мирами, так и в другую точку одного пространства. Но чаще всего они используются демонами для нападения, искажения естественной магии мира и её поглощения. Для нас, сигридцев и землян, бреши опасны, потому что мы не умеем их закрывать. Не можем. Никто не может, кроме сальваторов.

«Магов дома Орланд было четыре, как и сальваторов. Помни об этом», — вновь прошелестел голос в её голове. Пайпер едва не ударила головой об стол, лишь бы заглушить его.

— Переходы, которые помогли сигридцам спастись от тёмных созданий, также были созданы сальваторами, — как ни в чём не бывало продолжила Шерая. — Изначально и они были брешами, но благодаря магии сакри преобразовались в Переходы.

— Что хорошо, потому что закрыть Переходы обычные маги уже могут, — добавил Гилберт, искоса посмотрев на Пайпер, крепко сжавшую край стола. — Маги также могут ограждать бреши, пряча их за барьерами, но открывать и закрывать — только сальваторы.

— То есть брешь, которая открылась у меня дома, — подал голос Джонатан, — была закрыта сальватором. Ты же помнишь, как мы сражались?

— Было темно, — выпалила Пайпер, не подумав. Было и впрямь темно, но что-то в этой темноте она разглядела: чёрные конечности, что исчезали и появлялись, клыки и когти. Или ей это только приснилось?.. — На тебя напали на втором этаже.

Он подставил чудовищу правую руку. Это Пайпер, как ей казалось, помнила. Но, бросив взгляд на руку дяди Джона, не увидела ни шрамов, ни повязок. Двигался он легко, свободно, будто произошедшее ей лишь привиделось.

— А потом тот демон исчез. Он ещё не обосновался в нашем мире и зависел от хаоса бреши сильнее, чем его сородичи, проникшие сюда намного раньше. Закрывание бреши уничтожило его.

— То есть, — с гордой улыбкой уточнил Кит, указав на Пайпер пальцами, — ты уничтожила. Бам! — руками он изобразил небольшой взрыв, рассмеявшись. — Сальватор.

«Магов дома Орланд было четыре».

— Одолжите, пожалуйста, телефон. Мне нужно позвонить в психиатрическую больницу и...

— Она у тебя всегда такая? — сухо спросила Шерая у дяди Джона, а тот не успел даже рта открыть, чтобы ответить. Пайпер, ударив ладонями по столу, заорала:

— Какого хрена, а?! Вы тут совсем долбанулись?

— Пайпер! — повысил голос дядя Джон, причём так резко, с нотками стали, что она отпрянула на шаг, опустив плечи, и жалостливо уставилась на него. Вспыхнувший гнев будто испарился, как испарились и все мысли. Пайпер, ничего не понимающая, ждущая, когда ей покажут скрытую камеру, надеющаяся, что это не более чем жестокий розыгрыш, беспомощно смотрела на дядю Джона. Он выдохнул, проведя ладонями по лицу, и уже спокойнее продолжил: — Никто здесь не долбанулся...

— Кроме Данталиона, — вставил Кит боязливо.

— ...и Данталион не долбанулся, — подхватил дядя Джон, словно и не осознав, чему возразил. Карие глаза, такие же, как у её отца, впились в неё. — Это правда, Пайпс. Сакрифициум выбрал тебя своим сальватором. Я бы хотел, чтобы это было ложью, клянусь, но мы сами всё видели. Маги коалиции подтвердят — в моём доме открылась брешь, а ты её закрыла.

— Я ничего не сделала.

— Неосознанно, но сделала. Один из сакри выбрал тебя и даровал свою магию.

— Очень крутую магию, — снова уточнил Кит.

Гилберт, поджав губы, стрельнул в его сторону предупреждающим взглядом, а мгновение спустя, уже вежливо улыбаясь, будто бы с сочувствием, дополнил, обращаясь к Пайпер:

— Магию, которую мы ждали долгие годы.

Он точно собирался подойти ближе — Пайпер видела, как он слегка сместил ногу, как гордо расправил плечи. Но она не позволила. Вновь отшатнувшись, она стиснула кулаки, готовая в случае чего напасть.

Наверное.

Пайпер не была уверена в собственных силах, — она уже даже не думала, что сможет удержаться на ногах и не забьётся в угол, рыдая, — но без боя бы точно не сдалась. Дядя Джон учил их защищаться.

— В Коалиции никто тебе не навредит, Пайпер, — мягко произнёс Гилберт, его улыбка стала лишь немного тусклее, из-за чего она уже казалась не вынужденной, а искренней. — Мы

сделаем всё возможное, чтобы ты обучилась владению магией сакри. Ты ни в чём не будешь нуждаться. Тебе предоставят книги, учителей...

— Стефан? — предположил Кит, переглянувшись с дядей Джоном. — Или Сиби́ний? Или Фро́йтер?

— Только не Фройтер, — строго возразил Гилберт, подняв указательный палец, но смотрел он не на Кита, равнодушно пожавшего плечами, а на Пайпер, едва не до судорог сжимающую кулаки. — Я с этим разберусь.

«Магов дома Орланд было четыре».

Пайпер надоели собственные мысли, без конца повторяющие одно и то же.

Однако она не была готова, что в её голову вторгнется другой голос.

«*Соберись, Пайпер*».

Пайпер вскрикнула, подскочив на месте, и принялась в панике оглядываться. Дядя Джон мгновенно подскочил на ноги, как и Кит.

— Пайпер?

«*Ну-ка не отвлекайся*».

Где он? Где тот, кто говорил прямо в её голове?..

— Пайпс.

Она рвано выдохнула, когда дядя Джон, приблизившись, осторожно обнял её, и с силой сжала ткань футболки у него на спине.

Здесь никого, кроме них и трёх незнакомцев не было. Кому бы ни принадлежал голос, шептавший в её сознании, из-за которого её спину будто укололо холодом, его больше не было здесь.

Пайпер тоже не было. Она проваливалась в панику, которую никак не могла подавить, в объятия единственного человека, которому могла доверять, но словам которого не верила.

— Ты же чувствуешь это.

Она не подняла голову от плеча дяди Джона, когда заговорила Шерая, и никак не отреагировала, когда женщина продолжила:

— Ты чувствуешь, как магия взывает к тебе. Манит и шепчет.

— У магии же нет...

— Кит, помолчи. Я знаю, Пайпер, что ты это чувствуешь. Я тоже чувствую твою магию, хоть и не могу понять, какая она. Это трудно, когда сакрифициум только-только объявился. Потребуется время, чтобы понять, кто именно связал тебя с собой.

— У меня нет магии, — прошептала Пайпер в плечо дяди Джона, крепче сжав его. — Нет же?..

Он даже не задумался для приличия. Не подыграл ей, не поддержал. Возразил мгновенно, пусть и мягким голосом:

— Есть. Но, как и сказала Шерая, потребуется время, чтобы понять, какая именно. Маги с этим помогут.

Пайпер ничего такого не хотела. Проверять, что за магия поселилась в ней? Поверить, что магия в принципе существует?

Это слишком жестоко, чтобы быть правдой. Почему дядя Джон, наконец, не скажет, что произошедшее и услышанное не более чем выдумка?..

Пайпер едва не попросила об этом вслух, но с губ только-только сорвался приглушённый всхлип, как на краю зрения что-то вспыхнуло. Она сжалась, напряглась всем телом, смотря, как на ладонь Гилберта прямо из воздуха упал маленький конверт.

Только что никакого конверта не было.

Гилберт абсолютно невозмутимо раскрыл его, прочитал короткое письмо и отбросил его в сторону. Бумага мгновенно рассыпалась на мелкие частички, истаявшие на глазах.

— Её Величество с нетерпением ждёт нашего отчёта.

Боже. У них был кто-то, кого они звали «Её Величеством».

Пайпер хотела забраться под стол, обнять себя и тихо плакать.

— Я не могу идти на собрание *сейчас*, — скрипнул зубами дядя Джон, бросив на Гилберта злой взгляд, на что тот в том же тоне ответил:

— Должен. В особняке твоей племяннице ничего не грозит, Джонатан, а коалиции нужны хоть какие-то ответы. Мы вернёмся через пару часов.

— Куда ты собрался? — возмутилась Пайпер, со всей силой вцепившись в руку дяди Джона. — Я без тебя тут не останусь.

«Ты всегда такая плаксивая?»

— Заткнись!

— Что? — не понял дядя Джон.

— Господи...

Она что, сказала это вслух?..

— Невероятно, — Шерая сдержанно улыбнулась, поднявшись со своего места, и от её взгляда Пайпер захотелось исчезнуть. — Ты уже различаешь присутствие своего сакри?

— Ничего я не...

«Ты-ты, — тут же возразил тот же самый голос. — Я здесь, но ты не говори им об этом. Не сейчас. Я не хочу, чтобы тебя убили».

Пайпер пробрала дрожь.

При всём отрицании, которое она яро демонстрировала, и разумной осторожности она не могла не заметить, что эти люди, в общем-то, ведут себя почти что мило и вежливо. Но психопаты тоже умели притворяться участливыми, а она видела слишком много странного, чтобы позволить себе расслабиться.

«Нам рано умирать», — продолжил шептать голос. Пайпер сглотнула и сжала кулаки, вытаращенными глазами следя, как её оценивают. Поймут ли, что что-то не так, как уже поняла Шерая? Заметят, что она распадается на куски?.. — С тобой всё будет хорошо, если ты ничего им не скажешь. Доверяй лишь мне и никому больше».

О, да, конечно. Как удобно.

Пайпер точно сошла с ума.

«Я твой друг».

Конечно, голос убеждал, что был её другом.

«Я знаю, как нас спасти».

Ей не понравилось, как он это сказал. «Нас». Как будто они с Пайпер уже сформировали команду, в составе которой будут бороться против всего мира. Или словно этот голос принадлежал вовсе не её подсознанию, искажённому и измученному, а кому-то реальному, кто состоял из плоти и крови.

«Плоти у меня нет, — хохотнул голос, — но она и не нужна. Плоть у другого».

Пайпер стиснула челюсти, закрыла глаза и вслух призналась:

— Я сейчас застрелюсь.

— Давай-ка мы кое-кому позвоним.

Дядя Джон, приобняв её за плечи, усадил Пайпер на свободный стул. Гилберт порывался что-то сказать, но спустя несколько секунд, полных мучительной тишины, жестом приказал Киту выйти из столовой. Парень вылетел с тарелкой в руках, за что получил подзатыльник от Шераи, также скрывшейся за дверями, где пропал Лука.

Дядя Джон сел рядом с Пайпер, повернулся к ней, поставив правый локоть на стол, и устало вздохнул.

Она наивно думала, что, стоит остаться с дядей наедине, как всё станет нормально. Он объяснит то, что не мог раньше, и она всё поймёт. Никаких недоговорок или выдумок, только правда, которую Пайпер в состоянии понять и принять.

Обычно одного присутствия дяди Джона хватало, чтобы все проблемы, свалившиеся на её голову, из серьёзных превращались в незначительные.

Но сейчас он выглядел таким потерянным.

Слегка кудрявые тёмно-каштановые волосы, которые он всегда укладывал в аккуратную причёску, взлохмачены. На лице прорезались новые морщинки, которые она не заметила в спальне, а тёмные круги под глазами стали глубже обычного. Чёрные брюки и рубашка — не те, что были на нём в субботу, — измяты, пуговица на воротнике не застёгнута.

И его взгляд — Пайпер прежде не видела, чтобы дядя Джон был таким печальным и обессиленным. Он всегда сиял, приносил в дом Сандерсонов праздничный дух, чем порой мастерски трепал нервы своему брату, и всегда заставлял племянников улыбаться. Его слова, идеи, мысли, отношение к жизни, подход к решению проблем — они с Лео и Эйсом впитывали всё это с раннего детства, зная, что никто, кроме родителей, никогда не будет с ними настолько искренним и заботливым.

Как дядя Джон мог так измениться всего за одну ночь, за утро, за этот не слишком длинный разговор?

— Тебе следует позвонить, — повторил он хрипло, протягивая ей свой телефон. Пайпер тут же взяла его, на мгновение подумав, что понятия не имеет, где её собственный.

— Кому?

— Родителям. Позвони своему отцу. Но учти: тебе не понравится то, что он скажет.

— Ну вот с этим я уж как-нибудь разберусь, — проворчала Пайпер, пролистывая список контактов.

— Ох, прости, — с наигранным вздохом, заставившим её насторожиться, дядя Джон наклонился чуть ближе. — Забыл сказать, что у меня нет номера твоего отца.

— Ты зачем его удалил?..

— А я не удалял. Смотри, — он указал на список контактов, число которых значительно поредело. Пайпер не знала всех имён, но знакомые ей куда-то пропали. — Помнишь номер отца?

— Нет, но ты помнишь.

На мгновение показалось, будто всё как раньше. Губы Пайпер почти растянулись в ехидной улыбке. Дядя Джон почти подхватил эту улыбку, взяв протянутый обратно телефон.

Но потом он быстро набрал нужный номер по памяти и с той же усталостью сказал:

— Говори ему всё, что считаешь важным. Всё, что видела. Он всё равно не поверит.

— Я его единственная дочь. Естественно, он мне поверит.

Пайпер, однако, не была в этом уверена. Тон дяди Джона ей не нравился, напрягал, а взгляд и вовсе заставлял сжиматься в желании стать меньше.

Её сердце тревожно ускорилося и едва не остановилось, когда после двух гудков раздался ровный, полный безразличия голос отца, каким он всегда начинал любой разговор по телефону:

— Слушаю.

— Ты знал, что дядю Джона затащили в секту, куда он теперь затащил меня? — затараторила Пайпер, боясь, что отец перебьёт её. — Вчера вечером произошла какая-то ерунда. Когда Эйс уснул, мы с Лео ещё смотрели фильм, а потом... Напали какие-то дикие звери. Дядя Джон говорит, что они из другого мира и пришли, чтобы уничтожить нас, представляешь? Мол, им нужна какая-то крутая магия, а у меня, кстати, как будто она есть и... — Пайпер затихла, крепко сжав телефон в пальцах, выждала несколько мгновений, убеждаясь, что ещё слышит дыхание отца, и попробовала ещё раз: — Пап, ты понял, что я сейчас сказала?..

— Простите, — с явной растерянностью отозвался он. — Я подумал, вы из рекламной компании. Вы не ошиблись номером?

Внутри Пайпер всё оборвалось.

— Что? Это я! — едва не выкрикнула она, в испуге ухватив протянутую ладонь дяди Джона. Тот будто бы хотел утешить её прикосновением, но охнул и дёрнулся всем телом, когда Пайпер крепко сжала его ладонь. — Пайпер!

— Пайпер? — озадаченно повторил отец.

— Твоя дочь!

— У меня нет дочерей, только сыновья...

— Да что за бред? Тебя что, Лео подговорил?

— Вы знаете Лео? Не можете до него дозвониться?

— Я звонила тебе! — надтреснувшим от эмоций голосом выпалила она, ещё сильнее сжимая ладонь дяди Джона. — Хватит издеваться, это вообще не смешно!

— Думаю, вам следует проверять номер, по которому вы собираетесь звонить...

— Это Пайпер?!

Вопль Эйса, раздавшийся совсем рядом с отцом, выбил из лёгких Пайпер весь воздух. Внимательно следивший за разговором Джонатан, напряжённый из-за того, как сильно Пайпер сжимала его ладонь, мгновенно забыл об этом и удивлённо уставился на неё в ответ.

— Дай телефон Эйсу!

— Нет, погоди, — судя по приглушённому голосу и шороху, отец, убрав телефон подальше, пытался отогнать Эйса, пока тот продолжал громко вопить. — Эйс, помедленнее, я ничего не понимаю. Что это...

— Пайпер! — заверещал Эйс ещё громче, заглушив отца, как раз в тот момент, когда Пайпер включила громкую связь. На той стороне раздался грохот, чей-то крик, а после — частое дыхание Эйса, будто он бежал. — Куда ты пропала? Куда делся дядя Джон?

— Эйс?..

— Дядя Джон! — радостно отозвался Эйс, но почти тут же заорал отцу: — Нет, я уверен, что это она! Пайпер, что происходит? Куда ты... Нет, папа, стой! Это же Пайпер!..

— Извините, — звенящим от напряжения голосом произнёс их отец, вернув телефон. — Мой сын... Неважно. Проверяйте, кому вы звоните.

— Папа!

Звонок завершился.

Пайпер будто разом лишилась всех сил: опустила плечи, ощущая внутри лишь ширившуюся пустоту, и растерянно посмотрела на Джонатана. На долю секунды её взгляд зацепился за его покрасневшую ладонь, которую она сжимала, но дядя Джон отвлек её, неуверенно пробормотав себе под нос:

— Эйс... нас помнит?

— Что? Конечно, он помнит!

— Это невозможно, — дядя Джон тут же нахмурился и одарил её суровым взглядом. — Я ничего не понимаю... Магия мира не должна была позволить тебе совершить те же ошибки, что и один из сальваторов.

Пайпер почти задала вопрос, кое-как сформированный из переворошённых мыслей. Почти, потому что дядя Джон, сжав её плечо, будто искал опоры, понизил голос:

— Я не должен говорить этого сейчас, но магия Второго мира сложнее, чем мы все думали изначально. Она развивается вне зависимости от нашего вмешательства, и она же устанавливает правила отвержения. Закрыв брешь, ты сообщила защитному механизму этого мира о себе, и он отверг тебя. Когда мир отвергает тебя, все упоминания о тебе исчезают. Семья, друзья, знакомые — все тебя забывают. Исчезают записи в больницах и учреждениях, где хранилась любая информация о тебе. Для Второго мира больше не существует Пайпер Сандерсон, как не существует и Джонатана Сандерсона. Из-за этой магии мой брат думает, что у него только два сына, и, в сущности, прав. Защитный механизм вычеркнул тебя из истории, потому что ты со своей магией сакрифициума не вписываешься в уже установленные рамки.

— Но Эйс ведь меня узнал, — прохрипела Пайпер. Половина из того, что сказал дядя Джон, даже не закрепилась в её сознании. Она была слишком раздавлена, чтобы вникать в важное и запоминать хоть что-то, что могло пригодиться потом.

Не сейчас, когда её рвали на части.

— И это не только странно, но и страшно, — ответил дядя Джон, поймав её взгляд. — Эйс не должен был тебя узнать. Должен был забыть, как и все остальные.

— Но не забыл, — отупело повторила Пайпер. — Как это возможно?

— Не знаю. Ты отвержена, мир тебя забыл и...

— Но я же... родилась здесь, в Портленде. Двадцать лет тут прожила!

— Мы в Мичигане, — будто на автомате исправил дядя Джон, а несколько мгновений спустя, проведя ладонями по лицу, глубоко вдохнул и выдохнул. — Ты отвержена, Пайпс.

— Но вы сами сказали, что мир отвергает только сигридцев, — торопливо возразила Пайпер, вновь вцепившись в его ладонь, лежащую у неё на плече, и сбивчиво, жалобно продолжила: — Я же не одна из сигридцев, да? И Эйс...

— У вас троих кровь первых — сигридцев, когда-то пришедших в этот мир. Сакрифициум выбрал тебя своим сальватором, хотя, как нам известно, все без исключения сальваторы были до этого чистокровными сигридцами. Но ты больше принадлежишь Второму миру, как и Эйс... Не знаю, Пайпс, — обессиленно повторил дядя Джон, подняв на неё растерянный взгляд. — Но мы всё выясним, клянусь. Нам всё равно некуда возвращаться.

— Что?

Где-то на задворках сознания вопреки её желанию уже укоренилась мысль, что дядя Джон говорил правду. То, что она отказывалась запоминать, само уложилось в голове.

— Нам некуда возвращаться, — с печальной улыбкой повторил дядя Джон. — Отвергнув тебя, Второй мир лишил нас всяких связей с семьёй. Я был связан с сигридцами больше и дольше, но именно ты, как оказалось, удерживала меня ещё и в земном мире. Однако теперь, когда тебя отвергли, окончательно отвергли и меня. Мы остались вдвоём, Пайпс, и это место — наш единственный дом.

Глава 5. Пусть сердце станет глазом

У Кита было негласное правило: с новичками не возиться. Для них ведь и существуют учителя, наставники, работники архивов в зале Истины, маги и все прочие личности, готовые в любой момент бросить все дела и помочь какому-нибудь бедолаге, случайно ставшему частью сигридского мира.

Но, как у приличного искателя, у Кита, разумеется, были ответы на самые распространённые вопросы, а примеров — тьма.

Защитный механизм? Охрнительно сложная штука, в которой он особо и не разбирался. Пару лет жизни обычным человеком, вычёркивание из истории, то ли замедление времени, то ли и вовсе остановка взросления. Зато плюсом шёл огромный риск сдохнуть, если с магией этого мира что-то случится.

Тёмные создания? Не черти и демоны в привычном понимании, но те ещё твари, которые постоянно пытаются всех сожрать. Даже самые разумные из них, кто мог маскироваться под обычных людей и вливаться в общество, в конце концов обязательно к этому приходили. И судя по тому, как демоны обгладывали кости, — а иногда и сгрызали, — сигридцы и земляне были очень вкусными.

Вампиры? Не пьют человеческую кровь, не похожи на тех, что в «Дневниках вампира», а сравнения с Владом Цепешем бесят Данталиона. Хотя Кит был уверен, что тот не знает, кто такой Влад Цепеш. Вампиры, на самом-то деле, неплохие ребята, разве что большинство на голову долбанутые. Но разве можно осуждать за такое в мире магии и хаоса?

Феи действительно куют оружие лучше, чем эльфы? О, в детстве Кит обожал историю о Золотой Стреле, выкованной во времена Безумия Эйвы. Он до сих пор хранил фейскую книжку с картинками, которую ему купил Джонатан, но, естественно, никому из новичков её не показывал. Это его сокровище, а они ознакомиться с особенностями оружия фей и эльфов могли и в библиотеке.

Магия *реальна*? Более чем. Никто не расскажет о магии лучше, чем сами маги, но тут ещё попробуй найди, к кому обратиться. Шерая откажется, ведь у неё нет времени на лекции неразумным новичкам, Марселин, если создала новый рецепт лечебного отвара, попросит кого-нибудь стать подопытным кроликом, а Фройтер вообще стеснительный, его уже несколько лет никто не видел. Из-за близости к Джонатану Кит знал многих магов, но даже он до сих пор не был уверен, к кому можно обратиться с таким дурацким вопросом о магии.

Время течёт иначе? Нет, время течёт так же, как и до этого, просто отверженные этого практически не замечают. Земля всё та же, но мир другой — сигридский. Кит, опять же, многого в этой крутой и таинственной магии не понимал. Не потому, что был идиотом, — он *не идиот*, — а потому, что не был магом. Всё, что он знал, так это то, что Время ещё не найдено.

Если из Сигрида пришли эльфы, феи, люди и великаны, то где последние? Великолепный вопрос, который задавал каждый из новичков сразу после того, как переваривал лекцию о сотворении миров и связи Земли с ними. Ответ всегда был один: обращайтесь с этим вопросом либо к Стефану, либо к королю Гилберту.

Кит иногда по доброте душевной говорил сразу, что Стефана трудно поймать, а к Гилберту с вопросом о великанах лучше не лезть, особенно если вы не друзья.

Кит искренне гордился тем, что Гилберт считал его другом, и потому так же искренне предупреждал новичков, чтобы они не совершали глупостей.

Те всегда что-то совершали.

Они были очень самостоятельными.

— Себастьян Гривелли — *лучший* искатель из всех.

— Наглая ложь! — завопил Кит, мгновенно выныривая из своих мыслей, и подскочил на ноги. Он вовсе не собирался так глубоко погружаться в них, но Пайпер сидела с таким несчастным видом, что напомнила ему промокшего под дождём котёнка, так что Кит невольно задумался, сможет ли ответить на какие-то её вопросы, если вдруг она начнёт приставать к нему.

Пайпер, конечно, ни с какими вопросами к нему не приставала.

Кит особо не понимал, зачем они вернулись в столовую, если можно было просто подождать Джонатана у портала, но лишнего не спрашивал. В разговор старших не лез, старательно доедал завтрак, уверенный, что Одовак расстроится, если хоть что-то останется.

Он вовсе не виноват, что тот готовил так вкусно и что остальные так долго болтали о чём-то, во что он не хотел лезть.

Гилберт, не скрываясь, улыбался, довольный тем, как поймали Кита, тогда как Джонатан, сжавший переносицу пальцами, что-то бормотал себе под нос. Пайпер всё ещё выглядела как промокший под дождём котёнок, что, наверное, разглядела даже Шерая, и потому книги, несколько минут назад появившиеся на столе с помощью магии, она со вздохом отодвинула в сторону.

— Как я и говорила, — как ни в чём не бывало произнесла маг, одарив Кита предупредительным взглядом, — он не слушал.

— Дорогая Шерая, — с улыбкой отозвался Кит, — заткнись.

Гилберт настолько считал их друзьями, что позволял каждому самостоятельно разбираться с порой излишне требовательной Шераей и вмешивался лишь в случаях, когда кто-то переступал грань, что случалось крайне редко.

— Может, всё же попросить Себастьяна? — будто рассуждая, спросил Джонатан и переглянулся со смеющимся Гилбертом. — Он-то уж точно отлично справится...

— Я всё сделаю! — выпалил Кит. — Серьёзно? Ты доверишь Себу больше, чем мне?

— Он никогда не витает в облаках, — не терпящим возражений голосом сказала Шерая.

— Он лучший искатель Ордена, — подхватил Гилберт.

— И самый требовательный.

— Спорить с талантами и умом Себастьяна, конечно же, бессмысленно...

— Эй!

— Но я уверен, что Кит справится лучше.

— Кит справится, — подтвердил Кит с улыбкой до ушей.

Только несколько мгновений спустя он понял, что не знал, на что согласился и с чем должен справиться. Гилберт, однако, теперь улыбнулся вполне искренне, а на лице Шераи, что неудивительно, не дрогнул ни единый мускул.

Иногда Кит думал, что она меняла только одежду, а сама всегда и везде оставалась статуй.

— С чем я, подскажите, пожалуйста, согласился?..

— С тем, что остаёшься с Пайпер, — снисходительно ответил Джонатан.

Боги милостивые.

С ней?..

Кит, вообще-то, был готов к чему угодно: новому поиску, который неожиданно свалят прямо на него, помощи рыцарям, работе вместе с эльфами или, на худой конец, сортировке дел в архивах Ордена. Но приглядывать за новоиспечённым сальватором в одиночку?..

Почему бы им просто не сказать, что Кит может разнести весь особняк? Это было бы гораздо проще и быстрее.

Нет, он вовсе не жаловался. Он был отличным искателем и умел адаптироваться к новому. Но... это же сальватор. К тому же племянница Джонатана. И, судя по тому, что он рассказывал о ней, она могла сожрать Кита с потрохами.

Правда, если бы он отказался, тогда бы Джонатан и впрямь мог обратиться к Себастьяну, но тогда уже он сожрал бы Пайпер с потрохами.

Коалиции вовсе не нужно, чтобы Пайпер, совсем ничего не соображавшая и едва в истерику не впавшая, выпрыгнула в окно из-за того, что её довёл Себастьян. А он вполне мог.

Кит не жаловался, а смиренно принимал свою новую роль, осознавая, насколько она почётна. И лишь немного волновался, потому что это, боги милостивые, Пайпер Сандерсон, первый из сальваторов этого мира.

Интересно, она сломает Киту нос, если он вдруг скажет что-то не то?..

— Ответишь на все её вопросы, — продолжил Джонатан, — всё объяснишь... Но богами клянусь, Кит, если она одна будет бродить по особняку, виноват будешь ты.

— Так ведь особняк такой!

— Виноват. Будешь. Ты.

— Но я же искатель, а не нянька!

Кит не жаловался. Вовсе нет.

— Себастьян Гривелли, — сухо произнесла Шерая.

— Друзья мои, я сделаю всё в лучшем виде, — тут же исправился Кит.

Сравнение с Себастьяном Гривелли, особенно по нескольку раз за пару минут, раздражало даже больше, чем Кит от себя ожидал.

Вовсе не потому, что Себастьян Гривелли и впрямь был лучшим из их поколения искателем.

Негласные правила разошлись по швам, когда Джонатан строго посмотрел на Кита, подняв брови. Естественно, он ждал приличия, учтивости, соблюдения всех этих дурацких правил, о которых любила трещать королева фей. Но Кит не собирался вытаскивать её в общество, где её будут оценивать.

Пусть он, по правде сказать, немного побаивался Пайпер, он не был уверен, что ей понравится настолько бережное обращение. Они ровесники, — хотя нет, ей девятнадцать будет только в январе, а ему уже девятнадцать, — тем более отчасти воспитаны одной семьёй. Кит при всей своей придурковатости, которую прекрасно осознавал, сможет найти к ней подход.

Возможно, даже избежит сломанного носа.

Потому что всё ещё оставался шанс, что она просто сожрёт его живьём.

Джонатан часто говорил, что его племянница очаровательна.

— Погоди-ка, — Пайпер, только-только прекратившая бездумно пялиться перед собой и всем своим видом вызывать жалость, ошарашенно обернулась к Джонатану. — С кем ты меня оставляешь?..

— С Китом. Другие наверняка захотели бы увидеть тебя, но мы же не хотим, чтобы кто-то пострадал из-за твоей магии? — с вежливой, абсолютно точно ненастоящей улыбкой уточнил Джонатан, переведя взгляд на Гилберта.

— Эй, я, вообще-то, на твоей стороне, — проворчал тот в ответ.

— Вот и порешали. Не бойся, Пайпс. Кит тебя не обидит. Он славный парень.

— Великолепный, — подхватил Кит, улыбаясь.

Пайпер посмотрела на него и презрительно скривилась.

Славно. Очень славно.

— А ты?.. — тут же забыв про искателя, Пайпер снова обернулась к Джонатану и растерянно уставилась на него, опустив плечи.

— А я на собрание Коалиции. Постараюсь вернуться как можно скорее.

Кит отвёл взгляд, смутившись, когда Джонатан взял лицо Пайпер в ладони и поцеловал в лоб.

С ним он *никогда* так не делал.

Не то чтобы Киту это было нужно, но было в этом жесте что-то, что заставляло его чувствовать себя лишним не на восемьдесят процентов, как обычно, а на все сто. С другой же стороны, то, что Джонатан пусть и беспокоился, но всё же был готов оставить Пайпер в его компании, внушало надежду и даже гордость за самого себя.

Кому ещё бы Джонатан мог довериться, если не Киту?

И всё равно ему стало до ужаса неудобно, когда Пайпер он подарил ободряющую улыбку, а ему — ещё один суровый взгляд. Милостивые боги, как будто это Кит был проблемой. При всей его любви к Пайпер, которую он, в сущности, ни хрена не знал: проблемой была именно она, а Кит — жертвой.

Пайпер молча проводила взглядом Джонатана, Гилберта и Шераю, вышедших в холл, и ещё долго смотрела на закрывшиеся за ними двери. Кит был готов поспорить, что она бы сорвалась с места, побежала следом и повисла на Джонатане, лишь бы убедить его не бросать её.

Но она сидела на месте, смотрела на двери, из-за которых долетали приглушённые голоса, оборвавшиеся за порталом, и даже не спросила, как это они так быстро стихли.

Кит ждал, разглядывая её исподлобья.

Для той, кого демоны насильно затащили в сигридский мир, она выглядела довольно прилично. Больше казалось сбитой с толку, чем по-настоящему напуганной. В одежде, в какой была при нападении тёмных созданий, — Кит предположил, что Пайпер из чистого упрямства отказалась переодеваться, — с растрёпанными после сна волосами, где-то спутавшимися в колтуны, и спрятанным за пояс джинсов ножом.

Почти что рядовая искательница, которую срочно вытащили из кровати посреди ночи из-за новых зацепок в поиске.

Киту это сравнение не нравилось.

Она же обычная землянка, как говорил Джонатан, самая обычная. Двадцать лет прожила, ничего не зная о сигридском мире. Из проблем — поступление в колледж искусств, нехватка денег на новую камеру или домашнее задание Эйса, которое они пытались сделать вместе с Лео. Кит копил истории об этих троих больше времени, чем Эйсу вообще было лет, и знал, что Пайпер — просто землянка.

Ей здесь не место. Не потому что она слаба или беспомощна, а потому что сумела избежать пробуждения крови и имела жизнь, отличную от их жизни.

Но она здесь.

Первый сальватор Второго мира.

Проблема Кита, а он — жертва.

— Что это за херня? — наконец подала голос Пайпер.

— Давай уточним, — с готовностью отозвался Кит, нацепив самую яркую из своих улыбок, — ты имеешь в виду всю эту ерунду с другими мирами или то, что я тут остался за главного?

— То и другое.

— Ауч, дорогая. Больно. Я не настолько безответственный.

— Да мне без разницы. Просто... что? — она сорвалась на хриплый смех и, тоже улыбувшись, но вовсе не приятно, а скорее дико, отчаянно, впиалась в него взглядом. — Другие миры? Демоны и магия? Сальваторы? — это слово она повторила с особым трудом. — Тут точно не спрятали скрытую камеру?

— Ну, давай тогда начнём с начала. Тебе сигридских легенд о сотворении миров и жизни или о богах? Или сразу перейдём к сальваторам? И надо бы ещё подумать, как тебе вообще объяснить про Тре...

— Нет! — в столовую мгновенно влетел бледный от ужаса Лука, в несколько быстрых шагов оказался возле Кита и с силой вцепился в спинку его стула, наклонившись ниже. — Нет.

Кит, растерявшийся лишь на долю секунды, тут же подозрительно сощурился.

— Ты следишь, мелкий паршивец? Шерая приказала?

— Чтобы ты не болтал лишнего, — ничуть не смутившись, ответил Лука.

Кит закатил глаза. Когда это он болтал лишнего?

Ладно, может быть, в том поиске трёхмесячной давности он случайно выболтал Паскалю пару важных деталей, которые его никак не касались, но... Кит не идиот. Не настолько. Он бы не стал так прямо говорить ей о Третьем.

Он бы не нарушил правил Коалиции.

— Брысь отсюда, я сам со всем справлюсь.

— Госпожа Мур сказала, чтобы я...

— Эй! — Пайпер повысила голос и хлопнула ладонью по столу, привлекая внимание. — Я здесь, спасибо, что не забыли. Закончили ругаться? Мне нужны объяснения.

— Так на чём мы остановились? — учтиво уточнил Кит, забыв про Луку. Тот, проворчав себе что-то под нос, уселся через одно место от искателя и всё косился в его сторону, будто ждал, когда он ошибётся.

— На начале.

— Отлично. Итак, меня зовут Кит, и я лучший искатель...

— Нет, — перебила Пайпер раздражённо, — не это. Ты понял, о чём я. Магия и вся эта... чушь.

Лука едва не задохнулся от смущения, но Кит только улыбнулся, довольный тем, что она совсем не стесняется в выражениях.

Если бы её прямо сейчас представили лидерам Коалиции, она бы обругала всех без исключения и довела до нервного срыва как минимум половину. На пару с Данталионом, потому что ему бы точно понравилось происходящее.

— Ладно, — Кит, подняв ладони, указал на самого себя, — позвольте представиться, госпожа Сандерсон. Меня зовут Кит, и сегодня я ваш личный сборник ответов на все вопросы о сигридском мире. Я расскажу вам об истории миров, которые вам наиболее интересны, о богах, расах, магии, чарах и прочем. И, конечно, о прошлых сальваторах, хотя о них вам будет лучше спросить кого-нибудь другого, иначе Лука сдаст меня госпоже Мур, она — Джонатану, а там уже и до работы в архивах Ордена недалеко.

Кит драматично раскинул руки и задрал голову к потолку, прикрыв глаза. Не услышав восторженных вздохов, он приоткрыл глаз и посмотрел на Пайпер, смотревшую на него, как на недоразумение.

Кит снова улыбнулся.

У Пайпер дёрнулся глаз.

— Да расслабься ты, сегодня без экзамена, — со смешком уточнил он, уперев локти в стол и устроив подбородок на сплетённых пальцах. — А если кто из Коалиции потом будет попрекать незнанием сигридской истории, просто плюнь на это. Не буквально, — спохватился Кит. — Если ты плюнешь в кого-то из лидеров Коалиции...

Он, вообще-то, допускал, что такое возможно. Она же сломала нос какому-то парню в своём колледже, Джонатан об этом рассказывал. И когда училась в младшей школе, подралась с одноклассниками Лео, защищая его.

Если она и впрямь начнёт плевать в лидеров Коалиции не только ядом и саркастичными шутками, то сразу же станет любимицей Данталиона.

Глухо застонав, Пайпер уронила голову на стол и просидела в таком положении не меньше нескольких минут. Очевидно, пыталась смириться с реальностью происходящего. Либо убеждала себя не убивать Кита сразу. Джонатан не погладит её по голове, если она убьёт его ученика из-за того, что он её выбесил.

Наверное.

Наконец Пайпер выпрямилась, выдохнула и откинулась на спинку стула.

— Так с чего начнём?

— С самого начала. Две сестры-богини жили в высокой башне, где было много окон, но ни одной двери. Старшую звали Ильматар, младшую — Мерула...

— Ты совсем идиот? — обречённо уточнила Пайпер.

— Не перебивай. Так вот, однажды они от нечего делать сложили из бумаги существо, которое ожило в руках Ильматар. Так появилась жизнь.

— Но вы же говорили, что люди пришли с Земли, — вновь перебила его Пайпер.

— Это сигридская легенда, а не земная. По их мнению, здесь жизнь зародилась тоже из-за воли Ильматар, а не потому что какие-то амёбы однажды выползли на сушу.

— Это даже звучит нелепо, — тихо отозвался Лука, закатив глаза.

— Классический пример личности, воспитанной на сигридской истории, — прокомментировал Кит, указав на эльфа, после чего, не дав тому никак отреагировать, продолжил: — Но мы вернёмся к легенде. Ильматар прикосновением создала жизнь, Мерула же, взяв созданного из бумаги человека, обратила его в пепел. Так появилась смерть.

— А у меня вопрос, — вновь встряла Пайпер. Подождав, пока Кит, издав стон мученика, посмотрит на неё, она спросила: — Они-то сами откуда взялись? Ты разве не с появления миров должен был начать?

При этом смотрела она так, словно молила, чтобы он сказал что-то вроде: «Конечно же, абсолютно так же, как и Земля», и пустился в объяснения теории большого взрыва, только с примесью магии.

— Есть множество легенд именно о сотворении миров, но большинство из них были утеряны из-за демонов, — встрял Лука. — В основном всё сводится к тому, что наши боги просто существовали изначально.

— Это сигридские истории, — настойчиво повторил Кит, щёлкнув пальцами прямо перед лицом Луки, чтобы взгляд Пайпер, впившийся в него, сместился, — появившиеся уже после прихода в Первый мир эльфов, фей, великанов и людей. После того, как исчезли элементы.

— Ну допустим, — Пайпер упёрла кончики пальцев в виски и напряжённо уставилась на Кита. — Какие-то богини жили в какой-то дебильной башне и создали там жизнь и смерть... сложив человечка из бумаги.

Вот теперь Лука точно задохнулся от возмущения. Он, всегда вежливый, учтивый и внимательный, покрылся красными пятнами и едва не подскочил на ноги, готовый обвинять Пайпер в богохульстве, но Кит с силой сжал его плечо, заставив сидеть на месте.

По правде сказать, ему самому некоторые сигридские легенды казались странными и чересчур нелепыми. Но Лука вырос на них и искренне верил, что настоящее — сигридское, а не земное. К тому же, согласно всем этим историям, прародителями эльфов были как раз таки боги.

Пайпер же ещё вчера понятия не имела о существовании демонов и, Кит не сомневался, плевать хотела на сигридских богов.

— Ты бы прогулялся, — невинно предложил Кит, заработав недовольный взгляд Луки. — А не то ещё расплачешься из-за того, как она цепляется к каждому слову.

— Но это же...

— Лука.

Он сжал губы, будто боролся с желанием высказать своё недовольство, но воспитание в конце концов победило, проиграв приказу Шераи. Лука ушёл, а Кит, дождавшись, когда за ним закроются двери, ведущие на кухню, добавил:

— Он у нас со слегка тонкой душевной организацией.

Пайпер прикрыла глаза и едва слышно выругалась себе под нос.

— Ладно. Хорошо. Были какие-то богини. Они создали жизнь и смерть. Дальше?

— Ильматар с Мерулой разругались из-за того, что первый человек умер, но это всё детали для красоты, в общем-то. Мерула в конце концов предложила создать ещё одного человека и посмотреть, что с ним будет, если она не прикоснется к нему. Так появился второй человек, который рос под их присмотром в той башне. Сам он их, к слову, не видел и не слышал, они же на разных уровнях магии и пространства были и всё такое...

Пайпер снова глухо застонала. Кит воспринял это как сигнал к тому, что её совершенно не интересуют такие детали, лишь перегружающие мозг.

Ему они тоже перегружали мозг, когда он в детстве читал эту легенду, но никто же не решил пожалеть его. Над Пайпер он, впрочем, сжалился, а сам себе сделал мысленную пометку: уточнить магам, которые будут её обучать, чтобы готовились к вопросу о каждой мелочи.

— Второму человеку было грустно и одиноко, и в конце концов Ильматар пожалела его. Создала ещё несколько людей и выпустила всю толпу из башни.

— В мир, который просто существовал? — усмехнувшись, предположила Пайпер.

— Джонатан не зря говорил, что ты умная.

— Я чувствую себя душой.

— Ну, это даже дети знают, но я решил, что небольшая похвала будет кстати.

— Я тебе сейчас челюсть...

— А дальше всё было по классическому сценарию! — заторопился Кит, когда Пайпер угрожающе медленно приподнялась со стула. — Люди становились умнее, учились охотиться, строили дома и всё такое. Ильматар дарила жизнь везде, где могла, и это злило Мерулу. Мир-то у них был не резиновый, но Ильматар не слушала и всё создавала новых людей. В какой-то момент Мерула не выдержала и вновь стала дарить людям смерть.

Пайпер цокнула языком.

— Какая заботливая сестричка... И долго это всё продолжалось?

— Если верить легендам, до пришествия остальных рас. Не знаю, были ли там видения какие или ещё что, но другие решили, что в ином мире люди появились именно так.

— То есть по мнению сигридцев, и наша Земля была создана этими богинями? Вы вообще хоть что-то про теорию эволюции читали?

— Слушай, я не особо верю ни в Ильматар с Мерулой, ни в Иисуса или Будду, ясно? Я просто рассказываю тебе истории Первого мира, чтобы ты хоть немного понимала, что к чему.

— Да ты меня только путаешь!

— Отлично, — довольный, Кит щёлкнул пальцами и быстро продолжил: — Дальше уже в несколько тысяч лет идёт история о том, как разные расы развивались отдельно и всё такое, но, в принципе, ничего невероятно важного до Вторжения тебе знать не нужно. А, разве что с эльфами пришли их боги-прародители, Айринбул и Алеандро, которые стали частью сигридского пантеона, но это тоже мелочи. В общем, все жили более-менее нормально, пока не настало время первого Перехода.

Итак, элементали ушли, боги пришли, эльфы, феи и великаны счастливо жили рука об руку до тех пор, пока не настало время первого Перехода.

— Это когда люди появились?..

— Я начинаю гордиться твоей памятью всё больше и больше!

— Заткнись. Что там потом?

— Так мне заткнуться или...

— Кит.

— Понял-понял. Как тебе уже говорили, как раз после этого Перехода по воле элементалей пришедшим людям открылась магия, которую уже использовали благословлённые Геирисандрой сигридцы.

— А потом элементали... ушли? И кто такая эта Геири-кто-то-там?

— Геирисандра. Богиня магии.

— Но ты только что сказал, что магию открыли элементали.

— Открыли людям секрет магии. Самой магией всех одаривает Геирисандра, открывая внутри магов магический источник...

— Господи. Всё, с меня хватит, — Пайпер, поставив локти на стол, вцепилась себе в волосы. — Хватит. Сокращай эту идиотскую историю. Больше я не выдержу, у меня сейчас голова взорвётся...

— Ну что тут сложного? Сначала эльфы, феи и великаны жили вместе в мире, где их приютили элементали, которые открыли секрет магии. Потом, после первого Перехода, к ним пришли люди отсюда, с Земли, а они, согласно сигридским легендам, тоже были сотворены Ильматар, как, в принципе, все живые существа во всех мирах. Избранным людям элементали тоже открыли секрет магии, Геирисандра одарила их этой магией, а сами элементали ушли, и спустя несколько тысяч лет о них уже почти и не помнили.

— Боженька, прости, что я была такой душой, — отчаянно забормотала Пайпер, зажмурившись, — я стану лучше, честное слово, только разбуди меня...

— В конце концов и боги стали всё реже отвечать людям, пока не отделились от них, — невозмутимо продолжил Кит, пока Пайпер всё бормотала свои молитвы, — но примерно за сто лет до Вторжения боги вновь дали о себе знать. Нактарас, богиня тьмы и ночи, первая почувствовала приближение демонов. Ну, знаешь, согласно наиболее популярной легенде, часть её магии когда-то соприкоснулась с хаосом, поэтому-то тёмные создания и родились...

— Кит, — хрипло выдохнула Пайпер, открыв глаза, — я тебя сейчас *убью*.

— Жду с нетерпением. Говорят, что именно Нактарас, а не Винейгерес, властвующий над снами и видениями, послал это видение одному из избранных магов. Рёнольду из дома Орланд.

Пайпер резко изменилась в лице. Уголок её рта дёрнулся, и она, зажмурившись, легонько ударила себя по голове. Кит насторожился, на мгновение представив, как остальные возвращаются с какими-нибудь хорошими новостями в тот самый момент, когда он по всему особняку бежит от неожиданно взбесившейся Пайпер.

Однако спустя мгновение она как ни в чём не бывало сдула упавшую на лицо чёрную прядь и невозмутимо уставилась на Кита.

— Значит, маг из дома Орланд, — с умным видом повторила Пайпер. — Что дальше?

«Она просто чокнутая», — решил Кит.

— Четыре мага дома Орланд были выбраны, чтобы стать сакрифициумами. Тебе эту часть уже рассказывали.

— Я была занята тем, что паниковала и злилась, и ничего не запомнила.

Интересно, сколько раз нужно помолиться сигридским богам, чтобы они услышали и поменяли сальватора?

— Маги дома Орланд стали сакрифициумами, теми, кто ниже богов, но выше смертных. Магия, доступная им, намного мощнее обычной и могла бы спасти Сигрид от демонов. Так предполагалось.

— Но всё пошло наперекосяк.

— Всё пошло наперекосяк, — подтвердил Кит.

— Почему?

— Хороший вопрос. Задашь его кому-нибудь другому, — он прочистил горло, проигнорировав недоумённый взгляд Пайпер.

Да, Джонатан сказал отвечать на её вопросы, но и Джонатан первый даст ему по затылку, если Кит прямо сейчас вывалит ей все причины гибели Сигриды.

Точнее, одну причину.

— Сакрифициумы выбрали своих сальваторов — грубо говоря, очуметь каких крутых магов. Таких, как ты. Первой в Сигриде была Йоннет из людей.

— Йоннет, — повторила Пайпер, нахмурившись, словно хотела распробовать имя или как если бы пыталась отыскать в памяти что-то, связанное с ним. — И кто из этих... Как там, сакри, да? Кто выбрал её?

— Лерайе, владеющая Силой.

Кит подождал немного, но Пайпер всё так же молча смотрела на него, не задавая следующего вопроса. Может, как и предположила Шерая, она и впрямь уже чувствовала своего сакри и даже установила с ним связь, а теперь пыталась к этому привыкнуть. Кит тонкостей магии сальваторов не особо понимал, и всё же из приличия был готов попытаться объяснить, что это вообще такое, если вдруг Пайпер спросит.

Однако она молчала.

Он выждал ещё пару мгновений, давая ей больше времени, и после продолжил:

— Йоннет стала Первой, изучала магию Лерайе, то есть Силу, и искала других сальваторов.

— Разве не сакри их выбирают? — недоумённо спросила Пайпер.

— Так-то оно так, но ты представь, как это ужасно, когда тебя неожиданно выбирает существо, о котором никто ничего не знает. Которого в принципе никогда раньше не существовало. Йоннет решила, что вместе сальваторам будет легче. Когда другая сакри, Рейна, нашла своего сальватора, она привела к нему Йоннет. Они, как говорят, всегда чувствуют друг друга. В итоге Йоннет нашла Второго, Масрура из народа эльфов, которому Рейна даровала Движение. Правда, он отказался становиться сальватором.

— Что?.. Можно было отказаться?!

— Естественно, нет. Рейна уже выбрала его, и хотел этого Масрур или нет, но он стал Вторым сальватором. Не знаю, как его переубедили, спроси потом у Сиония, если будет интересно.

— Понятия не имею, кто это, но ладно. Кто был Третьим?

Пайпер произнесла это слово по-особенному. Не так, как произносят сигридцы. Без ненависти и презрения. Для Кита это было в новинку.

— О нём тебе лучше расскажут маги. Он, как бы это правильно сказать... Особенный экземпляр. Знатно помотал нервы даже сильнее Масрура.

— Что он такого...

— Четвёртой и последней из сальваторов стала Аннабель из фей, — не дав ей закончить, произнёс Кит. — Её выбрал как раз-таки Ренольд, подаривший ей Слово.

И опять никаких вопросов или просьб уточнить сказанное. Пайпер будто зависла на мгновение, проигнорировав, как нелепо Кит отказался говорить о Третьем. Она молчала всего пару мгновений, после чего быстро выпалила:

— Значит, каждый из них представлял одну из рас? Йоннет из людей, Масрур из эльфов, а Аннабель из фей. Выходит, Третий был великаном?

— С такими логическими цепочками лидеры усомнятся в твоих умственных способностях.

— Я тебе всё-таки челюсть вырву, — прошипела Пайпер, впившись в него таким взглядом, что у него аж горло сдавило.

По-настоящему.

Кит схватился за край стола, ощущая, как невидимая сила давила ему на шею. Это продлилось не дольше нескольких секунд, за которые он даже не успел осознать, что задыхался, как всё прекратилось. Кит инстинктивно коснулся шеи, но не ощутил боли и не нащупал открытых ран.

— Кит?

Пайпер растерянно смотрела на него, а он был готов поклясться, что её темно-карие глаза стали на пару тонов светлее.

Магия всегда отражалась в глазах мага — неужели и сейчас Пайпер использовала то, чем её одарил один из сакри, и даже не осознала этого?..

— Нормально, — отозвался Кит слегка хриплым голосом, решив, что в первую очередь скажет об этом другим, но никак не Пайпер. — Просто... в горле запершило. На чём я остановился?

— Третий был великаном?

— Если следовать твоей логике, то да.

Она удивлённо вскинула брови.

— Почему это согласно моей логике? Это же...

— Как уже говорили остальные, сальваторы должны были остановить тёмных созданий, угрожающих Сигриду. Честно, понятия не имею, как именно. Может, слиться в Вольтрона и всех защитить? Или объединить все страны, чтобы те сражались сами? Как бы это ни должно было случиться, ничего не вышло. Аннабель погибла незадолго до Вторжения, если верить историям. Йоннет исчезла. Масрур держал Переходы так долго, как мог, чтобы все успели сбежать сюда, но никто не знает, что с ним стало после. Может, застрял где-то после Перехода. Или погиб, а Рейна сейчас ищет другого сальватора. Может, это она нашла тебя.

— А Третий?

— Сгинул.

— Сгинул? — недоверчиво переспросила Пайпер.

— В хаосе, как и Сигрид.

— Очень подробный ответ, Кит. Что не так с Третьим, что ты отказываешься говорить о нём?

— Мне элементарно *нельзя*. Уверен, Коалиция решит, как тебе рассказать о Третьем, но это точно буду не я. Всему своё время.

Боги милостивые, Кит ненавидел эту фразу. Это идиотское «своё время» могло вообще не наступить. Или, наоборот, наступить в самый неподходящий момент, когда никто не готов. В детстве Кит часто слышал это от старших искателей, с чего бесился даже сильнее, чем от сравнений с Себастьяном, которые почему-то должны его мотивировать.

Но при всём желании он не мог рассказать о Третьем больше, чем уже сказал. Будет чудом, если его хотя бы вскользь упомянет Гилберт, который уже взял Пайпер под свою ответственность, но если нет...

Разве кто-то будет винить Гилберта в том, что он не желает говорить о Третьем?

Как-никак, а Третий сальватор погубил все миры.

Глава 6. Приди, кем бы ты ни был

Блокнот и ручку Пайпер вручили после первой просьбы, и она сразу принялась записывать все вопросы. Самым первым в списке, который, она не сомневалась, всего через пару минут перевалит за сотню, было написано и несколько раз подчёркнуто: «Что не так с Третьим?»

Не то чтобы Пайпер это действительно волновало, но раз уж Кит отказался говорить, значит, дело было важным.

Наверное.

Она не хотела понимать, что вообще тут могло быть важным.

Кит предложил ей подробную экскурсию по особняку: всем этажам, бесконечным коридорам, переплетённым между собой пространственной магией Шераи, — Пайпер и про это записала, — приёмные гостиные и залы, галереи, тренировочные помещения, несколько библиотек. Но, не дождавшись от неё внятного ответа, просто сказал идти за ним, а сам буркнул себе под нос, что «ему за это никто не платит».

Пайпер его не слушала.

Всё время, что он ещё раз объяснял ей о сотворении миров, богах и сигридах, у неё раскалывалась голова. В какие-то моменты боль усиливалась, а сама Пайпер вскидывалась, сама не понимая, почему определённые слова Кита цепляли её. Хотелось бы списать это на странный голос, врывающийся в её мысли, но это бы означало, что ей придётся признать, что с ней не всё в порядке. Даже после всего услышанного и увиденного Пайпер не была готова делать это.

Нет, она не сумасшедшая.

И не сальватор.

«Наверное...»

Она старалась не думать об этом. Записывала вопросы, число которых и впрямь росло с бешеной скоростью, просила Кита повторять те или иные части историй и то и дело замечала, как от её замечаний у него дёргается глаз.

— Так я, получается, должна быть Пятой, а не Первой. Ну, вы считаете, что я Пятая. Лично я считаю, что я ещё довольно-таки адекватная, чтобы...

— Нет. В смысле, ты адекватная, я думаю...

— Ты думаешь? — скептически уточнила Пайпер.

— ...но ты точно сальватор. Первая в этом мире.

Каким-то невероятным образом его тон был одновременно и обнадеживающим, и угнетённым. Пайпер не хотелось разбираться, что и к чему у него относилось, но была вынуждена признать, что Кит не так уж плох. Пока что. Дядя Джон бы её не предал, оставив наедине с придурком, и всё же она решила по умолчанию считать Кита именно что придурком, чтобы быть готовой к неожиданностям.

Он, по правде сказать, и выглядел придурком. Остановившись в одном из многочисленных коридоров, где по одну сторону тянулись окна и картины между ними, а по другую — двери, Кит смотрел на неё так, будто собирался предложить какую-нибудь дикость. Чёрные короткие волосы взъерошены, тонкие губы растянулись в заговорщической улыбке, в тёмно-карих глазах мерцал какой-то странный огонёк.

Пайпер не хотела считать его опасным, — дядя Джон *ни за что* не оставил бы её один на один с кем-то, кто может причинить ей вред, — но невольно насторожилась.

Что удивительно, Кит мгновенно это заметил. Его взгляд смягчился, брови лишь немного приподнялись. Руки он спрятал в карманы серой толстовки и, улыбаясь уже совсем не полубезумно, а как будто даже заботливо, спросил:

— Всё нормально?

— Да, — без раздумий выпалила Пайпер и тут же нахмурилась. — В смысле, нет, ни хрена. Но нормально.

— Слушай, я понимаю, что всё это может пугать...

— Очень.

— ...но мы правда не хотим тебя обидеть. Мы никогда не причиним тебе боли. Я, конечно, не обещаю, что лично защищу от всех демонов, это, так-то, твоя работа.

— Что, прости?..

— Но в первые пару месяцев можешь рассчитывать на меня. Джонатан может придуриваться сколько угодно, но он знает, что я отличный искатель. Орден может на меня положиться.

Пайпер посмотрела на список своих вопросов, быстро черкнула ещё один и сразу же задала его вслух:

— Что за Орден-то?

— Общество искателей, которые по тем или иным причинам связаны с сигридским миром, — пояснил Кит, жестом показав, чтобы они продолжили прогулку по особняку. — И как ты, я очень надеюсь, поняла, наш основной профиль — поиск.

— Я не настолько тупая, — возразила Пайпер.

— В смысле, поиск всего, что связано с сигридским миром.

— Ладно, я немного тупая. Что это значит?

— Мы ищем тех, кто каким-то образом застрял во время Перехода между мирами, а после оказался выброшен здесь, — с серьёзным выражением лица принялся перечислять Кит, загибая пальцы. — Это было в основном после Вторжения, но всё же. Или тех, кто потерял память и столкнулся с иными проблемами, не связанными с магией или хаосом. Земля довольно ограничена в плане контактов с другими мирами, но иногда бывает так, что она ограничивает и контакты между связанными сигридцами. Есть тут у нас ребята, с которыми такая ерунда случилась. После Вторжения, оказавшись здесь, пять лет друг друга искали. Сложная магия, сам не разбираюсь.

— Пять лет? — удивилась Пайпер. — Почему так долго?

— Этот мир опасен и без тёмных созданий, верно? Но если их всё же учитывать, количество проблем и препятствий для сигридцев в сравнении с землянами увеличивается раз в десять, наверное... В общем, искатели часто работают именно с поиском людей. Также мы наравне с магами ответственны за нахождение тех, в ком пробуждается кровь первых, всяких магических реликвий, артефактов и даже обычных вещей из Сигрида. Поначалу на них обращали не очень много внимания, в приоритете были жизни сигридцев. Только потом, когда сюда попала одна книга заклинаний, стало ясно, что они приманивают демонов... Ты слышала про Великое Чилийское землетрясение тысяча девятьсот шестидесятого года? В общем, после этого Орден стал забирать всё, что так или иначе связано с Сигридом. Большая часть хранится в зале Истины, что-то есть и у самих сигридцев. У Гилберта вообще отдельная коллекция всевозможных сигридских мелочей, я тебе покажу.

Пайпер собиралась уточнить про землетрясение, — Кит, должно быть, пошутил, что эта природная катастрофа была как-то связана с демонами или магией, — но выпалила совершенно другое:

— Люди с кровью первых?..

— Потомки сигридцев. Иногда тех, кто покинул Первый мир намного раньше Вторжения, иногда тех, кто оказался здесь уже после. Я, например, стопроцентный землянин. Ни капли сигридской крови. Так бы и жил спокойно и скучно, но...

Он осёкся, словно едва успел осознать, что едва не выпалил то, о чём не хотел говорить, и натянуто улыбнулся ей. При всей своей тактичности Пайпер едва не попросила его всё же

продолжить, однако сумела остановить себя. Мало ли, вдруг тема и впрямь неприятная. Если Кит захочет, сам расскажет. Или она спросит у дяди Джона потом.

Но очередной вопрос Пайпер всё же записала.

— Если в тебе нет крови сигридцев, как ты вообще... связан со всем этим? Почему знаешь о демонах и прочем.

— Это из-за эриама, — легко ответил Кит, очевидно, довольный тем, что она не стала приставать к нему. — В переводе сигридского языка означает «открыть глаза». Перед человеком словно убирают завесу, которая скрывала от него всё сигридское. Произойти может из-за разного: магия, хаос, столкновение с демонами или даже вампирами, чары... Но насильно открыть глаза кому-то нельзя.

— И ты прошёл через это?

— Это... к этому привыкаешь, — криво усмехнувшись, Кит помолчал всего мгновение, после чего добавил: — Каким бы ужасным ни был эриам, дальше только хуже.

— Очень обнадеживает, — недовольно отозвалась Пайпер, крепче сжимая блокнот.

— Я знаю. Показать тебе коллекции Гилберта?

Не то чтобы её и впрямь интересовало, что коллекционирует хозяин особняка, годящийся ей в ровесники: все помещения, которые Кит уже показал, удивили лишь аккуратностью и тонким вкусом, но ничего сверхъестественного там не было. Обычные гостиные, залы, библиотеки, комнаты отдыха, рабочие кабинеты. Если что и поражало, так это то, как такое огромное количество различных помещений могло помещаться в одном особняке. Однако думать о пространственной магии Шераи, как и об эриаме — одновременно ужасном и не таком страшном, как всё, что может ждать дальше — Пайпер совсем не хотелось.

— А он нас за это не убьёт?

Кит, плохо скрывавший, что с нетерпением ждёт её ответа, закатил глаза.

— Мы же не к нему в комнаты полезем. Коллекции может смотреть кто угодно.

— Коллекции. Не коллекцию. Мне слышалось, что ты сказал про одну.

— У Гилберта их много. Есть редкие издания магических книг, исторических трактатов и мемуаров путешественников, коллекция драгоценностей и оружия, вещи с его родины, я у него ещё комиксы находил...

— Кто он вообще такой? — поспешила уточнить Пайпер, пока Кит не начал увлечённо говорить о комиксах — а он, судя по блеску в глазах, мог. — Лука говорил, что он кого-то брал под опеку. И назвал королём. Но разве он может быть королём? Он же...

— Мелкий? — подсказал Кит, рассмеявшись. — Я тоже сначала не понимал, откуда у него всё, что он имеет сейчас. Гилберт не то чтобы скрытный, но говорить о себе не очень любит. Я лишь знаю, что он происходит из какой-то знатной семьи, и всё. Спроси потом у него сама.

«Ложь».

Пайпер зажмурилась, убеждая себя, что ей вовсе не слышался всё тот же странный голос. И исключительно из принципа решила поверить словам Кита. По крайней мере, только сейчас.

Как минимум невежливо разбалтывать чужие тайны, это она понимала — значит, и впрямь спросит потом у Гилберта, если найдёт в себе для этого силы.

Когда она вновь открыла глаза, оказалось, что рядом будто из пустоты нарисовались двойные двери, которые Кит никак не мог открыть. Пайпер была готова поклясться, что мгновение назад их не было.

— Ладно, к чёрту, — сдался Кит и нервным движением взлохматил волосы. — Попробуем с другим залом, но если не откроется — значит, отложим изучение коллекций до лучшего времени.

— В смысле?

— Ты слышала о лей-линиях?

Что-то Пайпер и впрямь слышала, но деталей не помнила. В голове у неё всё перемешалось, и если бы Кит спросил о самом простом, например, в каком порядке идут месяцы, она бы от волнения и растерянности начала зачитывать рецепт отцовской кесадили.

Кит, заметив, как она поджимала губы и озадаченно смотрела на него, вздохнул.

— На Земле считают, что лей-линии расположены в местах, которые представляют историческую или географическую ценность. Памятники, природные объекты, курганы и всё прочее. В Сигриде на месте лей-линий в основном располагались храмы богов или магические дома. Если карту лей-линий Сигрида наложить на карту Земли, то в месте, где сейчас стоит особняк, будут пересекаться несколько линий, образующих мощную защиту.

— Но они пересекаются на карте Сигрида, — неуверенно возразила Пайпер.

— Лей-линии связывают все миры. И они, пересекающиеся здесь, создают мощную защиту и способствуют использованию пространственной магии. Таких точек в мире не то чтобы много, но там, где магия особо сильна, обычно и находятся самые важные для сигридцев места. Считается, что зал Истины и вовсе находится в самой мощной и неприступной точке. Пространственная магия там в сотни раз сильнее, чем здесь.

— М-м-м, отлично, — прокомментировала Пайпер, вовсе так не считающая. — И что же это за пространственная магия?

— Та, которая меняет пространство, — недоумённо ответил Кит, посмотрев на неё, как на идиотку. — Сионий говорил, что это вовсе не то же самое, что Движение Рейны, но... Я не маг, многого не знаю, правда. И понятия не имею, как Шерае удалось добиться такого здесь, но после покупки Гилбертом особняка она увеличила внутреннее пространство, используя естественную магию мира. А Шерае, чтобы ты знала, не так сильна, как Стефан...

Замечательно. Пайпер понятия не имела, кто эти люди, но говорить об этом Киту не стала: он уже увлёкся.

— Со временем пространство здесь расширялось согласно нуждам Гилберта, его гостей и жителей особняка. Сейчас, наверное, никто кроме него и Шераи не знает точно, сколько тут помещений. Особняк меняется когда пожелает, но помогает тем, кто, скажем так, настроен дружелюбно. Если Гилберт принял тебя как своего гостя, то особняк не будет мешать. Всегда выведет туда, куда нужно, и не пустит в места, где тебе нельзя быть. Видимо, Гилберт пока не хочет, чтобы ты видела одну из его коллекций. Не принимай это близко к сердцу. Ты ему не враг, иначе особняк бы заставил тебя потеряться. Просто... рановато, наверное. Не каждому же встречному будешь показывать любимые безделушки.

Пайпер устала удивляться, однако новость, что особняк был подобен живому организму и мог мешать или помогать тем, кто внутри, действительно поразила. В её голове более-менее уложилось, почему сальваторы такие крутые (из-за сакри, с которыми они связаны) и почему не все могут владеть магией (потому что за это отвечает какая-то там богиня), но дом, способный перестраиваться внутри, да ещё и определяющий, кто для его владельца друг, а кто враг?..

— Особняк сам распознаёт врагов? — осторожно уточнила Пайпер. Она, настроенная отрицательно и агрессивно ко всему, что успело произойти, не собиралась притворяться дружелюбной только для того, чтобы коридоры на её пути не спутывались с тупиками и ненужными лестницами. Но если магия, какая бы она тут ни была, способна проникать глубже и распознавать больше, чем показывают...

«Божже, мисс Сандерсон, да вы и впрямь сумасшедшая...»

— Гилберт, я же сказал, — исправил её Кит. — Он принял тебя как гостью, так что никакой путаницы быть не должно.

— Но если кто-то проберётся сюда, пока его нет?

— Невозможно. Барьеры не пропустят.

— А если пропустят? Если их обмануть?

— Не обмануть, потому что они считывают магию и намерения. Сложная магия, я серьёзно. Если хочешь, Шерая тебе потом объяснит.

Повернув за угол очередного коридора, он сразу же ухватился за ручку первой же двери и несколько секунд безуспешно дёргал её.

— Ладно, значит, без экскурсий по коллекциям, — вздохнул Кит. — Может, с библиотекой нам повезёт больше. Или хочешь посмотреть на тренировочные залы? Или картинную галерею? Или пойдём кланчить у Одовака что-нибудь вкусное, а потом...

«Картинная галерея, — зашептал голос в голове Пайпер, заглушив лепет Кита. — Мы должны увидеть картины».

На этот раз ей удалось не вздрогнуть от ужаса и никак не показать, что она слышит что-то странное. Кит, может, и вовсе не замечал, как она передёргивала плечами или сжималась, но Пайпер всё равно не хотелось выдавать себя.

— ...Я бы показал тебе лабораторию Марселин, ей нравится хвастаться своим барахлом, но она не дома. Так что выбираешь?

Пайпер посмотрела на него, растерянная, инертно повторила его улыбку и ответила:

— Картинную галерею.

Кит повёл её дальше по коридору. Пайпер была абсолютно уверена, что они на уровне третьего этажа минимум, — видела сад из окон, мимо которых они проходили, — но почему-то оказались в том самом холле, откуда началась экскурсия, совсем близко к дверям, ведущим в столовую.

— Это пугает, — призналась Пайпер.

— Чудесная пространственная магия особняка, — с чувством пробормотал Кит. — Видишь ту дверь?

Он указал на противоположную стену, половину которой занимали огромные окна. В самом центре находился витраж. Как бы Пайпер ни старалась, рассмотреть рисунок у неё не получалось — виделись лишь синие, голубые, белые и тёмно-фиолетовые кусочки. Только стекло, никакой двери между окнами не было. Одна располагалась по правую руку от них — это, как предположила Пайпер, было парадным входом. Напротив него две лестницы уходили вверх, в коридоры, но никакой другой двери она не видела.

— Ты меня разыгрываешь? Я вижу только витраж.

— Это потому что ты не задобрила живущих здесь драу.

— Что?

— Кого. Драу. Духи, призраки, брауни, фамильяры — у землян много названий для них, но те, что из Сигрида, предпочитают называться драу. Некоторые живут в особняке или периодически заглядывают в гости. Могут и сбивать с пути для развлечения.

Пайпер хотела верить, что он и впрямь её разыгрывает, но выражение лица у Кита было убийственно серьёзным.

— И часто они развлекаются?

— Зависит от настроения. Просто скажи, что у тебя добрые намерения и ты гостя Гилберта.

— А если так каждый вор будет говорить? «Эй, я гость Гилберта, проводите к деньгам». Что тогда?

— Обмануть и драу, и барьеры, и магию особняка одновременно сложно, — Кит закатил глаза. — Господи, просто поздоровайся с драу. Дело на три секунды.

Пайпер поджала губы, уставившись на дурацкий витраж. О какой двери Кит вообще говорил? Неужели эти драу, чем бы они ни были, проходили в особняк через неё, а Пайпер ничего не видит из-за своей упёртости?

Обращаться к пустоте казалось ей верхом глупости, но Кит всё ещё строго смотрел на неё и ждал, так что Пайпер сдалась. Быстро написав в блокноте слово «драу» и нарисовав

вокруг него несколько знаков вопроса, она посмотрела на витраж. Цветные кусочки до сих пор не складывались в единую картину, однако при взгляде на них у неё неприятно закололо в основании черепа.

— Эм... Я Пайпер, гостя Гилберта. Кит сказал, что надо с вами поздороваться, так что... здравствуйте, наверное.

Чувствуя себя неловко, она обернулась к Киту, надеясь услышать, что делать дальше, и тут же со всей силы швырнула в него блокнот.

Давящийся от смеха Кит и не заметил этого. Его трясло так, что, ещё немного — и согнулся бы пополам, а лицо бы треснуло от улыбки.

От смущения Пайпер едва не покрылась красными пятнами и хотела было пнуть его, чтобы немедленно прекратил смеяться, а потом пнуть ещё пару раз, чтобы не смел рассказывать об этой позорной сцене ни одной живой душе. Она уже сделала шаг вперёд и подняла ногу, как в голове пронеслось:

«Что за детские игры? Смотри-ка выше».

Её голова будто сама собой повернулась, взгляд поднялся к лестницам и небольшой площадке между ними, над которой висела картина с миролюбивым снежным пейзажем. На лестнице, что была по левую сторону от Пайпер, на самой верхней ступеньке сидела мужчина.

Она бы отреагировала совершенно нормально, — в том смысле, что пялилась бы не так хмуро и злобно, как на каждого, с кем успела познакомиться за это утро, — если бы этот мужчина был *нормальным*.

Его кожа была сиреновой, будто его с ног до головы облили краской. Короткие белые волосы аккуратно уложены от лба к макушке, острое, слегка вытянутое лицо — открытое, улыбающееся, без единой морщинки или складки. Фиолетовые глаза, сощуренные, смотрели на неё, подбородок лежал на сплетённых пальцах, локоть упирался в колено правой ноги, закинутой на левую. Одежда показалась Пайпер наименее странной, хотя всё ещё была чудной: свободные тёмные штаны и лёгкая накидка, слабо мерцающая, будто её усыпали крохотными драгоценными камнями. Ткань до самых запястий прикрывала руки, плотно облекая, плечи и отчасти — верхнюю половину груди, оставляя всё, что ниже, обнажённым, и цеплялась за воротник, доходящий до середины шеи.

Мужчина улыбался ей ещё несколько мгновений, не отрывая взгляда от её лица, и открыл рот, но с его губ не сорвалось ни единого слова.

Вместо этого голос вновь прозвучал в голове Пайпер.

«Не пугайся ты так, милая. Это всего лишь я. Не могу явиться тебе полностью, к сожалению, поэтому будет довольствоваться тем, что есть».

Пайпер перевела испуганный взгляд на Кита, надеясь, что он объяснит появление этого мужчины. Однако искатель не двигался, застыл на месте в нелепой позе: скрючившись от смеха, едва не на полпути к полу, на который, казалось бы, вот-вот мог упасть. Губы не дрожали от смеха, глаза не бегали под закрытыми веками.

В ужасе Пайпер метнулась к нему и дрожащими руками нащупала пульс на шее — медленный и слабый.

— Что ты...

«Ничего. — Мужчина, успевший спуститься по лестнице, замер на последней ступеньке. — С ним всё в порядке. Я вырвал из привычного временного потока тебя, а не его, чтобы поговорить. Когда наш разговор закончится, всё будет как раньше».

— Это же не... Что вообще... — Пайпер бессвязно лепетала, продолжая держать пальцы на шее Кита, боясь, что упустит момент, когда его пульс замрёт. — Что за ерунда... Тут какая-то ошибка...

«Ошибка лишь в том, что сделали эти люди с таким, как ты, — мужчина, скривив губы, бросил на Кита презрительный взгляд. — Я не сомневаюсь, что, сделай ты что-нибудь, что будет им неудобно, они и тебя вычеркнут из истории».

— Мне уже объяснили, что такое отвержение! — нервно огрызнулась Пайпер. — Мой отец меня не помнит, но не Эйс!

«Мальчик также отмечен, но я говорю не об отвержении».

— Что?! — Пайпер отдернула руки и злобно уставилась на мужчину, начавшего шагами мерить холл. — Кто ты вообще такой? Раньше...

«Ты слышала другой голос? — предположил он, проходя за спиной Кита. — Да, полагаю, что так. Я с тобой ещё не разговаривал. С тобой лишь маленькая моя часть, так что в общении мы сильно ограничены. Ты слышала Лерайе».

— Кого?

«Лерайе, — терпеливо повторил мужчина. — Она твой сакрифициум. Я даже из другого мира это ощущаю».

— Что?.. — Пайпер попятилась, стоило ему обогнуть Кита и сделать шаг к ней. — Стой!

«Стою, — мгновенно ответил он, замерев на месте, — но какой в этом толк? Я всё равно не здесь. Может, вместо того, чтобы тратить время зря, поговорим о более важных вещах? Например, о том, как спасти меня и моего друга».

— Я никого не собираюсь спасать, — возразила Пайпер, сжав кулаки и вскинув голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Всё в ней дрожало от ужаса, но упрямство и нежелание показывать этот страх оказались сильнее. — Я тебя даже не знаю. Если хотел меня напугать — поздравляю, отлично получилось. И если собираешься убивать, то давай как-нибудь побыстрее, ладно? Может, хоть так эта чертовщина прекратится.

«Не вспоминай чертей».

— Кто ты такой? — сквозь зубы повторила Пайпер.

Мужчина, нахмурившийся лишь на мгновение, вновь расплылся в улыбке.

«Сакрифициум. Но имени не назову. Тебя убьют, если кто-то узнает, что ты со мной говорила».

У Пайпер дёрнулся глаз, а в груди стало тесно от нервного смеха, рвущегося наружу, и одновременно яростного крика.

— Ты сам... явился сюда, — выдавила она, кое-как подобрав подходящее слово. — Начал разговор и требуешь помощь.

«Потому что мы правда нуждаемся в ней».

— Мне плевать на тебя и твоего друга! — выкрикнула Пайпер. Какой-то крохотной частью своего сознания она успела подумать, что с вероятностью в один жалкий процент начала ругаться с кем-то чрезвычайно важным, о ком Кит просто не успел рассказать, но ей было плевать. Она устала, была напугана и потеряна, а единственное, чего ей хотелось — вернуться домой. У неё не было сил, чтобы любезничать непонятно с кем и соглашаться на всё подряд.

«Он и твой друг, к слову, — улыбка сползла с лица мужчины, брови низко опустились. Пайпер бы сжалась в испуге от его пронзительного взгляда, до ярости в ней оказалось больше — так и буравила его в ответ, пока он торопливо продолжал: — По крайней мере, я надеюсь, что он станет им. Я ведь многого не требую, Первая. Лишь придумать, как нам помочь, а дальше мы справимся сами».

— Каким это мистическим образом я должна помочь в том, чего не понимаю? Кто тот, о ком ты говоришь? Вот он, — Пайпер махнула рукой в сторону Кита, — всех тут знает, сказал бы ему!

Мужчина вновь скривился, посмотрев на искателя, и наградил Пайпер взглядом, в котором так и читалось что-то вроде: «Ты предлагаешь говорить с ним?..»

«Просто скажи своим... друзьям, — это слово он буквально выдавил через силу, едва не содрогнувшись всем телом, — что знаешь, кто из сакрифициумов тебя выбрал. Лерайе сейчас намного слабее и не сможет говорить с тобой часто, но уж что-нибудь придумает, если сумеешь достучаться до неё».

— Я не собираюсь...

«Но тебе интересно, чем это закончится, — перебил её мужчина. Он не спрашивал, не пытался навязать ей собственный интерес, а словно говорил о том, в чём Пайпер сама ему призналась. Как если бы и впрямь перебрал её потаённые мысли, вычленил из клубка противоречивых чувств нужные и сложил их в ответ, которого она всё ещё не знала, но озвучила бы в будущем. — Отрицай сколько хочешь, но подсознательно ты понимаешь, что соприкоснулась с правдой. Тебе лишь нужно чуть больше... Времени, — с неожиданно мягкой улыбкой добавил он. — Я чувствую в тебе магию Лерайе, Первая. Используй её с умом и никогда не доверяй тем, в кого не веришь».

Как мило. Её похищают, забрасывают в дом, который умеет перестраиваться сам, и требуют чуда, не объясняя, что конкретно ждут. Сражаться с мистическими чудовищами? Спасать неизвестно кого, пусть даже он назвался сакри? Будет чудом, если Пайпер не решится выпрыгнуть в окно, а не её становление сальватором.

«Я ещё вернусь к тебе, — начав отступать, произнёс мужчина. — Накоплю достаточно сил и воспоминаний, чтобы тебе было легче. Поверь, Первая, мы с моим другом на твоей стороне. Мы поможем справиться с этим страхом, пусть мне самому и страшно».

От абсурдности его слов Пайпер натянуто рассмеялась.

— Если ты и впрямь сакри, как говоришь, то откуда у тебя страх? Разве вы не самые могущественные существа во всех мирах?

Мужчина снова улыбнулся, и она бы без всякой попытки сдержаться и быть умнее рявкнула ему, чтобы прекратил бесить её этими улыбками, если бы не заметила, какая она искусственная. Будто за ней мужчина прятал боль, прекрасно зная, что в этом нет никакого смысла. Всё видно и так.

«Одного из нас подчинили силой. Мы могущественны, это правда, но даже нас можно сломить. Вторжение тёмных созданий на каждом оставило свой след, однако наши игры куда глубже, чем ты можешь думать, Первая. Мы были сотворены ради спасения миров, а в итоге стали их погибелью».

В памяти Пайпер что-то шевельнулось: кажется, Кит что-то говорил об этом... Или Шерая и Гилберт? Она не была уверена. Как бы Пайпер ни старалась быть внимательной и осознавать услышанное, в голове всё безжалостно смешивалось. Прошло слишком мало времени, чтобы она успела смириться со всем, что пережила, и начала спокойно воспринимать новый мир.

«Правда жестокая, Первая, и не все готовы ею делиться. Если хочешь узнать о том, что случилось в день Вторжения, спроси у Сиония. Может, он расщедритесь на подробности».

Опять то же самое: имя показалось знакомым, но вспомнить, действительно ли Кит или кто-то другой уже упоминал его, Пайпер не смогла. Язык просто не слушался, прилип к нёбу, и голова вдруг стала совсем ватной.

И где её блокнот, в который можно всё записать?..

«Сионий знал Масрура ещё до того, как тот стал сальватором, — словно не замечая её озадаченности, пояснил мужчина. — Если же мало будет его, разыщи Стефана. К Фройтеру обращаться не совету».

— Почему?

Если он и хотел ответить, то что-то ему помешало: взгляд мужчины обратился ей за плечо, брови слегка сдвинулись, челюсть напряглась. Пайпер оглянулась, но ничего, кроме

массивной входной двери и окон по обе стороны от неё, за которыми проглядывались бело-серые оттенки, не увидела.

Мужчина приблизился, в один шаг сократив всё расстояние между ними, взял её за руку и прижал к своей груди. Пайпер дёрнулась, сдавленно завопила, застигнутая врасплох, и мгновенно провалилась в пустоту.

Она не чувствовала тела, не слышала собственных мыслей, не ощущала биения чужого сердца под ладонью, насильно прижатой к груди. Её собственное ускорилося до невозможности, дыхание сбилось, а перед глазами вспыхнули образы и места, которых она никогда не видела.

Пылающие коридоры, заполненные чудовищами и трупами. Прорывающиеся сквозь них мальчишка и женщина, руки которой пылали алым огнём. Разрушенный и усыпанный снегом дворец, возвышающийся над пустующим городом. Бескрайнее море с тёмными волнами, бьющимися о борт корабля. Волк с бело-серой шерстью, жёлтыми глазами и пастью, испачканной в чёрной крови. Разворочённые могилы. Бледное сияние в тёмном лесу. Бьющийся в конвульсиях человек, облачённый в доспехи, похожие на рыцарские. Свора чудовищ, спущенная на человека. Бесчисленное количество книг, которыми завалена комната. Скачущие на конях, напоминавших тени, всадники, что преследуют волка. Сад с каменными статуями. Девочка с короной на голове.

Пайпер судорожно выдохнула, когда мужчина отпустил её руку и отступил на шаг.

«Наше время вышло. Найди Сиония или Стефана, пусть они помогут тебе разобраться в себе. Пробуди столько Силы Лерайе, сколько сможешь».

Пайпер всего лишь моргнула, а он уже исчез: просто растворился в воздухе, так быстро и тихо, что она была готова принять его за галлюцинацию.

Ей это показалось. Совершенно точно показалось. Пайпер просто как идиотка запнулась о собственную ногу, упала и ударилась головой. Кит усадил её на нижнюю ступеньку и теперь вился вокруг, щёлкая перед её лицом пальцами и что-то обеспокоенно бормоча.

Пайпер не помнила, чтобы опускалась на ступеньку, но ведь всё случившееся ей только привиделось. Галлюцинация на фоне сильного стресса. Она не могла выпасть из... как там сказал мужчина? Привычного временного потока? Звучало как откровенный бред.

Она просто грохнулась в обморок.

Никакого странного мужчины тут не было.

Кит вдруг хлопнул её по щеке. Пайпер, хмуро уставившись на него, отпихнула ладонь и стиснула челюсти.

— Боги милостивые... — облегчённо выдохнул Кит. — Я уж думал, ты совсем...

— Что? — огрызнулась Пайпер.

— Ты... ну, будто зависла. Я сначала подумал, что ты мстишь за шутку за драу, но потом ты упала и...

Пайпер нервно сглотнула. Внутри сжался липкий страх, что было странно: с чего бы ему взяться, если она и вправду всего лишь упала в обморок? Ей хотелось верить, что Кит не настолько придурок, чтобы дважды разыгрывать её. Переживал он, кажется, вполне естественно. Значит, по-настоящему испугался, что с ней что-то не то.

Действительно ли организм просто дал сбой и никакой встречи с таинственным мужчиной не было?..

— Так, только не дёргайся, — затараторил Кит, крепко сжав её ладони. — Сейчас мы дойдём до кухни, Одовак тебе заварит один из успокаивающих отваров Марселин, а потом...

— КИТ!

От злого крика дяди Джона они дёрнулись синхронно. Пайпер моргнуть не успела, а Кит, ещё сильнее стиснув её ладони, испуганно начал оправдываться:

— Это не я! Клянусь, я ничего не делал! Она просто...

Пайпер слегка отклонилась в сторону, выглядывая из-за его тела: воздух возле дверей странно исказился, но всего на мгновение, так что она списала это на головокружение. Шерая и Гилберт стояли у порога и переглядывались, а дядя Джон в несколько быстрых шагов преодолел холл и теперь навис над Китом, прожигая его взглядом. Пайпер поднялась, опираясь на его ладони, и пару мгновений просто стояла, пытаясь привыкнуть к звону в голове.

Выглядело, наверное, и впрямь подозрительно: она сидит на нижней ступеньке, низко опустив голову и прикрыв глаза, он вьётся вокруг и тараторит что-то, будто уговаривает её взять в руки, гордо подняться и притвориться, что всё в порядке.

— Я требую адвоката, — жалостливо выдавил Кит.

Дядя Джон открыл рот, строго указав на него пальцем, но в результате только махнул ладонью и шумно выдохнул сквозь зубы.

— А вот Август Гривелли... — снова начал Кит тоном, крайне похожим на нравоучительный, однако дядя Джон его перебил:

— Даже не смей.

— Тебе, значит, можно, а мне нельзя?

Пайпер отпустила руки Кита, чувствуя, что вполне твёрдо стоит на ногах, и всё равно привалилась к дяде, обнимая его. Он расслабленно выдохнул, погладил её по спине и тихо спросил:

— Всё хорошо?

— Просто голова закружилась, — пробормотала Пайпер в ответ.

— А я говорил! — поддакнул Кит.

— Ну-ка тихо, — бросил ему дядя Джон. — Пайпс, точно всё в порядке? На тебе лица нет и...

Запрут ли её в комнате с мягкими белыми стенами, если она скажет, что видела мужчину с фиолетовой кожей, который говорил о Силе Лерайе и требовал от неё помощи?

Рисковать Пайпер не хотела.

Поэтому заставила себя немного напрячь плечи, расправляя их, подняла голову и улыбнулась дяде Джону, повторив:

— Голова закружилась.

— Из-за магии? — вдруг раздался голос Шераи.

Боже, она подкралась так тихо и незаметно, будто всю жизнь готовилась к этому моменту. Гилберт, также подошедший, бросил на Кита вопросительный взгляд, а тот начал в красках описывать, что всего-то пошутил про обязательное приветствие драу, после которого Пайпер ни с того ни с сего грохнулась в обморок.

«Я вырвал из привычного временного потока тебя, а не его, чтобы поговорить. Когда наш разговор закончится, всё будет как раньше».

Неужели то, что сказал этот странный мужчина, было...

— Магия? — неуверенно повторил дядя Джон, выпустив Пайпер из объятий.

Шерая холодно обвела её взглядом с головы до ног, будто искала физическое доказательство произошедшему. Действительно ли на ней лица не было, Пайпер не знала, но от такого внимательного взгляда точно побледнела, ощутив пробравшую её дрожь.

Что-то в этой женщине было не так. Не идеальная осанка или ледяной взгляд серых глаз, не абсолютная невозмутимость, от которой становилось не по себе...

Пайпер моргнула, вновь уставившись на лицо Шераи.

Её глаза только что были серыми.

А теперь — алыми.

— Ты что-то почувствовала, — заключил Гилберт, сощурившись.

— За три часа — ни единого колебания, — спокойно ответила Шерая, продолжая изучать Пайпер взглядом, — зато меньше пяти минут назад что-то точно коснулось пространственной магии особняка.

«Пробуди столько Силы Лерайе, сколько сможешь».

Пайпер вцепилась в предплечье дяди Джона, боясь пошевелиться. Тот факт, что с начала экскурсии Кита прошло целых три часа, которых она и не заметила, волновал её куда меньше, чем слова Шераи. Она тут вроде как эксперт по магии, которой все верят, а Пайпер вовсе не хотела, чтобы Шерая подтверждала что-либо об её собственной магии.

У Пайпер же *нет* магии.

— И ты почувствовала, какая именно? — с глазами, вдруг вспыхнувшими предвкушением, уточнил Гилберт.

«Никакая, — отчаянно подумала Пайпер, ещё сильнее сжимая руку дяди Джона. — Никакая-никакая-никакая!»

Шерая сдержанно улыбнулась, посмотрела на неё алыми глазами — алыми, чёрт возьми! — и сказала:

— Сила Лерайе. Я думала, что забыла, как она ощущается, но уверена, что эта она.

Пайпер закрыла глаза, тихо выдыхая. Каким вообще образом она смогла это определить? И если Шерая не ошиблась, — а она не ошиблась, судя по мгновенно расплывшемуся в улыбке Гилберту, удивлённо вскинувшему брови Киту и дяде Джону, который мягко провёл по ладони Пайпер своей, успокаивая её, — значит, тот фиолетовый мужчина ей вовсе не привиделся.

Он действительно был здесь, говорил о Лерайе, доверии и помощи, в которой нуждался.

— Полагаю, Сионий сможет подтвердить это, — как ни в чём не бывало продолжила Шерая, — на собрании.

— Что? — пропищала в ответ Пайпер.

Гилберт широко улыбнулся, словно они говорили о чём-то до ужаса приятном, лёгком и веселом, о чём-то, что не заставляло всё внутри неё сжиматься в страхе.

— Тебя следует официально представить нашей Коалиции.

Глава 7. И чахла душа в тишине

— Ей уже лучше?

— Она не больна, — спокойно ответила Шерая, не поднимая взгляда от книг. — Незачем каждую минуту спрашивать об этом.

— Я волнуюсь! — горячо возразил Гилберт, расхаживавший от одного шкафа к другому. — Уже два дня прошло, а она... А ты почему не волнуешься?!

Он подлетел к Джонатану, с хмурым видом изучавшего отчёты, и упёрся ладонями в стол, едва не смяв несколько листов. Искатель невозмутимо отодвинул их подальше, поправил маленькую стопку и точно таким же спокойным тоном, до одури раздражающим Гилберта, ответил:

— Я волнуюсь, но если бы я постоянно сидел у Пайпер под дверью и спрашивал, как она, она бы из принципа вылезла через окно и сбежала. Ей нужно время побыть одной.

— Но у неё было столько вопросов. Кит сказал, она всё в блокнот записывала, и... Разве она не хочет, чтобы мы ответили на них? Почему она ни с кем не разговаривает?

— Потому что она в один день узнала о других мирах, демонах, магии и хаосе, что ты репетируешь свои речи перед зеркалом...

— Неправда!

— ...и что в ней живёт сакрификум, подаривший ей магию. Я, честно говоря, удивлён, что она ещё не разгромила комнату и не подралась с кем-нибудь. Так что лучшее, что мы можем, это оставить её в покое, как она и просила.

Гилберт при всём желании не мог понять, действительно ли это лучше. С одной стороны, уж Джонатан знал, как его племянница может отреагировать.

А с другой стороны: она пусть всё ещё была во Втором мире, узнала нечто, что должно было в корне изменить её представление о реальности. И она была окружена людьми, готовыми по одному её слову безвозмездно предоставить ей всё, что она потребует — любые без исключения ресурсы, учителей, телохранителей, советников, магические книги или оружие, если она того пожелает.

Гилберт, оказавшийся среди не подозревающих о магии и хаосе землян и тех сигридцев, что когда-то переселились в этот мир, ни на секунду не закрывал рот. Задавал так много вопросов, что надоедал едва не каждому, кто с ним разговаривал, перед кем Шерая должна была либо извиниться, либо оправдываться, объясняя его незнание. Постоянное движение вынуждало их обоих бесконечно контактировать со множеством людей, которые, со временем узнав о положении Гилберта, всё охотнее шли на сотрудничество.

Нескончаемым нападкам подвергались маги, совершившие Переход намного раньше. Гилберт, тогда бывший лишь тринадцатилетним мальчишкой, был упорнее и целеустремлённее большинства из них. Не имея ровным счётом ничего, ему пришлось всё схватывать на лету. И даже после, когда он сумел обзавестись каким-никаким домом, когда к нему на службу стали поступать и люди, и феи, и эльфы, когда его признали частью Коалиции, он продолжал терроризировать землян вопросами. Данталион едва ему шею не свернул, настолько Гилберт ему надоел. Один из старейшин, прекрасно зная об их положении, всё равно назвал его «невоспитанным наглецом» и смел требовать, чтобы Гилберт вёл себя прилично и дал «взрослым самим решить все дела».

В конце концов, пусть и с учётом отвержения Вторым миром, Гилберт сам стал достаточно взрослым, чтобы занимать пост одного из лидеров Коалиции и предоставить Пайпер любые ответы, какие она только потребует.

А она просто *не хотела* разговаривать.

— Ну нельзя же ей вечно сидеть взаперти, — рассуждал он, расхаживая мимо столов, где расположились Шерая и Джонатан, которые изредка поддакивали ему больше из вежливости. — Я не могу силой удерживать её в особняке, захочет — уйдёт, конечно, но это же попросту опасно! Пока она не владеет своей магией, другие могли бы защищать её, если она вдруг захочет выйти за территорию... Представить бы её Коалиции, подобрать учителей... А почему бы ей не обучиться владению мечом? — осенило Гилберта. — Шерая, что скажешь? Энцелад может тренировать её. Стоит ли?

— Если ты и дальше будешь таким настойчивым, — невозмутимо ответила Шерая, не отрываясь от расшифровки текста, — то она попытается убить тебя не чашкой, например, а мечом.

— Прекрасно, — Гилберт воодушевлённо кивнул. — Я договорюсь с Энцеладом.

Они с Дионом могли бы не только учить её, но и сопровождать на встречи и занятия с магами. Они бы рассказали, как сами привыкали ко Второму миру, и убедили её, что ни Гилберт, ни Коалиция ей не навредят.

По правде сказать, Гилберт до сих пор в полной мере не осознавал, что Первая оказалась в его доме. Не у королевы Ариадны или короля Джевела, а у него: в его доме, под его защитой. Гилберт никогда прежде не испытывал столь сильного удивления и одновременно взволнованности, не терзался страхом, что это может быть лишь жестокой шуткой Фасанвест, сигридской богини судьбы. Лерайе так и не дала о себе знать. Никакого сальватора нет. Гилберт всё так же страдает от кошмаров о Вторжении. Ничего не изменилось — Второй мир беспощадно напоминает им, насколько они слабы и ничтожны.

За два дня, которые Пайпер провела в его особняке, действительно ничего не изменилось. Но Гилберт вдруг осознал, что тлеющая глубоко внутри надежда вновь вспыхнула, встряхнула его и словно открыла второе дыхание.

Он был готов на всё, но Шерая сказала ждать, заниматься своими обычными делами, будто то, что они, наконец, нашли сальватора, вполне себе вписывалось в их обыденную жизнь.

От невозможности сделать хоть что-то полезное Гилберт был готов лезть на стену.

Впервые за многие годы он по-настоящему маялся от безделья, и это уничтожало его. Даже в самые спокойные дни, когда основной проблемой была лишь оголодавшая стая ноктисов, бродящая неподалёку, Гилберт чувствовал себя чрезвычайно занятым. Сейчас же, когда ни ноктисов, ни других демонов поблизости замечено не было, а все иные дела решались другими, Гилберт наиболее остро ощущал свою бесполезность. Шерая переводила магические тексты, над которыми работала уже пару недель, Джонатан занимался отчётами искателей. Ни эльфы, ни феи не обращались к ним за помощью, за работой рыцарей следил Энцелад. Стефан всё ещё не ответил на его письмо, а Марселин сообщила, что задержится у Джевела, где помогала целителям.

Любой бы из них бросил своё дело, чтобы помочь, если бы Гилберт сказал, но для этого пойти на контакт должна была Пайпер.

Сколько ещё она будет сидеть у себя, притворяясь, что мира за пределами комнаты не существует?

Гилберта грызла мысль: он обязан придумать хоть что-то, что показало бы ей его готовность действовать, однако на ум ничего не приходило. Лука, приносивший ей еду, поинтересовался её предпочтениями, но ответа не получил, и тогда они обратились к Джонатану. Никакого восторга еде, приготовленной Одоваком, Пайпер не высказала. Ей не нравилось? Она совсем ничего не ела в качестве протеста? А комната? Может, ей нужны были какие-то вещи для удобства или развлечения, но она, как и сказал Джонатан, из принципа ничего не говорила Луке?..

Гилберт с ней с ума сойдёт, не иначе.

— А если она там себя уже всю искалечила, лишь бы не иметь с нами дел? — пробормотал он, присев на край стола. — Или обои содрала? Или кровать расколотила? А если окна разбила? Драу ничего не сообщали, но вдруг... А если она в ванной утопилась?!

Джонатан со вздохом ущипнул себя за переносицу.

— Успокойся. Пайпер не станет себе вредить, в этом я уверен.

— Хорошо, допустим, ты прав... Что ей не нравится? Я не слишком гостеприимен? Недостаточно вежлив и внимателен? Её не устраивает комната? Мы можем переселить её в более просторную спальню. Или ту, что с балконом. Или поближе к оранжерее. Или кухне. Или...

— Гилберт, — всё так же не поднимая головы, осадила его Шерая, но Гилберт уже разошёлся и останавливаться не собирался:

— Я ужасный хозяин. Нужно было тщательно расспросить её, чтобы создать максимально комфортные условия. Нужно было самому провести экскурсию, а не поручать это Киту. Что она предпочитает, украшения или оружие? Я подарю ей что-нибудь из семейной коллекции. Нет, — тут же перебил сам себя Гилберт, и глаза его загорелись, — я подарю и украшение, и оружие. И она сама выберет, что хочет. И магические книги! Я напишу Стефану, чтобы он принёс всё лучшее из своей библиотеки, и чтобы несколько экземпляров были лично его.

— Гилберт, Пайпер этим не подкупишь, — возразил Джонатан.

— Я не собираюсь её подкупать. Я собираюсь показать ей, что готов исполнить любую её прихоть и что уважаю любой её выбор.

— А если она скажет, что хочешь уйти? — невозмутимо уточнила Шерая.

Ответ так и встал у него поперёк горла.

Для некоторых особняк Гилберта был лишь временной остановкой: безопасным местом, где можно отдохнуть, набраться сил, вывести информацию или заиметь какое-никакое оружие. Для других же особняк был единственным домом. Кит как-то в шутку сказал, что Гилберт — мамочка всех детишек, живущих здесь. Но если тогда Гилберт посчитал шутку неприемлемой, сейчас мог и согласиться с искателем.

Он не считал себя бесценным источником информации, величайшим лидером, мудрым советником, сильным защитником или ходячим банком, готовым осыпать деньгами кого угодно. Гилберт помнил себя испуганным, потерявшим всё мальчишкой, который оказался в чужом мире. Рядом была лишь Шерая, в одиночку отражавшая все обвинения, сыпавшиеся им на головы из-за того, что сделал Предатель. Некоторые обвиняли в пособничестве ему. С Гилбертом не хотели иметь дела: вампиры грозились выпить его кровь, чтобы завладеть силой ребнезарца, хотя уже тогда всем было ясно, что такое невозможно. Королева Ариадна при всей своей благосклонности к нему не сразу нашла в себе силы, чтобы выслушать его. Но Гилберт рос, учился, находил нужных людей, разыскивал магов, которые могли бы помочь ему, и постепенно завоевывал доверие остальных сигридцев. Был одним из первых, кто поддержал инициативу создания Коалиции, а всего через пару лет обзавёлся таким доверием, что мог претендовать на пост лидера. Он вкладывал всё, что имел, в Коалицию и свой особняк. Давал приют тем, кто нуждался в нём. Искренне заботился о тех, кто просил его об этом.

Он помнил, каким испуганным был, когда оказался в этом мире, и делал всё возможное, чтобы никто больше не ощущал страх, боль и ненависть, которые ощущал он сам.

Его желание помочь Первой шло от самого сердца. Гилберт обладал всем, что ей нужно, и не считал, что имеет право удерживать это только в своих руках. Он был готов поделиться, рассказать и показать. Пайпер не была их единственной надеждой на победу над тёмными созданиями, но она была первым шагом на этом длинном пути.

Завоевать её доверие, стать ей другом — это всё, чего хотел Гилберт.

Но он бы не отпустил её.

Коалиция *нуждалась* в ней.

Он нуждался в ней, находящейся на его стороне. Возможно, немного сильнее, чем другие.

— Она должна знать, что мы можем помочь, — наконец сказал Гилберт.

Шерая ответила ему долгим, тяжёлым взглядом.

— Мой король, — произнёс Джонатан, и уже одно только это обращение, которое искатель использовал чрезвычайно редко, заставило Гилберта напрячься всем телом, — Пайпер напугана. Теперь она даже мне не доверяет так, как раньше. Не думаю, что ты сможешь так быстро добиться её расположения, а я — вернуть его, понимаешь?

— Понимаю, но всё равно чувствую себя бесполезным.

— Артур передал, что некоторые рыцари жалуются на качество мечей, — снова подала голос Шерая. — Можешь разобраться с этим. Договорись с феями, чтобы они выковали новые.

— Феи не куют мечей, — напомнил Гилберт на автомате.

— Тогда пусть укрепят их чарами.

— Чем плохи эльфийские?..

— Слабее фейских, раз уж ломаются, — подхватил Джонатан.

— Может, это из-за яда демонов, — возразил Гилберт.

— Тогда пусть они снова тащат их на исследования.

— Нам хватает и Марселин. Она скоро по кусочку целую стаю соберёт.

— А что насчёт последней находки? Ты вроде говорила, что там есть несколько интересных текстов, — продолжил Джонатан, бросив на Шераю вопросительный взгляд.

— Я уже распорядился, чтобы эту книгу передали во владение старейшин, — ответил за неё Гилберт.

— Доспехи рыцарей?

— Ими тоже занимаются эльфы, на них никто не жалуется.

— Убитый в городе искатель? — уточнила Шерая.

— И вампиры, и Орден работают над этим.

— Значит, самое время распорядиться об ужине.

Она сказала это таким серьёзным тоном, что Гилберт, на секунду зависнув, — не вспомнив, когда успел решить и это дело, — едва было не запаниковал, но, к счастью, быстро понял, что Шерая просто пыталась отвлечь его.

— Я проголодалась, — спокойно добавила она.

Или всё же издевалась.

— Отлично, — пробормотал Гилберт раздражённо, взъерошив себе волосы. — Да, давайте Гилберт сбегает на кухню и узнает, как там дела у Одовака...

Где-то в глубине распахнулись двери, зазвучали шаги. Гилберт, сразу различив походку Луки, весь подобрался. Эльф выскочил из-за книжных стеллажей, растерянный, прижимающий к груди серебряный поднос.

— Мой король, вы не слишком заняты?

— Что случилось?

— Первая нашла в своей комнате книги на ребнезарском. Она там... всё перерыла, искала что-то. А когда я упомянул, что вы с госпожой Мур знаете ребнезарский, спросила, не заняты ли вы.

— Ей нужен переводчик с ребнезарского языка? — переспросила Шерая, выгнув бровь.

— Зная Пайпер, я уверен, что она это спросила с сарказмом, — добавил Джонатан.

— Лука, что конкретно сказала Первая?

Лука поджал губы и округлил глаза, молча уставившись на них.

— Можешь без ругательств, — облегчил ему задачу Гилберт.

— Первая сказала: «Если Его Королевскому Величеству не лень поднять задницу со своего трона, было бы неплохо, если бы он объяснил, откуда здесь все эти идиотские книги».

— Как это в духе Пайпер... — пробормотал себе под нос Джонатан. — Я объясню ей, что нельзя...

— Я сам с ней поговорю, — остановил его Гилберт. — И да, в этом особняке не такие уж строгие правила, чтобы я оскорбился из-за пары нелестных слов. Вообще-то, это было очень даже вежливо.

— Я опустил все ругательства, как вы и сказали, — тихо напомнил Лука.

— Но их же было не так много? — с надеждой спросил Гилберт.

Лука очевидно фальшиво улыбнулся ему, будто подбадривая, но лгать ещё и словами не посмел.

Что ж, возможно, он недооценил Пайпер.

Совсем немного.

— Мне предупредить её о вашем визите? — робко уточнил Лука, выждав пару мгновений.

— Да что вы все говорите так, будто я тиран какой-то?

— Ты король, — напомнила Шера.

— Скажи это ещё раз, когда у меня на голове будет настоящая корона, договорились? Лука, — быстро продолжил Гилберт, предпочтя не заметить, как при этих словах потемнело лицо Шера, а Джонатан неловко отвёл взгляд, — принеси нам чай. Джонатан, что бы выбрала твоя племянница?

— Печенье с шоколадной крошкой или маффины.

— Лука, что-нибудь из этого.

Эльф активно закивал головой, но сразу же в сторону кухни не бросился: дождался, когда к выходу из библиотеки приблизится Гилберт, открыл ему двери и только после этого исчез. Все эти формальности, трепет и уважение, порой граничащее с незаслуженным благоговением, надоели ему столь же сильно, как и часто слышимое «мой король». Он тысячи раз говорил Луке, что к нему можно обращаться и по имени, тот никогда не делал этого, как и большинство остальных слуг. С некоторыми, что были старше, но упорно обращались к нему исключительно по всем правилам этикета, Гилберту было даже немного неуютно.

Сколько бы ни прошло времени, скольким бы людям он ни помог, он всегда ощущал себя не более чем испуганным мальчишкой.

Впрочем, то, что Пайпер всё же захотела поговорить, пусть и о книгах, которые нашла у себя в комнате, волновало Гилберта гораздо сильнее. Он был настолько взбудоражен, что едва удержался, чтобы не вцепиться в плечи Луки, задержав его, и выпалить, что до сих пор не верил в происходящее.

Они столько лет ждали появления сальватора или малейшей демонстрации силы сакрификума. Не знающие конца бреши, прорываемые тёмными созданиями, и происходящие после этого стычки с демонами медленно отравляли Гилберта. Всё хорошее, что произошло за это время, в сумме не могло перекрыть плохого. Они все отчаянно нуждались в хорошей новости, которая если не изменит ситуацию в корне, то задаст нужное направление. А появление настоящего сальватора стало ед

Появление в их рядах Пайпер было больше, чем хорошей новостью, и заслуживало настоящего торжества, которое Гилберт бы обязательно устроил на пару с королевой Ариадной, если бы только Первая не пряталась ото всех.

Приятная взволнованность Гилберта мгновенно исчезла, стоило ему вспомнить об этом, и сменилась сильной тревогой. Пайпер ещё не решила, что хочет остаться, а он не решил, как убедить её дать им шанс. Что, если за эти два дня она успела выучить какую-то сложную магию, которой не только убьёт его, но и сбежит?

В магии сальваторов Гилберт не разбирался: те, кто делился с ним тонкостями, будто бы секретами, давно сгинули.

До комнаты Первой, — естественно, *временной* комнаты, если она пожелает переехать в другую, более подходящую ей по статусу, — ему спели попасться несколько гобеленов, пода-

ренных феями, вазы, полные неувядающих цветов, и старые карты, спрятанные под стеклом. Для того, кто ничего не смыслил в истории миров, расставленные и развешанные по всему особняку ориентиры были всего лишь декором: картины, старинные канделябры, статуи, вазы на пьедесталах, а также сигилы, красующиеся на некоторых дверях и отдельных табличках. И несмотря на то, что особняк постоянно перестраивался внутри, выучить дорогу по этим ориентирам было легко.

Из-за пространственной магии Гилберт не мог точно сказать, на каком этаже находилась комната Пайпер. Подниматься по лестнице ему не пришлось, но окна здесь выходили на одну из частей сада, где росли недавно посаженные деревца из личных садов королевы фей.

Гилберту на мгновение стало интересно, не из-за Пайпер ли окна на этом этаже выходили именно на сад. Может, она выходила из комнаты, думая, что прогуляется или разведает обстановку, но так никуда и не продвинулась — либо передумала, либо просто заблудилась.

Ему бы ещё убедить её, что он к этому непричастен...

Гилберт остановился напротив двери и замер, так и не постучав. Будучи довольно скромным и тревожным от природы, он, однако, тщательно работал над собой и научился не выдавать своего волнения как минимум внешне. Новые гости в особняке всегда вызывали волнение, но Гилберт справлялся. Просто привык. Пайпер — другое дело. От перспективы разговора с ней, которого он так жаждал ещё десять минут назад, вспотели ладони, а взгляд так и бегал по коридору. Что, если он поспешил? Конечно, он поспешил. Пайпер пусть и просила помощи с ребнезарскими текстами, — с сарказмом, как определил Джонатан, но просила же! — точно так же просила оставить её в покое.

Она сейчас откроет дверь, наорёт на него и скажет проваливать? Кинет в него что-нибудь? Сама полезет в драку, готовая и отбиваться, если он вдруг решит ответить? Ответить он, конечно, не мог.

«Всё равно ты уже здесь, — подумал Гилберт. — Сейчас или никогда. Худшее, что она может сделать, это обругать тебя...»

«Ты из рода Лайне, — тогда же шепнул голос отца в его голове. — Лайне никогда не боятся».

Гилберт постучал.

Спустя ровно пять секунд Пайпер крикнула из-за закрытой двери:

— Отвали, я не хочу есть!

— Тогда, может, немного перевода с ребнезарского? — предложил Гилберт.

Пайпер распахнула дверь и хмуро уставилась на него, улыбающегося, как ему казалось, вполне себе приветливо.

Или жалко, если верить тому, как она скривила губы.

Это совсем не ударило по его самооценке, но повысило уровень волнения минимум на десять процентов к уже имеющимся сорока.

— Лука сказал, ты нашла какие-то тексты на ребнезарском языке.

— А я сказала, что не хочу, чтобы ты тащил сюда свою королевскую задницу.

Что ж, Гилберт сделал себе мысленную пометку: поработать над тем, как Лука интерпретирует слова других, особенно саркастичные.

— Но я правда могу помочь. И очень хочу, честное слово.

— Тогда отпустите меня домой.

То, как она произнесла это, сбило его дыхание.

С её точки зрения, должно быть, всё так и выглядело: неизвестные люди, буквально похитившие её из дома Джонатана, привезли в незнакомый особняк и не позволяют покинуть его, связаться с семьёй. Втягивают в опасную игру, утверждая, что у неё далеко не последняя роль. Гилберт на её месте подумал бы так же.

Но он был на своём месте и понимал, что безопаснее места, чем его особняк, для Пайпер сейчас не найти. Вампиры могут напугать её своей схожестью с тёмными созданиями, которая страшно оскорбляла Данталиона. Среди эльфов ей может быть неудобно, в том числе из-за внимания принца Джулиана. Королева фей, несмотря на понимание нависшей над ними угрозы, не упустит шанса превратить Пайпер в придворную даму. Она не искатель, и делать ей в Ордене нечего. Особняк Гилберта — место, где переплетаются пути многих сигридцев. Оно хорошо защищено, в нём достаточно места. Всё своё время, не затраченное на Орден и поиски, Джонатан проводил именно здесь. В библиотеке полно магических и исторических книг. Здесь была и мастерская-лаборатория Марселин, хотя Гилберт сомневался, что Первой будут интересны её опыты. Здесь было всё, что могло понадобиться начинающему сальватору, и сюда мог явиться любой из магов, старейшин или работников зала Истины, чтобы встретиться с ней.

Но здесь всё же не было семьи Пайпер.

— Могу ли я сказать несколько слов? — аккуратно спросил Гилберт, погасив улыбку.

Пайпер не возьмёшь ли ни вежливостью, ни роскошью, которой он мог окружить её. Гилберт это знал — и всё равно пытался, потому что привык, потому что был готов на что угодно, чтобы Пайпер осталась с Коалицией.

И, похоже, ей было на это абсолютно плевать.

— Лука говорил, ты король. Значит, можешь делать что угодно.

— Я уважаю личное пространство и неприкосновенность своих гостей. Пусть в этом доме правила устанавливаю я, я всегда интересуюсь мнением других людей. Я не могу заставить тебя слушать, но я хочу, чтобы ты сделала это. Если скажешь уйти — я уйду.

Пайпер будто бы всерьёз задумывалась над этим: смотрела со смесью чувств, которые он никак не мог распознать. То ли растерянность, то ли решимость, то ли подозрительность вместе с оценочностью.

— Ладно, — выпалила она так неожиданно, что Гилберт, ещё пытающийся угадать, уж не врежет ли она ему, на секунду растерялся. — Говори, что хотел.

Он совсем тихо выдохнул с облегчением. Гилберт всё ждал момента, чтобы объяснить, в каком положении они оказались, но слова не находились. Он не знал, с чего начать. Пайпер ждала, прислонившись к дверному проёму, и смотрела на него со скукой, как щит сложив руки на груди.

Гилберт опустил взгляд на свои руки и попытался начать. Голос его при этом дрогнул:

— Я скучаю по своей семье.

Это не то, что он собирался сказать. Гилберт не был намерен изливать душу Пайпер, которую едва знал, да и ей это было не нужно. Он сомневался, что, если они и станут друзьями, сможет когда-нибудь рассказать о себе больше. Прошлое кровоточило сильнее любой только что нанесённой раны. Голоса родных, которые он себе воображал, терзали его, их голубые глаза будто бы следили за ним, когда он смотрел на портреты, которые чудом забросило в этот мир.

Кольцо на безымянном пальце левой руки всегда тянуло его вниз.

Каждый раз, когда Гилберт смотрел на кольцо, он вспоминал, как дрожали руки Гвендолин, вручавшей его; как Алебастр едва оторвал от него плачущую Марию, только успевшую вложить ему в ладони свою подвеску в качестве подарка; как стойко выдерживающая разлуку Гвендолин величественно смотрела на него с высоты своего роста, когда Алебастр приказал Шераи спасти Гилберта.

Каждый раз, когда он смотрел на кольцо Гвендолин, ставшее его, он вспомнил своих родных, которых потерял.

— Я единственный выживший из своей семьи, — на удивление ровным голосом продолжил Гилберт и поднял взгляд на Пайпер, неосознанно начав крутить кольцо на пальце. Оно было для него маловато, но Шерая с помощью магии увеличила его до нужного размера, и теперь кольцо сидело идеально. — Я потерял всех во время Вторжения. И я знаю, что они

мертвы окончательно. Навсегда. Их уже никак не вернуть. Я не хочу, чтобы и твоя семья погибла так же.

У Пайпер глаза были не на мокром месте, но словно наполнились сочувствием, когда она посмотрела на него в ответ.

— Спасти миры, как и твою семью, реально. Для этого и нужны сальваторы.

— Не надо возлагать на меня на меня надежды на какое-то там спасение, — резко ответила Пайпер, и вся мягкость в её взгляде тут же исчезла. — Это нечестно.

— Да, нечестно, но такова воля богов. Ты не будешь одна, но ты одна *из*. Ты не самая главная, но и не последняя. Ты — важная часть механизма. Нечестно, что всё это сваливается на твою голову так неожиданно, но это не значит, что ты должна обозлиться на весь мир и запереться в комнате. Коалиция знает, как помочь тебе. Я знаю, как помочь тебе. И мы хотим этого. Среди нас даже если маги, которые когда-то знали сальваторов. Мы тебя не бросим.

Гилберт понимал, что Пайпер, как бы ни упрямилась, успела осознать, насколько огромен груз ответственности сальваторов, к которым добавлялись ожидания и надежды сигридцев. Кит рассказал ей достаточно, чтобы она ужаснулась этому. Когда Гилберт вдруг стал королём, он ощущал себя точно так же.

Но он был только с Шераей, а с Пайпер будет вся Коалиция.

— Я не вправе заставлять тебя сотрудничать, однако бросить на произвол судьбы тоже не могу. За пределами особняка опасно. Тёмные создания могут почуять твою магию, а если ты вернёшься к семье, то поставишь их под удар. Но с нами ты можешь сделать всё, чтобы защитить их.

Гилберт сам себе поражался: требовал невозможного — отказаться от прежней жизни и, нацепив улыбку, с рвением приняться за исполнение новой роли. Нужно время, которого им катастрофически не хватало. Никто не знал, была ли Лерайе единственным сакрифициумом, оказавшимся в этом мире. Сакри вообще могут попасть сюда без Перехода? Не застряли ли они в Сигриде, поглощённом хаосом? Или исчезли, как элементали?

Не зная этого, они считали, что Лерайе — единственная, на кого они могут рассчитывать, и оттого ценность Пайпер возрастала. Если о ней узнают тёмные создания, то попытаются заполучить себе. Похитят, будут пытать, ломая волю и разум, уничтожат тело и душу. Коалиция не могла этого допустить.

Гилберт не мог этого допустить.

Пайпер долго молчала, буравя его гневным взглядом. Гилберт решил, что не уйдёт, пока не получит хоть какой-то ответ, и не дёрнется, если она вдруг всё же врежет ему. Может, даже подскажет, куда бить, чтобы было больнее. Он мог выдержать больше обычного человека, так что Пайпер точно сможет выместить на нём злость.

Но она всё так же молчала, пару раз едва было не начала говорить, но смыкала губы и упрямо смотрела на него, пока в конце концов не спросила так спокойно, будто этого напряжённого и не было:

— Что там за язык, о котором вы с Лукой говорили?

— Ребнезарский.

— Владеешь им?

— Это мой родной язык.

— Тогда переведи кое-что.

Он не пригласила его войти, поэтому он остался стоять в коридоре. Пайпер подошла к скрытой под книгами кровати, расположенной прямо напротив, взяла блокнот и повернулась к нему, вопросительно выгнув бровь.

— Я не нарушаю личного пространства своих гостей.

Пайпер закатила глаза и поманила его рукой.

— Тут несколько отрывков.

Гилберт подошёл ближе, мельком оглядев комнату. Весь пол спальни был усыпан книгами, которые Пайпер явно бросила в гнев. Он бы попросил быть поаккуратнее и больше не позволять себе таких вольностей, но если уж хочет, пускай швыряется его вещами — может, хоть немного, но это покажет, что он настроен дружелюбно.

В руках Пайпер держала тот самый блокнот, в который записывала свои вопросы. За двое суток она исписала ещё несколько страниц, причём меньше, чем от неё ожидал Гилберт.

— Что здесь написано?

Он принял блокнот и посмотрел на слова, написанные отвратительным почерком: будто писал кто-то, кто впервые взял ручку и совсем не знал, как она работает. Но едва Гилберту удалось разобрать последнее слово, как его пробрала дрожь. Все силы он бросил на то, чтобы удержаться на ногах, а не рухнуть прямо на пол.

— Гилберт?

Он попытался выдавить улыбку, чтобы она не подумала, насколько он ошарашен, и протер горло, немного оттягивая время.

— Что здесь написано? — более раздражённо повторила Пайпер.

— «Ravor salvator, ot sa rotso? Ot rezer ta rebnezarias?» — прочитал Гилберт. Несмотря на смысл слов, ему было приятно услышать родной язык, пусть от самого себя.

— Как это переводится?

— «Первый сальватор, ты меня понимаешь? Ты знаешь ребнезарский?» Где ты нашла это?

Может, где-то в книгах, которые оказались в её комнате, — временной, — затесалась чья-то переписка с сальватором... Но стоило Гилберту взглянуть на Пайпер, как он понял, что его предположение было до ужаса наивным.

Пайпер в шоке смотрела на страницу в блокноте.

Нахмурившись, Гилберт провёл большим пальцем по ребнезарским словам и замер.

Когда пишешь на бумаге, на ней обязательно остаётся след от нажатия ручки, но Гилберт его не обнаружил. Будто в этом блокноте изначально были напечатаны эти фразы на ребнезарском языке, что просто невозможно.

— Пайпер, откуда ты это выписала?

Она пробормотала что-то неразборчивое и перелистнула страницу, ткнув пальцем в новые фразы: «Kenas kai arkaniam. Kberais tarken tos merem. Kenasuu riuna etsenten. Kronosaes ker».

— Это не ребнезарский, — пояснил Гилберт, вглядываясь в криво выведенные слова. — Кэргорский. После Перехода я его почти не изучал.

— Но ты знаешь, что здесь написано?

— «Мы загнаны в угол. Твари подбираются всё ближе. Нам нужна помощь. Сила». Или «сильный»? Я не знаю, как правильно перевести последние два слова. У них несколько значений. «Kronosaes ker» может означать «молиться». Где ты нашла эти фразы?

— Что написано здесь? — не ответив на его вопрос, Пайпер вновь перевернула страницу. «Lowar derw dis askew».

— «Никому это не показывай», — перевёл Гилберт и покосился на Пайпер. — Это на лэндтирском. Откуда эти записи в твоём блокноте? Откуда ты их выписала?

— Я не знаю, — сиплым от ужаса голосом ответила она, встретившись с ним взглядом. — Просто злилась тут, швыряла всё подряд, а потом будто... Не помню, как схватила блокнот и заметила всё это. Я это не записывала.

— А книги? Что ты с ними делала?

— Сначала просто швыряла от злости. Когда пришёл Лука, швыряла с большей силой.

— Надеюсь, не в Луку?

— Нет, но у меня был соблазн зарядить книгой тебе в лицо, — огрызнулась Пайпер, свирепо нахмурившись.

Кит бы сказал, что после этого они обязательно станут лучшими друзьями.

Гилберт бы сказал, что получить книгой по лицу от сальватора, которая владеет Силой, не так страшно, как видеть надписи на разных сигридских языках, которые она не могла знать.

— Хочешь сказать, они просто появились в твоём блокноте? — недоверчиво уточнил Гилберт, вновь вглядываясь в последнюю фразу на лэндтирском. Гораций, служивший при дворе, знал лэндтирский и помогал Гилберту изучать его. Было время, когда он особенно активно изучал этот язык, уверенный, что одна знатная леди из Лэндтирса станет частью его семьи, но то было задолго до Вторжения.

Королева Ариадна лично наложила на него чары понимания, так что ошибиться с переводом он не мог.

«Никому это не показывай».

Почему?..

— Это могли быть драу? — вдруг спросила Пайпер.

Гилберт посмотрел на неё, как на умалишённую.

— Кому бы понадобилось ради этого звать драу?

Пайпер удивлённо похлопала глазами.

— Кит сказал, что драу похожи на земных брауни. Или как там, не помню точно. Живут в особняке и иногда вмешиваются в пространственную магию, сбивают с пути. Может, это их очередная шалость?

— Пайпер, — Гилберт едва сдержал улыбку, — все драу, которые заглядывают в мой особняк, совершенно безобидны и никогда не будут вредить моим гостям. Большая часть была призвана магами, а если мои маги уверены в этих драу, то уверен и я. И я уверяю, что ни один из них не посмел бы так жестоко шутить над сальватором.

— Но...

— Кит пошутил. Если хочешь, я ему врежу за это.

— Я сама ему врежу. Со всей своей дурацко-сальваторской магией, — зло пропыхтела Пайпер. — Но если это не драу, то кто?

Хотел бы Гилберт знать. Он не помнил ни одной истории про драу, не говоря уже об ирау, который мог бы оставлять подобные послания, к тому же чрезвычайно точные. Кто бы их ни написал, он знал, что Пайпер сальватор, но, очевидно, не был в курсе, что она не успела использовать чары понимания, чтобы овладеть сигридскими языками.

Да и смысл этих фраз...

«Мы загнаны в угол. Твари подбираются всё ближе. Нам нужна помощь. Сила».

Словно тот, кто оставил эти фразы в блокноте Пайпер, знал о ней то, чего ещё не знала она сама.

— Может, Шерая что-нибудь поймёт, — попытался ободрить её Гилберт. — Она знает больше языков, чем я, и вообще самая умная в особняке. Она точно найдёт ответ.

Но как бы он ни старался скрыть ужас за улыбкой, уверенности в нём практически не было. Если бы что-то подобное случилось с предыдущими сальваторами, — кто знает, может, это обязательный этап принятия связи с сакри?.. — Гилберт бы об этом знал. Ему бы сказали. И пусть в магии он мало что понимал, помнил он многое — до сих пор этого было достаточно.

Он вручил блокнот Пайпер и, стараясь не наступить на раскиданные по полу книги, прошёл к окну, выходящему на передний двор, сейчас укрытый снегом. Гилберт смотрел на голые скрученные деревья в лесу, окружавшем особняк, высокий кованный забор и статую Сейхарион, расположенную напротив. В её левой поднятой руке был меч, в правой — лук. На поясе висел колчан со стрелами, за спиной располагался большой щит, украшенный головой рычащего

льва. Высеченная из гранита статуя всегда нравилась Гилберту, но сейчас она не воодушевляла его.

«Сейхарион родилась из огня, охватившего замок, и крови убитого братом правителя, — рассказывала ему Гвендолин. — Сейхарион родилась, чтобы принести убийце возмездие и восстановить справедливость».

Гилберт всегда убеждал себя, что поставил эту статую как напоминание для себя и предупреждение для тех, кто искал его помощи. Он рассудит всех по справедливости. Он воздаст всем, кто причинит боль ему или его людям. Но теперь, смотря на статую, он не чувствовал прежней решимости. Казалось, будто статуя насмехается над ними: справедливо ли, что он, едва нашедший сальватора, столкнулся с необъяснимой проблемой?..

— Мы должны держаться вместе.

Гилберт понял, что сказал это вслух, когда Пайпер, напряжённо вглядывающаяся в корявый текст в блокноте, буркнула:

— Ну и что это значит?

Гилберт повернулся к ней, оставив изученную до дыр статую Сейхарион, и повторил:

— Мы должны держаться вместе. Тёмные создания угрожают не только нам, сигридцам, но и землянам. Но мы можем остановить их, если объединим усилия.

Потому что Гилберту всегда так говорили. Первая и Второй говорили ему это, когда оказались в его доме.

Предатель говорил это.

Пусть он солгал в остальном, в этом он был прав.

— Я знаю, что твоя жизнь перевернулась с ног на голову, что ты не можешь это принять. Я чувствовал себя так же, когда оказался в этом мире. У меня не было никого, кроме Шераи, кто мог бы помочь. Мы по крупице познавали этот мир и основывали Коалицию, чтобы бороться с демонами. Но тебе не нужно проходить весь этот ужас, как пришлось нам. Мы можем помочь тебе. наших знаний о сальваторах и сакрифициумах хватит, чтобы ты пробудила Лерайе. В свою очередь Лерайе поможет тебе найти других сакри.

— Ты веришь, что другие сакри есть?

— Вы с Лерайе не можете быть последними, — уверенно заявил Гилберт.

Они не должны быть последними, иначе всё, за что столько лет боролись оставшиеся в живых сигридцы, окажется напрасным.

— И всё-таки мне не нравится, что это именно я, — проворчала Пайпер, со злостью кинув блокнот на кровать. — Кит сказал, что ваши сакри выбирают лишь достойных. Это так?

— Насколько мне известно, да.

Пайпер насмешливо хмыкнула.

— И с чего Лерайе решила, что я достойна её великой и ужасной Силы?

Гилберт тоже не считал себя достойным короны, которой у него, в сущности, и не было. Все надежды родителей возлагались на его старшего брата, а Гилберт никогда и не должен был оказаться на его месте. При всей своей скромности он был достаточно шумным, чтобы доставлять проблемы, и не годился для принятия тяжёлых решений, не умел выслушивать людей, направлять их и вдохновлять.

Но он был вынужден быстро повзрослеть, и его, как и Пайпер, никто не спрашивал.

Демонам было плевать.

— Что бы ни случилось, ты с этим справишься, — произнёс он, искренне надеясь, что не лгал. — Даже если ты не веришь в себя, в тебя верю я.

— Ты меня едва знаешь, — возразила Пайпер, полоснув по нему убийственным взглядом.

— Но могу узнать получше, если ты, конечно, дашь мне шанс.

— Боже, ты как будто подкатываешь. Звучит ужасно.

Гилберт растерянно заморгал.

— Подкатываю? Это... вообще как?

— Ты не знаешь? — Пайпер удивлённо вытаращилась на него.

— Моё представление о земных культурах довольно ограничено, хоть я и стараюсь это исправить. Но ваш мир огромен, здесь столько всего, а я... То есть, — Гилберт смутился тому, как воодушевлённо затараторил, и постарался уже более спокойно продолжить: — Язык я, конечно, выучил, да и то с помощью чар, и многое узнавал, пока рос, но есть ещё столько всего, что я просто не знаю и не понимаю.

— Выучил язык? Земной? — с подозрением переспросила Пайпер. — А ты в курсе, что земных языков много?

— Я выучил язык этой страны. Шерая знает ещё несколько. У неё вообще талант к языкам... Или это бонус, который достаётся всем магам, — немного подумав, добавил он.

Пайпер прыснула от смеха, но почти сразу вся подобралась и стёрла с лица улыбку.

Гилберт собственными глазами видел, как резкие перемены в жизни ломали людей. Слышал, как те, кто не был способен принять эти перемены, кончали с собой. В сигридских легендах было много историй о людях, которые, узнав о своей судьбе, пытались изменить её. Гилберт лично знал того, кто своими действиями уничтожил всё.

Он видел, — именно что видел, а не чувствовал или предполагал, — что внутри Пайпер есть стержень, который не позволит ей сломаться так просто.

И он сделает всё возможное, чтобы на этом стержне не появилось хотя бы одного надлома.

— Ты меня не знаешь, но уже веришь, — повторила она, закатив глаза, и всплеснула руками. — Часто вы сталкиваетесь с такими проблемными новичками?

— Раз в несколько лет, наверное, — попытался отшутиться Гилберт. Пайпер стиснула челюсти, пронзив его взглядом, и он тут же исправился: — Кхм, нет, нечасто. Иногда и правда бывает трудно, но мы справляемся.

— И дядя Джон в этом помогает?

— Разумеется.

Наверное, это-то ей и было сложнее всего принять: что дядя Джон, которого она знала всю жизнь, скрывал от неё столь многое. Джонатан всеми силами старался не ставить Сандерсонов под удар, в чём ему помогали многие, в том числе Гилберт. Но раз уж вышло так, что Пайпер оказалась втянута в сигридский мир и теперь сомневалась, был ли Джонатан с ней честен, он был готов помогать снова, убеждая её в обратном.

— Он наш лучший искатель. Лучший из всех, кого я знаю, — произнёс Гилберт со всей уверенностью, на какую оказался способен. — Силён, умён и всецело предан нашему делу, но в первую очередь — своей семьёй, Пайпер. И он любит тебя, поэтому никогда не оставит и не предаст.

— Но он скрывал всё это от нас.

— От меня тоже много что...

— Нет, ты послушай! — повысила голос Пайпер, перебивая его, но, словно осознав это, покачала головой и устало провела ладонями по лицу. — Ты пришёл из другого мира. Из другого, мать его, мира! Ты с самого начала знал о магии, эльфах, феях и всех этих демонах. Ты был втянут в этот идиотский круговорот с рождения. Я двадцать лет прожила в обычном, нормальном мире, и из ужасного в нём было только пение Лео. И я была бы рада, если бы ничего не менялось. Правда. Вот совсем ничего.

Гилберт поджал губы, глотая рвущиеся с языка слова, и постарался улыбнуться. Он бы тоже хотел, чтобы ничего не менялось. Хотел вернуться домой: он бы стал вести себя ещё безупречнее, тренировался бы на мечах с Гвендолин, проводил время в библиотеке вместе с

Марией, отправился бы на охоту с отцом и старшим братом или без сопровождения — в город. И Предатель не становился бы Предателем.

Гилберт бы хотел, чтобы ничего не менялось, больше всего на свете.

Демонам было плевать на их желания.

— Ты ведь слышала голоса, да? — неожиданно даже для самого себя спросил Гилберт.

Первая и Второй говорили, что сакри общаются с ними, иногда являются и во плоти. Он видел, как Второй говорил с пустотой перед собой, а Первая, довольно резво перемещаясь между собравшимися на пир гостями, бормотала себе под нос и смеялась. Он видел, как Предатель делал точно так же, как задумчиво хмурился и сдержанно отвечал, ничуть не обеспокоенный тем, что со стороны выглядит сумасшедшим.

Гилберт бы хотел знать, как это происходит у Пайпер, чтобы помочь ей принять нормальность этого явления. Всё, что она знала, будет меняться, а всё, что знал он, должно было помочь ей смириться с этим.

— Нет, — твёрдо ответила Пайпер.

Гилберт давно разучился чутая ложь: оставшись один, он почти растерял всю свою былую силу. Он до сих пор был сильнее большинства, но существовала грань, за которую он никогда не должен был заходить, чтобы не потерять самого себя.

С Пайпер он понял, что нуждается в прошлой силе. Не столько для того, чтобы со временем научиться определять, когда она лжёт, а чтобы выдержать все её удары.

— Мы не лучшие друзья, — повторил Гилберт, вновь начав крутить кольцо на пальце, — и не обязаны ими становиться. Но я хочу, чтобы ты это осознала, Пайпер: я готов помочь. Я сделаю всё, что в моих силах, и расскажу обо...

— Где великаны?

—... всём, — закончил он и нервно сглотнул.

Пайпер смотрела ему куда-то за спину, взгляд стал пустым, тёмные брови опустились ниже. Гилберт не понимал, слушает ли она Лерайе, — если предположить, что та говорила со своим сальватором, — или же просто копается в своих мыслях, пытаясь отыскать нужную. Вопрос о великанах она выпалила слишком уж резко, будто кто-то на секунду дёрнул за нужную ниточку, заставив её сделать это.

Гилберт думал, что о великанах ей уже рассказали. Ответ ведь простой: великанов истребили. Что сложного сказать эти два слова? Почему никто не ответил на вопрос Первой?

Почему именно Гилберт должен снова переживать это?

— Вторжение тёмных созданий началось на севере, где жили великаны. Вышло так, что демоны их истребили.

— Что, всех?

— Всех, — глухо повторил Гилберт. Кольцо Гвендолин, которое он всё крутил между пальцами, показалось ему горячим. — Правда, в Коалиции есть один полукровка. Стефан.

Ему удалось произнести это с небрежностью, из-за чего Гилберта едва не скрутило. Уже пообещав быть честным, он не собирался лгать, но и выдать Пайпер историю великанов, — начиная от их родного мира, Гретворка, и кончая падением севера в день Вторжения, — не мог, не признавшись в том, что отчаянно глушил глубоко внутри.

— Познакомить тебя со Стефаном? — предложил он, когда Пайпер снова уставилась в пространство перед собой. — Он ещё не ответил на моё письмо, но точно узнает, что объявился сальватор, и обязательно вернётся в особняк.

— Кто он вообще?

— Маг, родом из простолюдинов. Был частым гостем при ребнезарском дворе. Он...

— Погоди, в смысле? Сколько ему лет-то?

— Хм-м-м, — задумчиво протянул Гилберт. — Точно не знаю. Около семисот, наверное. Он старейший маг из ... нет, старейший маг живёт среди фей, кажется, но почти не покидает

дворца и редко связывается с кем-либо. Считай, он уже давно перестал быть магом. Так что да, Стефана можно назвать старейшим магом Коалиции. Он знал первых сальваторов и часто помогал им.

«Что не сделало его любимчиком Коалиции», — едва не добавил Гилберт, но вовремя прикусил язык. Его не прельщала мысль, что Стефан, которого он так хорошо знал, мог быть в сговоре с Предателем. Может, кому-то Стефан и мог показаться немного причудливым, никто не сомневался в ценности его знаний и опыте. Многие маги учились по его книгам и опирались на его исследования. Даже Марселин, которая терпеть его не могла, со скрипом признавала его достижения и в глубине своей мастерской хранила копии написанных им книг.

Пайпер сверлила его взглядом, будто знала, что он о чём-то умалчивает, из-за чего Гилберту стало не по себе. Он, утративший свою силу, заново учился понимать людей: рыцари объясняли, как читать язык тела, феи и эльфы учили видеть сквозь чары. Шерая не раз говорила, что из одного взгляда можно узнать больше, чем из тысячи слов и сотни клятв, чему он не раз находил подтверждение. Но взгляд Пайпер не поддавался пониманию: одновременно заинтересованный и отрешённый, будто она хотела во всём разобраться, но постоянно забывала об этом, то и дело переключаясь на другие мысли.

Пайпер резко мотнула головой и уставилась на распахнутую дверь.

— Пайпер?

Она подхватила с кровати блокнот и принялась яростно перелистывать исписанные чужими для неё языками страницы. Гилберт успел подумать, что её посетила догадка или, что было бы ещё лучше, всё же услышала голос Лерайе. Это было бы просто великолепно и позволило им, наконец, приступить к её обучению. Возможно, Пайпер бы наконец избавилась от чувства, что оказалась втянута в этот мир случайно, а Гилберт бы перестал ощущать себя бесполезным.

Но она лишь протянула ему блокнот, где половина страницы была исписана вопросами. Последний обрывался на полуслове, будто кто-то другой перехватил у Пайпер ручку и тем же корявым почерком написал фразу, которую она ему ещё не показывала.

— Что это значит?

Гилберт нервно сглотнул и сжал блокнот в руках.

— Эй?

«Никому, кроме меня, не доверяй».

Кольцо Гвендолин, кажется, сдавило ему палец.

Глава 8. И дар, и мощь

У Пайпер, в сущности, был выбор без выбора: сидеть в четырёх стенах, изливая злость на всё, что попадалось под руку, и проклинать не давшего никаких ответов Гилберта или же, наступив себе на горло, потребовать своего присутствия на собрании его дражайшей коалиции.

Как он ей сказал на следующий день, — причём самым миролюбивым и учтивым тоном, будто не он просто проигнорировал её просьбу перевести ещё одну фразу из блокнота, — новое собрание было назначено через три дня, но Гилберт сдвинул его на сегодняшний вечер.

У Пайпер осталось всего полдня на то, чтобы придумать, как вытрясти ответы и не умереть от страха в процессе. Всё осложнялось тем, что дядя Джон вооружился свежими маффинами и Лукой, который с немного дрожащей, широкой улыбкой был готов в любую секунду исполнить любой их приказ.

Пайпер было неуютно оттого, с какой непринуждённостью, будто делал это тысячи раз, эльф расставлял чашки и маленькие тарелки на столике, поставленном в картинной галерее специально для них. Дядя Джон не обращал на него внимания, пока Лука наводил порядок, а Пайпер то и дело оглядывалась через плечо, пока они медленно брели по галерее.

Изучать её всю Пайпер не собиралась. Ей просто нужно было — хотелось — поговорить с дядей Джоном, а он привёл её сюда. И, судя по тому, что его ничуть не удивили живые картины, бывал он тут часто.

Вместо потолка здесь был стеклянный купол, за которым виднелось серое небо. Стены усеивали картины — такие огромные, разнообразные, и пейзажи, и портреты, что Пайпер, не удержавшись от любопытства, всё же принялась разглядывать их.

Она остановилась напротив огромной картины, высотой и шириной никак не меньше двух метров, и следила за разворачивающейся на полотне битвой. Кавалерия мчалась навстречу пылающему оранжевым, красным, фиолетовым и зелёным светом гиганту, закрывающему всё небо. Разноцветные мазки медленно перемещались, позволяя лошадям бежать, сражающимся — вскидывать мечи и копья, а пожару вдалеке — ярко пылать. Пайпер, поначалу уверенная, что это вовсе не картина, даже беззастенчиво коснулась её кончиками пальцев, под которыми проскочили гладкие на ощупь мазки краски.

Ей потребовалось несколько минут, чтобы осознать, что это по-настоящему, и привыкнуть к мельтешению цветов перед глазами. Рассмотреть самих воинов оказалось трудно: серебристые плащи сливались в один, золотые всполохи тонули в чёрных тенях, из-за чего понять, что они изображали, у Пайпер не удавалось, как и не удавалось углядеть момент, когда движение начиналось снова.

Висевшая под рамой табличка была на незнакомом языке, — может, даже из числа тех, что удосужился перевести ей Гилберт, — и потому Пайпер всё же спросила:

— Что здесь изображено?

— Войска эльфов пытаются остановить впавшего в безумие элементалю, который грозит уничтожить их королевство, — невозмутимо ответил дядя Джон.

Значит, вот *это* он знает, а как начать с ней разговор — нет.

Пайпер, вообще-то, сама сказала, что им нужно поговорить. Но «нужно» и «хотело» — разные вещи. Перевернувшийся с ног на голову мир вызывал тысячи вопросов, ни один из которых никак не мог сорваться с её языка. Как бы Пайпер ни старалась, она не могла найти в себе сил, чтобы озвучить их.

Ещё вчера думала, что готова на что угодно, лишь бы получить ответ, и едва не бросилась на Гилберта с кулаками. А сегодня, оставшись один на один с дядей Джоном, которого знала лучше всех, ничего не могла.

— Чаю? — предложил тихо подкравшийся к ним Лука.

По крайней мере, раньше она знала дядю Джона лучше всех.

— Можно мы поговорим наедине? — попросила Пайпер у Луки. Она надеялась, что её улыбка не показалась тому звериным оскалом, хоть она и не старалась выглядеть дружелюбно. Возможно, не так кровожадно, как ощущала себя вчера, но не более того.

— Зовите, если вам что-то понадобится.

Пайпер мгновенно нахмурилась.

— Не надо караулить под дверью.

— И не буду, — растерянно ответил Лука, чем вызвал улыбку у дяди Джона. — Моя клятва связывает меня с магией этого особняка, так что я всегда знаю и слышу, если кому-то нужен.

— А-а-а...

Особняк, который способен перестраиваться сам. Фразы на незнакомых языках, вдруг появившиеся в её блокноте. Живые картины. Какая-то там клятва, которая позволяет услышать и узнать, когда ты нужен, даже если ты в другой части дома.

Пайпер устала удивляться.

Она молча сверлила Луку взглядом, думая, не издевается ли он над ней. Если он и собирался что-то сказать, то быстро передумал, всего на мгновение встретившись с ней глазами будто бы случайно. Эльф торопливо кивнул и исчез даже быстрее, чем Пайпер от него ожидала — считай, сбежал.

— Не применяй на нём магию, — произнёс дядя Джон, когда двери галереи закрылись за Лукой.

— Я не владею магией, — на автомате огрызнулась Пайпер.

— Владеешь. И для того, чтобы взять её под контроль, должна признать это. Пока отказываешься, ты не будешь чувствовать магию так хорошо, как остальные маги, но будешь неосознанно её использовать.

— Как я могу чего-то не почувствовать, если это во мне?

— Ты чувствуешь свою печень? Лёгкие, желудок? Они же тоже внутри меня.

— Это плохое сравнение, — возразила Пайпер, хмуро уставившись на дядю. — Даже глупое.

— Я к тому, что магия точно есть внутри тебя, даже если ты её не чувствуешь. Вероятнее всего, потенциал есть в тебе с рождения, а именно магия, в том числе Сила Лерайе, поселилась в тебе значительно позже, но не проявляла себя.

— Ну как это вообще возможно? — упрямылась Пайпер. — Разве так сложно не заметить чёртову магию?

— В Коалиции давно не было новых магов. Это раз. И несмотря на схожесть магии сальваторов и магов, есть отличия, понятные только сальваторам. Это два.

Она пару секунд молчала, жуя нижнюю губу, уверенная, что продержится и не выпалит очередной вопрос, но в конце концов именно это и сделала:

— И чем же?

— Если кратко, маги черпают силу из внутреннего источника, который им дарует Геирисандра. Насколько известно по легендам, она вправе в любой момент забрать своё благословение обратно или полностью опустошить этот источник. Сальваторам магию дарует связь с сакри, а её ничто не может разорвать. Ну, кроме смерти.

— Как оптимистично.

Иными словами, у неё был почти неисчерпаемый источник сил, расстаться с которым она могла лишь в том случае, если умрёт, тогда как у магов ещё был риск лишиться магии, если того пожелает Геир-кто-то-там. Чудесно. Выходит, Пайпер круче, но её это совсем не радовало.

Как вообще кто-то мог обладать такой мощью?

— И никаких ограничений?

— Ограничения, конечно же, есть, — с улыбкой ответил дядя Джон, и Пайпер снова нахмурилась, недовольная тем, как от её любопытства в его глазах отразилась теплота. — Никто не может бесконечно использовать свою силу без последствий, но у сальваторов не то чтобы есть строгий лимит. Они сильнее и выносливее магов, это факт, но большего я не знаю. Спросишь об этом у Сиония или Стефана.

— Обязательно, — буркнула Пайпер себе под нос, жалея, что намеренно оставила блокнот в комнате. Она хотела поговорить с дядей Джоном честно, без заранее заготовленного списка вопросов, чтобы он не отвечал так, будто читает ответ из учебника. И не хотела записывать новые вопросы, чувствуя не вчерашнюю злость, а опустошение, однако что-то в ней всё ещё сохраняло эту надоедливую искру любопытства.

Одной частью своего сознания она вроде как уже приняла, что магия реальна, хотя увиденные ею чудовища ещё казались не более чем плодом воображения. Другой же частью, которую Пайпер старалась держать в узде, она удивлялась происходящему и всем странностям, которые ей говорили.

Та же самая её часть вопила, требуя, чтобы Пайпер немедленно бежала и оказалась где угодно, только бы не здесь. Добраться бы до города, а там уже она найдёт, к кому обратиться за помощью.

От реальной попытки побега её останавливали две вещи. Первая: понятия не имея, где находится особняк, — да, в Детройте, но вокруг-то был долбаный лес, так что это не очень помогало, — она также не могла понять, куда ей двигаться.

Вторая: Гилберт сказал, что может помочь ей, а она — им.

Не то чтобы она прониклась его словами и уже была готова жизнь положить ради Коалиции. Но что-то в услышанном от него задело её, засело в голове и то и дело всплывало в мыслях, мешавших уснуть этой ночью.

Гилберт сказал, что у неё были все шансы спасти тех, кого она любит. Пайпер повезло — её семья осталась жива. Родственники и друзья, ничего не знающие о других мирах, могут спокойно жить дальше. В перспективе у них было светлое будущее без демонов, магии и каких-то там Вторжений. Если, конечно, уже Пайпер смирится со своим совсем не светлым будущим с теми же самыми демонами. Напрямую Гилберт этого не сказал, но и не нужно было. Пайпер и так всё поняла.

Логику его слов и действий она также более-менее понимала. И даже согласилась бы с ним, перестав отнекиваться и называть всё увиденное и услышанное галлюцинациями, если бы происходящее было *нормальным*.

Почему они все ожидали, что она с готовностью примет эти перемены, из-за которых ощущала себя сумасшедшей, чей вполне естественный страх осуждали?

Может, если бы её хоть как-то подготовили морально, раскрыли существование магии и демонов намного раньше, а не когда её жизни угрожала опасность, всё сложилось бы иначе.

Почему дядя Джон молчал обо всём *этом*?

Заметив на себе его растерянный взгляд, Пайпер осознала, что задала вопрос вслух. И от раскаяния в его глазах, смешанных с печалью и любовью, у неё защемило сердце.

— Я надеялся, что это будешь не ты. Ни один из вас, — едва слышно произнёс дядя Джон.

Он выглядел не просто уставшим, а измученным: залёгшие под глазами тени, непривычно остро очерченные скулы и щетина показывали, что он давно не спал, мало ел и изводил себя работой, о которой Пайпер толком и не знала. Со вчерашнего дня она решила являться на завтраки, обеды и ужины в столовую, и все три раза дядя Джон, бывший рядом, неизменно разбирался с ворохом бумаг и пил только кофе. Тёмно-каштановые волосы он явно не раз ерошил, устало проводя по ним пальцами, а порядком измятую одежду, в которой проходил два дня подряд, сменил на такую же мятую рубашку и чёрные брюки. Когда он с тихим вздохом

опустился на ближайшую банкетку, вытянув ноги, будто хотел хотя бы на несколько мгновений расслабиться, Пайпер заметила на подошвах его ботинок засохшие капли чего-то чёрного.

— Демон, — небрежно ответил дядя Джон, проследив за её взглядом. — Столкнулись с ним возле одного из порталов.

— Когда?

— Утром.

Сегодня дядя Джон и Кит как раз опоздали на завтрак. Пайпер спросила, почему они задержались, но Кит сказал, что ничего серьёзного не произошло и ей не о чем волноваться. Дядя Джон ничего не добавил и промолчал даже тогда, когда Кит специально для Гилберта уточнил, что «проблема решена».

Значит, этим утром дядя Джон был за пределами особняка. Столкнулся с демоном. Убил его.

И его чёрная кровь осталась у него на обуви.

— Ничего серьёзного, — заверил её дядя Джон, слабо улыбнувшись. — Обыкновенная стычка.

— Ты убил его? — вырвалось у Пайпер.

— Его убил Август, один из наших лучших искателей.

От его ответа легче не стало. Может, сегодня он и не убил демона сам, но убивал раньше и убьёт ещё, Пайпер в этом не сомневалась. И помнила, как он защищал её у себя дома, когда эти чудовища нагнали их наверху.

Сколько ещё он будет рисковать собой, сражаясь с этими тварями, ради её защиты?

Пайпер прошла к противоположной стене, смотря на другую картину, и тихо спросила:

— Почему ты не сказал?

— Такие столкновения происходят часто, о мелких нет смысла говорить. Если происходит что-то серьёзное, Гилберт всё равно узнает. Об остальных делах есть информация в отчётах...

— Я не об этой стычке, — перебила Пайпер, опуская на банкетку напротив. Между ними с дядей Джоном теперь было несколько метров, а Пайпер казалось, что намного больше. — Почему ты молчал о магии и демонов?

— Боялся, — просто ответил он.

— Того, что на нас нападут эти... чудовища?

— Что вы сойдёте с ума.

— Учитывая всё происходящее и то, как я себя чувствую, может, я уже сошла с ума, — пробубнила Пайпер себе под нос.

— Ты правда хочешь знать, почему я никогда не упоминал о Сигриде и всем, что с ним связано? — тихо уточнил дядя Джон, собрав руки на груди. Хороша знакомая Пайпер привычка: он волновался и не хотел, чтобы произвольные движения рук могли выдать его. — Хочешь знать, почему мы с твоим отцом в таких плохих отношениях?

Её отец объяснял это чёрствостью Джонатана, его заикленностью на карьере и оторванности от семьи, которой он отличался всю жизнь. Её мать постоянно смягчала объяснения, добавляя, что у дяди Джона всего-навсего трудный характер. Он предпочитал одиночество и не привык к шумным компаниям, а семья с тремя детьми не могла не быть шумной. Но Пайпер всегда видела в дяде Джоне искру, которая восхищала их с братьями. Он не имел особо близких друзей, о которых они бы знали, и всё равно она бы не назвала его нелюдимым человеком, обладающим сложным характером. Он был лучшим во всём мире дядей, который всегда знал, как развлечь их. И при этом едва не грызся с братом, стоило ему переступить порог дома Сандерсонов.

— Конечно, я хочу это знать.

— Твой отец предал себя Забвению.

Он произнёс это слово особым тоном, словно надеялся, что Пайпер не будет копать глубже и поймёт всё из одного значения, которое и было ей известно.

Особым тоном, который ясно дал Пайпер понять, что слово «забвение» означало нечто большее, чем она уже понимала.

— Итак?

Дядя Джон поскрёб щетину и рассеянно заморгал.

— Семья Сандерсонов уже около века возглавляет Орден искателей. После нашего отца главой Ордена должен был стать Дэниел. У него было всё, что отличает приличного искателя — ум, способности, умение вести дела, связи, понимание, как и когда нужно следовать правилам. Он всегда выполнял поиски лучше всех, брал самые сложные. Он был... он был лучшим, — тихо, сдавленно произнёс дядя Джон. — Как-то нам поручили поиски демона, натравившегося на искателей стаю ноктисов. Пару раз нам даже удавалось предотвращать его нападения, но он постоянно сбегал. Через два месяца мы, казалось бы, почти поймали его. Нашли его новое логово в старом особняке в Северном Лондоне, но демон уже сбежал. Мы изучали особняк, искали его следы, хаос или магию, маги даже обнаружили наложенные на некоторые предметы чары, что само по себе странно...

— Чары? — недоверчиво переспросила Пайпер. — Наложённые на предметы?

— Да. — Дядя Джон на мгновение зажмурился, словно прогоняя неприятные воспоминания, и продолжил: — Над одним барьером маги возились дольше всего, а когда сняли его, выяснилось, что за ним прятали новенькую брешь. На нас напали демоны.

Дядя Джон чуть сильнее сжал пальцы на предплечье, унимая дрожь.

— Там были перевёртыши, которых мы не смогли распознать сразу. С одним из них и столкнулся твой отец. Я не видел, что происходит, не мог помочь, даже не понял сначала, чей облик принял перевёртыш и... В общем, маги кое-как успели спасти нас, да и получилось у них только из-за того, что брешь закрыли.

По спине Пайпер пробежал холодок. Гилберт говорил, что маги могут только ограждать бреши, мешая демонам проникать в этот мир, а закрыть их могут лишь сальваторы.

Но ведь она была первым сальватором, которого они нашли.

— Там был другой сальватор? — хриплым от удивления голосом пробормотала Пайпер, и не заметив этого. — Я думала, я — первая...

— Так и есть. Ты — первая из сальваторов. Тогда мы не знали, что произошло. Предполагали, что брешь могла закрыться и сама. Это редкое явление, но всё же. Мы хотели продолжить поиски, но старейшины запретили, а мы тогда не могли перечить их приказам.

Дядя Джон сместил взгляд в сторону, на одну из картин, возле которой сидела Пайпер — рассеянный, подёрнутый дымкой взгляд, от которого ей стало неудобно.

— После собрания, на котором мы обо всём отчитались, твой отец словно слетел с катушек. Я никогда не видел, чтобы он так удирал от демонов, как он сбежал тогда из зала, — нервно усмехнулся дядя Джон. — Я нагнал его только в читальном зале, где занимались дети. Дэниел спрятался в дальнем углу, вжался в кресло и всё нёс какой-то бред. Я ничего не понимал. Это всего лишь перевёртыш, он не должен был напугать так сильно. Все знали, что перевёртыши не так опасны, как демоны, которые проникают в разум. А тот... Тот что-то сделал с ним, понимаешь, Пайпер? Не просто показал Предателя, но и забрался ему в голову.

Ей потребовалось немного времени, чтобы выяснить, кого они называли Предателем. Оказалось, что именно Третьего сальватора Сигрида, который, как сказал Кит, сгинул во время Вторжения. Подробностей ей никто не сообщал, да и Пайпер пока их не трясла, помня, как Кит уходил от вопросов, говоря, что ему «элементарно нельзя говорить о Третьем сальваторе».

По тому, как все называли этого чувака «Предателем», Пайпер догадалась, что ничего хорошего он не сделал и потому говорить о нём не хотели. Но она хотела, потому что была напугана, зла и сбита с толку, а ещё, вот так неудобство, оказалась сальватором.

— Я пытался успокоить Дэниела, — после небольшой паузы продолжил дядя Джон, — говорил, что ничего из того, что ему показалось или сказал перевёртыш, не было правдой, но он меня не слушал. Сказал, что перевёртыш всё твердил о возвращении Предателя, и что-то о том, что лабиринт пришёл в движение и проснулась какая-то цитадель.

— Очень... информативно, — сконфуженно пробормотала Пайпер, ощущая прошедший по телу холодок. Слова показались ей до странного знакомыми, но она никак не могла отыскать их в памяти. Шептал ли что-то подобное голос в её голове? Говорил ли об этом мужчина, утверждавший, что он является сальватором? Или это было в тех таинственных записях, которые ей перевёл Гилберт, а она просто забыла детали?..

— Я хотел успокоить Дэниела. Показать, что всегда помогу ему, позабочусь, защищу, а он... Он меня не слушал, Пайпер. Твердил, что хочет забыть увиденное. Заявил, что хочет предаться Забвению. Подготовка к этому обычно занимает несколько месяцев, и мы все пытались убедить Дэниела отказаться, но он и слушать нас не хотел. За это время наши родители погибли из-за демонов, — понизил голос дядя Джон. — По правилам, Дэниел должен был стать следующим главой, но упорно отказывался и требовал ускорить подготовку к Забвению. Я был раздавлен гибелью родителей и боялся потерять ещё и его, поэтому делал всё, чтобы удержать его рядом. Обращался ко всем магам и целителям, которые ещё не работали с Дэниелом, но они утверждали, что с ним всё в порядке. Ни следа хаоса. Он полностью владел собой, а его желание предаться Забвению было искренним. И когда всё было готово, именно это и сделал. Предал себя Забвению и навсегда забыл о Сигриде, магии и демонах, угрожающих всем нам.

Дрожь его пальцев стала сильнее.

Отец всегда говорил Пайпер, что связь с семьёй особенная, а поддерживать хорошие отношения с родственниками крайне важно. Но он, если верить дяде Джону, предпочёл обо всём забыть, оставив своего брата одного в мире, полном демонов.

Голова Пайпер раскалывалась.

— У каждого реакция на Забвение разная. Дэниелу было сложно, но в конце концов он, как видишь, привык к обычной жизни. Я... знаешь, я следил за ним, несколько раз пытался наладить отношения и бросил бы это дело, ведь он считал меня каким-то психом, но... Что-то из его воспоминаний пробудилось. Или появились новые, заменившие старые, не знаю точно. Он считал, что я уехал учиться далеко от дома и перестал поддерживать с ним связь после того, как родители погибли в автокатастрофе. Я не стал его переубеждать. Просто согласился с этой ложью.

Распахнув глаза, Пайпер удивлённо вытаращилась на дядю Джона.

— То есть всё это время он думал, что ты бросил его? — возмутилась она. — Но это же он предал себя Забвению!

— И это навсегда отрезало его от нашего мира. Демоны перестали обращать на него внимания, ноктисы не чуяли в его крови ничего необычного и больше не нападали. Твой отец стал жить спокойно, и я решил, что так будет лучше. Что хоть один из нас будет в безопасности наслаждаться нормальной жизнью. Я связывался с ним лишь иногда, когда он сам того хотел. До рождения Лео мы не общались почти пять лет.

— Правда?..

У неё в мыслях не укладывалось, что это возможно. Просто смириться, что из-за какой-то там таинственной магии настоящие воспоминания были заменены ложными, и согласиться с тем, как они исказили самого дядю Джона? Он никогда никого из них не бросал. Мчался на помощь по первому же зову. Всегда, стоило её отцу или матери даже в шутку бросить, какими шумными и надоедливыми стали дети, как они мешают, он предлагал принять весь удар на себя. Совместный отдых, хобби, тайное обучение стрельбе из пистолета, совсем не тайное — самообороне, «их» суббота.

Он же всегда был рядом.

— Правда, — повторил дядя Джон, и его улыбка, до этого немного натянутая, словно стала теплее, искреннее, когда Пайпер, уже не скрывая растерянности, с печалью уставилась на него. — Я приезжал иногда, защищённый и магией, и чарами, но надолго остаться не мог. Да и сложно было, честно говоря. Дэниел обвинял меня в чёрствости, что я не хотел налаживать с ним отношения. А я всего лишь пытался защитить его от мира, от которого он отказался. Делал всё, чтобы тот вновь не затянул его, терпел упрёки, обвинения. Всё, что угодно. Когда родилась ты, я стал навещать его чаще. После рождения Эйса Шерая убедилась, что демоны по-прежнему не обращают на вас внимания, да и магия, которой она защищала мою кровь, помогала не привлекать их.

Пайпер сжала губы и спрятала ладони между коленями, опустив плечи. Неужели он и вправду делал всё возможное, чтобы защитить их от демонов?.. Ей казалось, что они проводят вместе достаточно времени, — ровно столько, чтобы считаться вполне нормальной семьёй, — но по его словам выходило, что это не так. Дядя Джон боялся, что из-за него на них нападут, и держал допустимую дистанцию.

Он мог быть ещё ближе, если бы не сигридский мир со своими идиотскими демонами.

— Что было бы, если бы ты нам обо всём рассказал?

— Эриам. «Открыть глаза». Кровь первых могла пробудиться, и вы бы могли видеть и ощущать сигридский мир. В лучшем случае. В худшем — сумасшествие. Я не хотел рисковать.

— Тогда почему я не сошла с ума?

«Или всё же сошла», — мысленно добавила Пайпер.

— Ты — исключение. В тебе живёт Лерайе, дарующая тебе свою Силу, которая и защищает. В сущности, это сильнейшая магия, доступная смертным. Не думаешь же ты, что она бы не справилась с худшими последствиями эриама? Хотя сальваторы не то чтобы считаются смертными... — задумчиво добавил дядя Джон себе под нос.

— То есть? — Пайпер мгновенно напряглась. Что-то такое, кажется, говорит Кит. Или Гилберт? Она и впрямь не могла вспомнить. Ей вообще говорили об этом прямо или она разгадала намёки, которые проскользнули в словах навестившего её сакри?..

Пайпер помассировала виски, надеясь унять нарастающую головную боль.

— Сальваторы выше смертных, но ниже богов, — пояснил дядя Джон. — Живут дольше всех, но не бессмертны по-настоящему. Честно, не знаю, сколько они вообще могут прожить. Трое из них погибли ещё в Сигриде...

— Кстати, о последнем, — подхватила Пайпер, не обратив внимания на то, как дядя Джон свёл брови, будто был недоволен её интересом. — Третий, да? Что о нём известно?

— Тут его зовут Предателем.

— Почему не Третьим?

— Потому что в конце концов появится новый сальватор, который станет Третьим, и сигридцы не очень хотят плохих ассоциаций. Имя Предателя для многих связано с крайне неприятными воспоминаниями и было вычеркнуто из истории.

— Почему? — не унималась Пайпер. Даже резкая боль, прострелившая виски, не помешала ей слегка наклониться вперёд, показывая, что она не собиралась отступать. — Что он сделал? Кого именно предал и как?

— Пайпс, не спрашивай меня об этом. В Коалиции есть люди, которые расскажут тебе гораздо больше и со всеми подробностями, но не я. Я о Предателе знаю только то, что говорят другие, потому что родился в этом мире.

— Просто... было бы неплохо узнать об этом всём, чтобы не совершать тех же ошибок.

— Узнаешь, но не прямо сейчас. Ты же не отстанешь, будешь цепляться и надоедать, пока не получишь ответов, а у меня их просто нет. — Он словно заставил себя рассмеяться, чтобы сгладить ситуацию и уменьшить напряжение между ними, но не вышло: Пайпер смотрела всё так же испытующе, не мигая. Дядя Джон вздохнул. — Лучше ответь мне на один вопрос.

Пайпер чуть сильнее наклонилась вперёд, показывая, что слушает.

— Ты ненавидишь меня?

Вопрос застал её врасплох. Не то чтобы она не задумывалась об этом, но давать отвечать сейчас... Она не знала, что сказать.

Её злость за молчание дяди Джона немного погасла после того, что он рассказал. Если он лгал раньше, то вынужденно, ради их защиты. И совсем не лгал сейчас, объясняясь, Пайпер это знала. И пусть они оба по горло увязли в проблемах, масштабов которых она ещё не понимала, ей казалось, что дядя Джон больше на «их» стороне, — Гилберта, Шераи, Кита и прочих сигридцев, — чем на её.

Пайпер хотелось, чтобы он был с ней. Только с ней.

Но ненавидеть его за то, что он вынужден разрываться между двумя мирами?..

— Я не знаю, — честно ответила Пайпер, опустив взгляд. — Я злюсь, что ты скрывал всё это, но понимаю, из-за чего. И я рада, что ты рядом, хочешь помочь и всё такое, но... Я не знаю. Я запуталась и хочу во всём разобраться. Можно?..

Ей, каким-то образом, который она всё ещё не поняла, закрывшей брешь и говорившей с сакрифициумом, всё равно никуда не деться. И вряд ли Забвение, звучавшее настолько же соблазнительно, насколько и пугающе, поможет сбежать от того, кем она стала. Кем являлась, может, всегда, просто не знала об этом.

Что бы ни происходило дальше, Пайпер, которой хотелось лишь сжаться в комок и вопить во весь голос, знала одно: как раньше уже не будет.

— Я... Я — сальватор, — повторила она, нервно рассмеявшись. — И я не одна такая, да?

— Ты не можешь быть одной.

Это не было нормальным ответом, который успокоил бы её. Либо есть ещё кто-то, в котором так же, как в ней, живёт дарующий особую магию сакри, либо она единственная. Со Вторжения прошло двести лет — неужели другие сакрифициумы не могли найти свободной минутки, чтобы сообщить о себе Коалиции или выбрать себе сальваторов? Пайпер сомневалась, что это настолько уж сложно. Её же, идиотку, Лерайе выбрала. Даже если слепо ткнула пальцев в первого попавшегося человека в этом мире.

— Ты сказал, что в том доме, где были вы с папой, брешь закрыли силой. Но на это способен только сальватор. Значит, там точно был один.

— Тогда мы не знали, что произошло, — терпеливо напомнил дядя Джон. — Но недавно Шерая подтвердила, кому принадлежал тот магический след.

— Сальватор, — упрямо повторила Пайпер. — Значит, один точно есть!

— Ещё неизвестно. Шерая сказала, что это общий след, определить, кто именно его оставил, практически невозможно. Магию сакри пока никто не задействовал, так что...

— Но это всё равно значит, что я не одна!

Перспектива оказаться в одной лодке с ещё одним незнакомцем не радовала Пайпер, но, по крайней мере, если найдётся другой сальватор, она не окажется единственной. Будет тот, кто действительно поймёт её страхи и сомнения, кто не будет осуждать за нежелание признавать очевидные факты.

— Давай мы не будем радоваться этому раньше времени, хорошо? — с надеждой попросил дядя Джон, на что Пайпер упрямо заулыбалась ещё шире. Не от искренней радости, конечно, но из почти детского желания хоть в чём-то оказаться правой. — Ещё неизвестно, сальватор это или только сакри, который скрывается ото всех. Может, спустя время, когда ты освоишься с Силой, сможешь почувствовать его...

Пайпер мгновенно перестала улыбаться.

— Это возможно?

— Говорят, что да. Маги расскажут об этом подробнее, ещё кое-что наверняка найдётся в старых текстах.

— Ага, то есть теперь ты официально передаёшь меня в руки магов?

Происходило бы всё это в обычном, привычном ей мире, она бы не возразила. Не так уж и сильно она боялась новых людей, к тому же родители, когда она была младше, заставили её опробовать едва не каждую секцию и дополнительные занятия в школе, чтобы выяснить, что ей нравится.

Но что Пайпер точно не нравилось, как проходить то же самое уже с какими-то магами, учёными или кто там ещё положил на неё глаз.

— Тебя будут направлять, — лаконично исправил дядя Джон. — Старейшины решат, кто обучит истории Сигрида, маги помогут разобраться в собственных силах. Рыцари научат обращаться с оружием и покажут, как защитить себя и без магии. Без поддержки ты точно не останешься.

— Рыцари? — Пайпер скептически выгнула бровь, усмехнувшись. — У вас тут что, есть местный Дон Кихот?..

— Зря смеёшься, наши рыцари отличные воины и крайне важны Коалиции. Защищают, помогают в поисках, проверяют оружие фей, сопровождают в Зачарованный Тайрес, если нужно, и...

— Так они как Дон Кихот или нет?

Дядя Джон закатил глаза. Пайпер снова позволила себе широкую улыбку.

Легко было забыть про ужас, съедавший изнутри, если через каждый пару фраз вбрасывать неуместные шутки.

— Гилберт наверняка приведёт Эрнандесов, так что на собрании посмотришь.

— Ну хорошо, допустим. Куда там, говоришь, эти Дон Кихоты сопровождают?..

— В Зачарованный Тайрес. Это, грубо говоря, особое пространство, связанное с миром фей и частично — эльфов. Согласно одной из древних легенд, именно там боги трудились над созданием мира.

— Параллельный мир? — не поняла Пайпер.

— Особое пространство, — настойчиво повторил дядя Джон. — Одновременно часть Файрона и Хантсора, которая была связана с Сигридом. Феям и эльфам первое время было трудно ужиться здесь, рядом с людьми, так что они поселились в Тайресе. Точнее, феи. Их дворец стоит в самом центре Зачарованного Тайреса, а дворец эльфов — на границе.

Пайпер прикрыла глаза и потёрла переносицу.

— Дай-ка уточню: феи и эльфы живут в своём особом магическом мирке, который граничил с Сигридом и при этом является частью этого мира?

На этот раз улыбнулся дядя Джон, причём совершенно точно издеваясь.

— Основную суть ты уловила.

— Застрелите меня, — проворчала Пайпер себе под нос, — это слишком сложно...

— Скоро станет легче, поверь. Королева Ариадна или король Джевел не упустят возможности познакомиться с тобой поближе, так что пригласят тебя к себе.

— Знаешь, это вообще не обнадеживает. Скорее пугает ещё сильнее.

— Ну, соглашаться не обязательно. С твоей-то изобретательностью выкрутишься быстрее, чем я успею вмешаться.

— Идеи будут?

— Скажешь, что не готова появляться там, где чар слишком много, пока ощущаешь себя скорее обычной смертной, чем сальватором. Путь в Зачарованный Тайрес закрыт для простых смертных.

— Но ты сказал, что сальваторы не совсем смертные.

— И это помешает тебе придумать отмазку?

— Нет. Наверное.

— Отлично. К тому же Тайрес — сложное место, неподготовленному человеку там лучше не появляться, мало ли что случится.

— Если это такое крутое место, почему сигридцы не поселились там? — выпалила Пайпер, не сумев удержать мысль. — Обязательно было тут оставаться?

— Тайрес загадочен и опасен. Есть легенда, в которой говорится, что Тайрес — это часть настоящего Файрона, из которого феи могли спасти Сердце. Боги смиловались над ними и позволили им остаться в этой части, но закрыли вход для остальных. Эльфы живут на границе, потому что они также способны к чарам от природы, а вот людям, вампирам и великанам туда просто так не попасть.

— Боги что, не могли быть чуть более дружелюбными? — пробубнила себе под нос Пайпер. Может, если бы они проявили больше участия и заботы, она бы не стала сальватором и всё было как раньше.

— Кто их знает? Я даже не до конца верю в них, — усмехнулся дядя Джон, покачивая головой. — Сальваторы, несомненно, их творения, но сами боги? Теперь никто точно не знает, существуют ли они на самом деле. Возможно, в своё время люди просто научились подчинять себе хаос, которым раньше были заполнены миры, или нашли способ открыть магию. Не знаю, Пайпс. Я не маг, не исследователь тайного, я обычный искатель.

Пайпер скрестила руки на груди, уставившись на него во все глаза.

— И глава Ордена. Какой ты скромный, раз забыл напомнить об этом.

— Тебе глава Ордена нужен или дядя?

— Дядя, который объяснит, как в итоге-то стал главой Ордена. Говорил же, что...

— В другой раз, ладно? — дядя Джон вымученно улыбнулся. — Хочу, чтобы ты пока сосредоточилась на своей магии. Если научишься управлять Силой, этого будет достаточно, чтобы выжить.

— Выжить, — медленно повторила Пайпер, а дядя Джон, раскрыв глаза чуть шире, будто осознал, что именно он сказал. — А если я не хочу выживать?

— Жить, — исправился он. — Я просто оговорился. Естественно, речь идёт о том, чтобы жить в гармонии с этой силой.

Пайпер кивнула, дядя Джон повторил за ней, и несколько мгновений они просто смотрели друг на друга, ничего не говоря, позволяя тяжести этого ужасного слова повиснуть между ними. Пайпер стало до жути неуютно: захотелось укутаться во что-то тёплое, большое, что скрыло бы её от глаз всего мира и позволило и дальше притворяться, что происходящее — бредовый сон.

Конечно, ни сном, ни галлюцинацией это не было. Не помогали ни щипки в тайне от всех, ни удары по собственным щекам перед зеркалом в отведённой ей комнате.

Теперь именно жизнь, которая была для неё всем ещё несколько дней назад, стала напоминать сон.

— Я не хочу выживать, — тихо призналась Пайпер, нагло поставив пятки на банкетку и обняв себя за колени. В едва слышном шорохе одежды и своём шумном дыхании ей послышался неразборчивый шёпот, доносящийся из-за спины.

— Я знаю, — мягко ответил дядя Джон. — Прости, что сказал это. Я не хотел тебя пугать.

— Но это, по крайней мере, честно?

— Честно, — подтвердил он. — Пока существуют демоны, спокойной жизни ни у кого не будет.

— Но победить их хотят сигридцы. А ты? Ты же землянин с пробудившейся кровью первых. Чего хочешь ты?

— Чтобы наследие, хранимое нашей семьёй, не исчезло. Чтобы всё, что делали наши предки, не было бессмысленным. Да, я землянин, но по-настоящему моё место среди сигридцев, как и каждого Сандерсона, в котором проснулась кровь первых. В этом мире нас примут. А

в *том*, — он сказал это так осторожно, со странным чувством тоски, что Пайпер сразу поняла: речь идёт о земном мире, простом, несложном, в котором нет ни магии, ни хаоса с демонами, — меня удерживаешь только ты.

Пайпер и не думала, что из-за его слов ощутит жгучий стыд.

Она хотела вернуть всё обратно. Хотела всем сердцем. Но шёпот, уже проникший под кожу, как паразит, твердил, что это невозможно. Пайпер ничего не могла вернуть, потому что Лерайе выбрала её не несколько дней назад, а раньше, просто скрывала это ото всех.

И «вернуть всё» теперь означало принять Лерайе, её магию и факт того, что с земной жизнью в её привычном смысле покончено.

Всё равно ей было сложно удержаться и не спросить:

— Но если бы ты захотел, если бы мог, ты бы вернулся к обычной жизни?

— У меня никогда не было жизни, о которой ты говоришь. Я с самого рождения был связан с сигридским миром.

— Но у тебя никогда не появлялось желания послать всё к чертям? Забыть о магии, демонах?

— Конечно, такое было, — он сдержанно улыбнулся, будто не хотел даже мысленно возвращаться к моментам, когда у него возникало подобное желание. — Я люблю всю нашу семью, и ради вас я бы оставил сигридский мир, но... Теперь это уже невозможно. Ты — самое главное, что всегда будет держать меня рядом с Коалицией.

Навязчивый шёпот добрался до черепа.

Пайпер поморщилась, а дядя Джон всё говорил, объяснял, будто бы даже начал оправдываться, словно воспринял её молчание как осуждение. Но Пайпер уже ничего не слышала.

Ей показалось, будто движение дяди Джона немного замедлились: головой он качнул уже плавнее, чем минутой ранее, говорил с паузами и моргал реже нужного. Пайпер списала бы это на обычное помутнение зрения, неспособность сосредоточиться на одном, но попавшая в её поле зрения картина двигалась в том же темпе. И что-то тёмное, бывшее в самом её центре, стремительно приближалось.

«*Всего лишь чары*», — повторила она себе, желая успокоиться. Для её ещё вполне земного восприятия — странность, конечно, но для всех остальных — абсолютная норма. Лишь маленькое чудо, которому она удивилась в первое мгновение, а после привыкла.

Понять, где начало, а где конец всех этих движений она не могла, просто приняла, что они будут повторяться, пока действуют чары. Тёмное пятно, которое, как ей казалось, приближалось, на самом деле не станет больше. Так и будет нестись вперёд, вороша собой белый снег и перепрыгивая через поваленные стволы деревьев.

«*Просто чары*», — упрямо подумала Пайпер.

Эти чары сломались.

Вспышка белого света ослепила её, заставила дёрнуться, закрывая лицо руками. Резкий порыв ветра опрокинул её назад. Вместо стены Пайпер упала на что-то мягкое и холодное. В ушах завывало, загудело, и шёпот стал едва различим.

Она скорее ощущала всем телом, чем слышала чьё-то тяжёлое, хриплое дыхание, и как ни странно — крики, которые до неё доносил ветер.

Пайпер с трудом села и в ужасе заозиралась.

Она была по пояс зарыта в обжигающе холодном рыхлом снегу. Спина и затылок ныли от боли. Позади всё ещё доносились крики, в которых она не могла разобрать слов — мешали ревущий ветер, грохочущая в ушах кровь и головокружение, напавшее резко, быстро, едва не повалившее её обратно в снег.

Тёмное пятно, несущееся на неё, начало обретать более чёткие формы.

Сначала Пайпер смогла различить цвет — бело-серый. Где-то на теле существа проглядывали алые, синие и чёрные пятна. Оно мчалось вперёд, стремительно огибая деревья, и будто

намеренно ускорило, выскочив из их тени. Пайпер разглядела большую голову с ушами, одно из которых оказалось порванным, глубокие царапины на носу и чёрно-красную пену на острых губах. Хвост, кажется, был сломан.

Волк.

Это был огромный, раненый, явно разъярённый *волк*.

Взгляд его обезумевших жёлтых глаз был направлен ей за спину.

Пайпер накрыла голову руками, сжимаясь, вопя во всё горло, когда волк, оказавшись всего в метре от неё, прыгнул. Он перемахнул через неё, охваченную дикой дрожью и паникой, с оглушительным воем и влажным хрустом приземлился за её спиной и принялся рвать врагов на части. Пайпер поразились тому, как легко эта мысль укоренилась в её сознании, как с её приходом исчез страх и пришло противоестественное тепло. Волк сражался ещё несколько мучительно долгих мгновений, пока, наконец, не успокоился.

Шею Пайпер обожгло горячим дыханием, затылка коснулось что-то мокрое. Её тело действовало само по себе: приподнялось, стряхивая снег, отняло руки от лица и повернулось. Волк смотрел прямо на неё.

В его жёлтых глазах Пайпер уже не видела и тени того безумия, что показалось ей раньше. Всё тело волка было перепачкано чужой кровью и мерзкой субстанцией чёрного цвета, вдоль правого бока тянулись рваные раны, а на носу остались следы когтей. Но он, казалось, совсем этого не замечал: вытянул шею, прижимаясь к виску Пайпер мокрым носом, лизнул её щёку.

Она смотрела в его большие глаза и видела не саму себя, а молодого человека с чёрными волосами и голубыми глазами в изорванной одежде. Пайпер слегка наклонила голову, и он повторил движение.

Волк фыркнул, когда до них донёсся далёкий вой, через который едва-едва до Пайпер дошёл крик, заставивший содрогнуться всем телом:

— *Ну же, приди в себя!*

Дядя Джон нервно улыбался, смотря на неё, будто ничего не произошло. Пайпер тяжело дышала, перепуганными глазами искала нужную картину, но той нигде не было. На её месте оказался пейзаж горных вершин, у подножия расположились совсем чёрные деревья. Ни полноценного леса, ни снега, ни тёмного пятна, оказавшегося волком. Никакого воя, крика неизвестного голоса и чужого лица, ставшего её лицом.

— Пайпс?

Дядя Джон оказался рядом так быстро, что она даже не успела моргнуть. Убрал упавшие ей на лицо волосы, заглянул в глаза и взял её ладони в свои, но тут же одёрнул, выругавшись.

— Холодные... Пайпс, что такое?

Он вновь взял её руки, намного бережнее, и сжал между ладонями, согревая.

Ещё несколько мгновений она только хватала ртом воздух, смотря ему в глаза, и в конце концов смогла выдохнуть:

— Ты ничего не видел?

— Что конкретно? Тебе что-то привиделось?

Пайпер сглотнула. То, как он легко поверил, что она и впрямь видела что-то странное, как сразу же задал уточняющий вопрос, ей не понравилось — словно у него уже был опыт.

Как если бы пугающие видения, захватывающие с головой, для сигридцев были абсолютной нормой.

— Лес, — тихо ответила Пайпер, продолжая пялиться на картину, ещё недавно бывшую совершенно другой. — И волк, который бежал навстречу.

Рассказать об остальном она не могла: язык вдруг стал тяжёлым, в мыслях будто вырос барьер, мешавший связать одну увиденную деталь с другой. Пайпер не понимала, в чём причина, но когда волк расправлялся с врагами за её спиной, её тело наполнилось теплом. Он словно защищал её. В жёлтых глазах блеснула искра разума, а отражение в них....

Отражение, голос, одновременно часть видения и реальности, будто относящийся и к ней, и к тому, чьё лицо она видела.

Голубые глаза.

Шёпот на задворках сознания нарастал, сообщая, что её молчание — правильное решение.

— Ещё что-то? — терпеливо уточнил дядя Джон. — Слова, действия, люди, ориентиры? Было что-то ещё?

— Кто-то кричал, но я ничего не поняла. Лес, волк, крик. Всё.

— Хорошо, — задумчиво пробормотал он, нахмурившись, и крепче сжал её ладони. — Может, это было одно из воспоминаний Лерайе или Йоннет. Расскажем остальным, они помогут разобраться.

— Надеюсь, это не значит, что я сошла с ума, — глухо ответила Пайпер.

Словно в издёвку, шёпот неразборчивых слов прозвучал над самым ухом. Прикосновение дяди Джона неожиданно стало горячим. Пайпер высвободила руки, одарив его извиняющейся улыбкой, и обхватила себя за плечи.

В галерее было что-то, что вторгалось в её мысли и заставляло магию — дурацкую, ненавистную магию — реагировать. Пайпер не знала, как доказать это, как объяснить другим, чтобы они помогли разобраться, но была твёрдо уверена, что не ошибалась.

Она посмотрела на горный пейзаж, ещё недавно бывший снежным лесом. Рядом не было никакой таблички, но Пайпер, приглядевшись, разобрала высеченные прямо на деревянных панелях слова.

«Erzari dzer saar nua tertraust».

Фраза, которую Гилберт так и не перевёл.

Глава 9. Шёлковый тревожный шорох

Портал выглядел не так величественно и таинственно, как думала Пайпер.

Очертания двери, лёгкое алое сияние по контуру и практически полная видимость того, что ждало по другую сторону. Шерая даже создавала портал, Пайпер бы сказала, вполне обычно: никаких сложных символов, сияющих магией, или сложных заклинаний. Шерая просто вытянула руку, растопырила пальцы и, постояв в тишине несколько мгновений, резко сжала их. Проявляющиеся в воздухе красные очертания, бывшие краями портала, будто создали разделяющую два места завесу — и сдёрнули её, заставив Пайпер удивлённо распахнуть глаза.

Это всё ещё не было настолько невероятно, как она успела себе нафантазировать, и всё же поражало.

По другую сторону она видела большой зал с высокими колоннами, заполненный множеством столов и книжных шкафов, расставленных по кругу, у стен. Гилберт толком не объяснил, где именно проходят их собрания, но пообещал, что увиденное вызовет восторг.

Шерая тоже ничего не сказала и, махнув ладонью, будто прощаясь, прошла через портал. Никакого сияния, волн вибраций или чего-то поразительного, что Пайпер видела в фильмах. Или на что могла отреагировать её магия. Вообще ничего.

Гилберт, спрятав руки в карманах брюк, проследовал за Шераей. Киту потребовалась пара мгновений, чтобы собраться с духом, после чего он пулей влетел в портал. То, как Гилберт ободряюще потрепал его по плечу, встретив на другой стороне, заставило Пайпер повернуться к дяде Джону и молча выгнуть бровь.

— Кит плохо переносит перемещения через порталы, — пояснил он, пожав плечами. — Особенно если долго избегает их.

Кит отмахнулся от заботы Гилберта, что-то буркнув. Пайпер видела, как его губы шевелились, но не разобрала ни слова. В картинной галерее она слышала даже самый тихий шёпот дяди Джона, который сидел у противоположной стены. А здесь, когда её с Китом разделяло максимум два метра, — ничего?..

— Иди, — дядя Джон легонько подтолкнул её. — Гилберт едва уговорил всех собраться. Не заставляй ждать.

— Теперь мне кажется, что это была плохой идеей.

— Не бойся. Я буду рядом.

Навязчивый шёпот оставил Пайпер, как только явился Лука и сообщил, что Гилберт назначил собрание. У них было всего полчаса до начала, за которые Пайпер раз двести пожалела о своей настойчивости и не менее сотни попыталась затеряться в коридорах особняка, а тот всегда выводил её в холл, откуда Шерая и открыла портал.

Пайпер как завороченная смотрела на другую сторону: на Кита, оглядывающегося по сторонам, что-то говорящего Гилберта и Шераю, хищным взглядом следящую уже за ним, будто на него могли напасть. Серые внимательные глаза ещё сохраняли алые отблески — Шерая говорила, что это естественное отражение проявления магии и что у Пайпер будет так же.

Дядя Джон снова её подтолкнул. Магия в её теле всё ещё никак не реагировала на портал, как и сам портал не манил её. Просто... существовал, странный, слегка дрожащий, сияющий приглушённым красным светом.

Задержав дыхание, Пайпер перешагнула границу.

Тело ощутило лишь небольшую преграду чуть плотнее воздуха. Изнутри край портала был не толще мизинца, но состоял из переплетающихся нитей всех цветов и структур, каждая из которых дрожала от напряжения. И они вновь слились в алые края, когда Пайпер вышла из портала и выдохнула. Дядя Джон невозмутимо шагнул следом.

— Почувствовала? — тут же спросила Шерая привычным холодным тоном.

— Что именно?

— Саму магию. Нити, что ты видела, являются остатками многочисленных порталов, что я открывала. Если поймёшь, как они сплетаются, как зачарованы, научишься менять направление портала в любой момент.

— Сплетаются?.. — повторила Пайпер. Она-то, конечно, видела, что эти странные нити и впрямь сплетаются между собой, но вряд ли Шерая говорила без тайного смысла или подтекста, который Пайпер ещё не понимала. И каким боком тут чары?...

— Порталы каждого мага уникальны. С их помощью можно проследить передвижения мага, где он чаще всего бывает и так далее. Поэтому их зачаровывают, что никто не мог ими пользоваться без разрешения самого мага. Тебе придётся научиться этому.

— Мне? — Пайпер поперхнулась воздухом. — Да я же... Дядя Джон!

— Это все маги умеют, — пожал плечами он. — И я тебе уже говорил: в магии не разбираюсь и полностью доверяю Шерае, так что и ты ей доверяй.

— Это не...

— Я тебе не наврежу, — перебила её Шерая. Их взгляды встретились, и хотя серые глаза уже потеряли алое сияние магии, оставались такими же спокойными, улыбка, промелькнувшая лишь на секунду, была жёсткой. — Если ты, конечно, не навредишь моему королю. Тогда мне придётся убить тебя.

По телу Пайпер пробежал холодок. Ей всё ещё было не по себе от мысли, что женщине перед ней не тридцать лет, а за двести минимум, а теперь всё стало только хуже.

— Милостивые боги, Шерая! — влез взволнованный Гилберт. — Ты такими темпами всех людей вокруг меня распугаешь, прекрати.

— О, Мур, расслабься! — вдруг послышался со стороны мужской голос. — Ты хоть иногда расслабляешься?

Шерая как назло открыла портал в самый центр помещения, и теперь их со всех сторон окружали люди. Одни, разинув рты, откровенно пялились, другие проходили мимо и не устаивали даже взглядом. И все они, будто не сговариваясь, расступились перед высоким мужчиной.

— О, вы притащили малыша-искателя, как мило.... О, — он осёкся, заметив Пайпер, и впился в неё предвкушающим взглядом. — О, как интересно.

Пайпер поёжилась от его внимания, а когда мужчина вдруг рассмеялся, и вовсе спряталась за спину дяди Джона. Рядом с такими людьми ей всегда было неудобно: слишком... крупный, наглый, что стало ясно по одному взгляду, шумный, уверенный в себе. Лицо — сплошные острые углы, вызывающие ассоциацию с хищником, короткие чёрные волосы, должно быть, недавно стриженные почти под ноль, уже немного отросли и торчали во все стороны. Выше неё почти на голову, если не больше, он смотрел так, будто видел в ней какую-то мелочь, в сущности, незначительную, но вызвавшую его секундный интерес. Глаза у него были какими-то странными: слишком яркими, чтобы их можно было спутать с карими или светло-медовыми, с красноватым отливом. Через правый уголок губ змеился маленький кривой шрам, натянувшийся, когда мужчина улыбнулся ещё шире. Ещё несколько полос шрамов, куда более светлых, виднелись на груди и предплечьях: белую мягкую рубашку мужчина застегнул только на часть пуговиц, а рукава закатал практически до локтя, словно намеренно демонстрировал всем свои мышцы.

Пайпер закатила глаза.

Этот выпендрёжник ей точно не нравился.

— Ты боишься, — вдруг выпалил он, в одно мгновение возникнув всего в шаге от неё, с улыбкой и блеском в своих странных глазах. Вблизи они и вовсе показались красными, и Пайпер отшатнулась, испуганная. Мужчина заулыбался ещё шире, показывая клыки.

Настоящие, чёрт возьми, клыки.

— Ты боишься! — восторженно повторил он, шагнув следом. — Твоя кровь так вкусно пахнет...

— Данталион, — влез между ними раздражённый Гилберт, — немедленно прекрати.

Пайпер спряталась уже за его спиной, что из-за почти одинакового роста никак её не спасло. Мужчина, ухмыляясь, склонился к плечу Гилберта, рассматривая её с нескрываемым интересом.

— Да она же боится меня! — повторил он. — Что вы, придурки, успели наплевистить про меня? Я же собирался пригласить её выпить!

Пайпер отступила уже к Киту, который напряжённо рассмеялся. Что-то заскреблось в её памяти: кажется, про Данталиона, если мужчина перед ними и впрямь был им, Кит уже говорил.

Говорил, что Данталион — придурок.

— Последнее предупреждение, Данталион, — строго произнёс Гилберт.

Пайпер сомневалась, что мужчина примет его слова во внимание, — Гилберт на его фоне выглядел особенно мелким, и даже идеальная осанка, расправленные плечи и суровый взгляд не прибавляли ему веса и значимости, — но Данталион вскинул ладони и разочарованно застонал, отступив на шаг.

— Вы пиздец какие скучные. Ну и ладно, всё равно это честь, — он вдруг в театральном жесте приложил ладонь к сердцу и склонился в поклоне, а когда выпрямился, добавил, поймав взгляд Пайпер: — Хотя я бы предпочёл сначала выпить.

Гилберт вздохнул, ущипнул себя за переносицу и, будто заставляя себя, представил:

— Данталион, лидер клана вампиров. Незаменяемый и ценный член Коалиции, один из её лидеров. Иногда ведёт себя адекватно.

— Неадекватным я веселее, — невозмутимо уточнил Данталион, даже ухмыляться перестал, будто это и впрямь было важно. — Ты удивись, Первая, как иногда сложно стерпеть всех этих стариков.

— Я нестарик, — скрипнул зубами Гилберт.

Данталион закатил глаза.

— Ладно, малыш, прости.

— И не малыш! — возмутился Гилберт. — Я растущий организм, а ты...

— Придурок, — шепнул Кит, склонившись к Пайпер. — Как я и говорил.

— Что ты там вякнул про меня, щенок? — тут же отозвался Данталион.

Искатель мгновенно оказался за спиной Пайпер, вцепившись ей в плечи, чтобы она не смогла отойти в сторону. Дядя Джон, встретившись с ней взглядами, небрежно пожал плечами, что вообще не помогло.

Значит, Данталион. Лидер клана вампиров, а вампирами сигридцы называли тех, кто пил кровь тёмных созданий. О них Пайпер рассказали не то чтобы много, зато посчитали важным предупредить, что Данталиона оскорбляет любое сравнение с вампирами из книг или сериалов, потому что, по его словам, «его вампиры намного круче».

Не то чтобы Пайпер это волновало. Данталион уже испортил впечатление о себе, и, пока не сделает что-нибудь полезное, останется придурком в её глазах.

Хотя его предложение выпить звучало привлекательно.

Пайпер не помешало бы чем-то заглушить хаос в голове.

Всё-таки отцепив от себя Кита, Пайпер вновь оказалась возле дяди Джона, надеясь, что хоть он защитит её. Дядя Джон так и сделал: приобнял её за плечи, быстро, невесомо поцеловал в макушку и повёл за собой, в сторону одного из коридоров. Кит последовал за ними, а в спину ему ещё мгновение летели ругательства Данталиона, который уже переключился на Гилберта.

Пайпер постаралась заблокировать весь шум и абстрагироваться от чужих взглядов, сосредоточившись лишь на руке дяди Джона на своём плече. Но тут Данталион нагнал их, поравнялся с ней и, всё так же нагло ухмыляясь, заявил:

— Докажи, что ты достойна своего имени, и можешь рассчитывать на поддержку моих вампиров.

Он развернулся к ней лицом и, пройдя несколько шагов спиной вперёд, подмигнул. Пайпер не удержалась и поморщилась. Данталион рассмеялся.

— Она мне нравится!

— Данталион, пожалуйста, води себя прилично, — попросила Шерая.

— Дашь попробовать свою кровь — буду.

— Он не настолько ужасен, как может показаться, — подал голос дядя Джон, снова потрепав Пайпер по плечу. — Наглый и шумный, иногда дикий, но сильный и преданный нашему делу. Не бойся. Он тебя не обидит.

— Он смотрел на меня, как на обед, — хмуро возразила Пайпер.

— Он просто хочет попробовать твоей крови, — пояснил Гилберт так, будто это было абсолютно нормально. — Она... ну, грубо говоря, пахнет и впрямь привлекательно. Особенно для него. Но не волнуйся, кусать без предупреждения он не будет. Не настолько уж он и сумасшедший.

— Я всё слышу! — крикнул Данталион, уже оторвавшийся от них на пару метров, не меньше.

— Просто... себе на уме, — как ни в чём не бывало продолжил Гилберт. — И ведёт он себя так только ради того, чтобы защитить свой клан.

— Бей первым?.. — неуверенно предположила Пайпер.

— Нет, он ни разу ни на кого не напал без причины или ради защиты другого. Но не все в Коалиции понимают, что вампиры — не тёмные создания, и считают их опасными, не принимают. Вот Данталион и привлекает внимание к себе, чтобы все удары сыпались только на него.

— Вы закончили восхвалять его? — встряла Шерая, а Данталион снова крикнул:

— Мне нравится, пусть продолжают!

— Опаздывать — дурной тон, — невозмутимо продолжила она, не обратив внимания на вмешательство мужчины. — Живо в зал собрания!

Пайпер с сомнением покосилась на Гилберта.

— Ты точно её король?

— Иногда я в этом сомневаюсь.

— Марш! — чуть ли не рявкнула Шерая.

Гилберт мгновенно ускорился, догнал её и, ничуть не отвлекаясь на внимание посторонних, заговорил о чём-то. Пайпер же, как ни старалась, не могла не отмечать практически каждый взгляд, брошенный в её сторону. Не в сторону их небольшой компании, именно её: все эти люди, проходившие мимо, как стервятники ловили её неуверенность, растерянный взгляд, отмечали, как она шла, прижавшись к боку дяди Джона, как схватила Кита за руку и заставила его идти с правой стороны, немного прикрывая её. И большинство из них шептались.

— Господина Данталиона заинтересовала её кровь.

— Способный маг?

— Искательница. Её привёл господин Сандерсон.

— Почему они так её опекают?..

— Магия у неё какая-то странная...

Пайпер зажмурилась, молясь, чтобы они все замолчали. По коридору, с двух сторон которого высились колонны, вокруг которых странными узорами вилась цветная плитка, они шли ещё с минуты, не больше, и в конце концов остались одни. Пайпер запрокинула голову, выды-

хая, и споткнулась, заметив на высоком потолке картины — такие же зачарованные, как в галерее Гилберта, но крупнее, масштабнее, таинственнее. Яркие линии переплетались между собой в эфемерные силуэты, вспыхивали гранями настоящего оружия, складывались в очертания зданий с высокими шпилями, лесов и гор. Ей показалось, что среди всей этой неразберихи промелькнула фигура в сияющих золотом доспехах, в руках которой был точно такой же меч.

— Это...

— Довольно простые чары, — отозвалась Шерая, даже не обернувшись, но точно определив, что так удивило Пайпер. — Легко выучишь.

— Это что, правда рыцарь?..

— Вообще-то, Эквейс, — с видом знатока исправил Кит, подняв указательный палец. — Первый, кто стал Правой Рукой в Кэргоре, святой рыцарь, после смерти переродившийся в бога и ставший покровителем всех воинов.

— В зале Истины полно таких картин, — добавил дядя Джон. — Они напоминают сигридцам, ради чего они сражаются и что боги всегда на их стороне.

Пайпер решила не спорить, напоминая, что совсем недавно дядя Джон признался, что не очень-то верит в сигридских богов.

— Настоящие алтари могли приманить демонов, а секретность местоположения зала Истины — один из ключевых факторов безопасности, так что сигридцы отдают дань уважения богам и восхваляют их через искусство. Боги любят искусство, — протараторил Кит.

— А ещё их любит король Джевел, — будто между прочим произнёс дядя Джон. — В его дворце куча мест, посвящённых разным богам. Посмотришь, когда тебя пригласят.

— Когда? — недоверчиво переспросила Пайпер, в глубине души ещё наивно надеясь на «если», а не ультимативное «когда».

— С ним проще, чем с принцем Джулианом, — подхватил Кит, — так что не переживай. Он даже собрания редко посещает, предпочитая заниматься своими делами.

— Но вот своей капризностью он может сравниться с королевой Ариадной, — добавил Гилберт, а Пайпер только и успевала, что переводить взгляд с одного на другого, ухватывая суть сказанного. — Она любит, когда ей выказывают уважение и почтение. И всегда помни, что её глаза прекраснее самих драгоценностей, и не стесняйся лишний раз сделать им комплимент. Но также не смотри слишком пристально, иначе она захочет заглянуть тебе в душу. В буквальном смысле.

— А ещё она часто опаздывает, — подключилась Шерая, — но ненавидит, когда опаздывают другие.

— Боже, да хватит! — не выдержала Пайпер. — Вы не помогаете, только путаете и пугаете. Можно мы уйдём? — жалостливо спросила она у дяди Джона. — Я передумала, не нужны мне никакие ответы.

Он мягко улыбнулся ей.

— Не волнуйся, всё не так уж и страшно. Я же рядом, да и правила очень простые...

— Со старейшинами старайся лишний раз не спорить, — перебил его Кит.

— Когда обращаешься к королеве Ариадне, всегда говори «Ваше Величество», — напомнила Шерая.

— К королю Джевелу можно просто по имени, он формальности не любит. А вот Джулиан даже слушать не станет, если забудешь обратиться должным образом, — сказал Гилберт.

— На шутки Данталиона не обращай внимания, — добавил Кит, а Шерая перехватила инициативу:

— Ты, возможно, в конце концов почувствуешь, как магия будет касаться тебя. Это барьеры и чары, маскирующие и защищающие зал Истины.

— Хватит! — ещё громче повторила Пайпер. В её голове не уложилось даже первое предостережение, затерялось где-то между шёпотом незнакомцев и объяснениями о характере

зачарованной картины на потолке, не говоря уже о всех остальных. — Просто... прекратите. Хватит.

Кит непринуждённо пожал плечами и молча проскользнул через приоткрытые двери в конце коридора, в которых секундой раньше скрылся Данталион. Шерая ещё немного изучала Пайпер, но ничего не сказала. Гилберт бросил на неё виновато-смущённый взгляд и, неловко, в явной попытке ободрить улыбнулся, исчезнув в зале собрания.

Пайпер несколько секунд стояла у входа, стараясь не смотреть на двух мужчин, замерших по обе стороны от дверей. Всё в них вызывало в ней отторжение: неподвижность, прямые взгляды, настоящие мечи на поясе, одежда — не настоящие доспехи, но их части, плавно изогнутые пластины, красующиеся на тёмной кожаной одежде.

Интересно, знали ли они, кто она такая.

Встретившиеся им по пути к залу собраний люди, очевидно, не знали. Значит, слухи ещё не разползлись, но Пайпер не знала, хорошо это или плохо.

Ей просто хотелось сбежать отсюда.

— Всё будет хорошо, — тихо произнёс дядя Джон, в последний раз сжав её плечо, — не бойся. Неважно, кого они все ждут. Ты — это всё ещё ты, Пайпс.

Она понятия не имела, кем являлась на самом деле.

Дядя Джон чуть шире распахнул двери, пропуская её. Пайпер помедлила мгновение, позволяя себе оттянуть неизбежное, но переступила порог.

В центре небольшого зала, стены которого были скрыты за панелями светлого дерева, стоял длинный лакированный стол — несколько человек уже сидели на своих местах, другие, отойдя в сторону, тихо переговаривались. Белоснежные колонны держали потолок, также расписанный зачарованной картиной, изображавшей медленно встающее солнце. Яркая, многоуровневая люстра со множеством лампочек, замаскированных под старинные свечи, освещала весь зал. Окон здесь не было, но откуда-то тянуло приятной прохладой. В разных концах зала на постаментах стояли статуи: женщина в платье, лицо которой было закрыто маской, напоминающий птичий клюв, и мужчина в доспехах и поднятым мечом.

Пайпер поняла, что засмотрелась, лишь когда дядя Джон взял её под локоть и указал на место рядом с молодой девушкой с длинными чёрными волосами. Лучезарно улыбнувшись им, будто приветствия, она продолжила перекачивать между пальцами крохотные шарики насыщенно-зелёного света, с которых при каждом движении сыпались искры. Напротив неё опустился Гилберт, Шерая, коснувшись его плеча, отошла к стене, у которой замерли девушка с парнем. Такие схожие ростом, лицом и телосложением, — хотя парень всё же был куда шире в плечах, — что Пайпер на секунду решила, что у неё двоится в глазах. Одинаковые, слегка вытянутые лица, родинка под левым уголком губ, серые как грозовые тучи глаза и пшеничные волосы, у девушки собранные в хвост, а у парня коротко остриженные и небрежно причёсанные. Одежда на них была та же, что и у охранников у дверей, или кем они там были: чёрная кожа, пластины, но уже бронзовые, а не стальные, ремни на груди, поясе и бёдрах.

— Это Эрнандесы, — шепнул дядя Джон, усаживая растерянную Пайпер на свободное место, а после и сам сел рядом, по правую сторону одного из главных мест.

Парень скользнул по ней внимательным взглядом, сузив глаза, при этом кивая на слова Шераи. Девушка бесцеремонно пихнула его под локоть, он перехватил её руку, чуть сжимая, из-за чего она заворчала, и наконец оторвал от Пайпер взгляд.

Что там ей говорили про Эрнандесов?..

От волнения она всё забыла.

По правую руку от Гилберт бесцеремонно упал Данталион — Пайпер была готова поклясться, что он едва подавил в себе желание закинуть ноги на стол. Рядом с ним расположился темнокожий коренастый мужчина, совершенно лысый, с понимающей улыбкой отвечавший на слова вампира.

Во главе стола, возле дядя Джона, сидел сухонький лысый старик в костюме, который висел на нём, как на вешалке, молочными глазами рассеянно водивший из стороны в сторону. Поверх глаз крест-накрест шёл жуткий шрам, и хотя старик вряд ли видел, Пайпер всё же резко отвернулась, решив, что пялиться как минимум неприлично.

Напротив него сидел другой старик, зло шурящийся, а рядом с ним — мужчина, лениво обходящий зал взглядом светло-зелёных. Его каштановые волосы были украшены венком из переплетённых серебряных листьев и тонких ветвей, острые, более длинные, чем у Луки, уши слегка дёргались, когда кто-то немного повышал голос. Пайпер решила, что это и есть король Джевел, хотя серый деловой костюм делал его больше похожим на офисного работника, чем короля настоящий эльфов. За его спиной, чуть ближе к стене, стояла молодая невысокая девушка со светлыми волосами, часть которых была сплетена в тонкие косички. Её голубые глаза изучали зал с куда большим вниманием, чем это делал король Джевел, но на Пайпер ни разу не остановились.

Её сердце, тем не менее, забилося с удвоенной силой. Сидящий напротив Гилберт сощурился, будто почувствовал это, и молча выгнул бровь. Пайпер покачала головой, отказываясь отвечать, и Гилберт отвёл взгляд. Зато Данталион смотрел всё так же пристально и будто ждал, когда она посмотрит в ответ. Несколько секунд она исключительно из упрямства сверлила взглядом стол, но, не выдержав, зло посмотрела на вампира. Он послал ей воздушный поцелуй и вернулся к разговору с женщиной рядом — только теперь Пайпер разглядела, что уши у него тоже были острыми, как у короля Джевелы.

Она обернулась к Киту, который замер место за стулом дяди Джона, и получила от него только сочувствующую улыбку.

Замечательно.

Волнение Пайпер только нарастало, уничтожая остатки с трудом накопленной уверенности.

«Идиотка, — осадил она себя, спрятав задрожавшие ладони между коленей. — Зачем сюда рвалась? Надо было просто в библиотеке особняка всё искать...»

«Разве?» — отозвался чужой шёпот в её голове.

Пайпер ошарашенно округлила глаза.

Какого чёрта?..

«Черти, говорят, порождения тёмных созданий, так что не вспоминай их, будь добра, — ласково отозвался шёпот. — И помни, зачем мы здесь. Всё ради свободы и победы».

Пожалуй, это был первый раз, когда ей удалось разобрать в бессвязном бормотании так много. Но голоса она не узнала: Лерайе или тот сакри, так и не назвавший имени?..

Или кто-то совершенно другой?

Голос утих, и никто больше не перекрывало звуков реального мира. От досады Пайпер заскрипела зубами.

Один из стариков, наконец дождавшись, пока все займут свои места, громко кашлянул. Второй, рассеянно забормотав себе под нос, прочистил горло и взял слово:

— Думаю, теперь мы можем...

— Ах, прошу прощения!

Старик вздохнул так, словно совершенно не возражал, что его так бесцеремонно перебили, и медленно повернул голову к опоздавшей. Первый старик раздражённо заворчал:

— Владение чарами заняло место вашей пунктуальности?

— Не начинай, — бросил ему Данталион.

Опоздавшая женщина прошла к свободному месту по левую руку от Гилберта и грациозно опустила, ослепительно улыбаясь.

У Пайпер отвисла челюсть.

Эта женщина была *восхитительной*.

Идеальная фигура с великолепными формами, ровная оливковая кожа, буквально сияющая здоровьем, длинные волосы, каштановые, волнами спадающие на плечи и спину. Длинное платье аквамаринового цвета обтягивало её фигуру, полупрозрачные рукава открывали изящные руки, а глубокое декольте привлекало внимание. На шее, запястьях, в ушах и волосах женщины мерцало золото. Большие глаза того же аквамаринового оттенка, что и платье, обрамлённые густыми длинными ресницами, смотрели с искренним интересом, пухлые губы растянулись в приветственной улыбке. Изящество, с которым женщина поправила волосы и сложила перед собой руки, переплетая украшенные кольцами пальцы, хватило, чтобы Пайпер мгновенно ощутила себя жалкой и невзрачной. Она-то явилась на собрание в джинсах и толстовке, — благо, что чистых, только из шкафа, — и никто не сказал ей выбрать что-то более презентабельное. Ну что за идиотка.

За спиной женщины, переглянувшись с Эрнандесами, остановились двое молодых людей в одинаковых белых пиджаках. У одного из них, с неестественно яркими фиолетовыми глазами и бледной кожей, белые волосы были собраны в короткий хвост; второй, синеглазый, ладонью пригладил нежно-голубые локоны. Поймав взгляд Пайпер, он улыбнулся.

— Не пялся так откровенно, — услышала она тихий голос черноволосой девушки, сидящей рядом. — Феи любят, когда ими восхищаются, а не тупо таращатся.

Пайпер с огромным усилием отвела глаза, и как только перестала смотреть, выдохнула. Что за чертовщина?..

— Это рекорд, — подал голос Данталион, нарушив молчание. — Ты сегодня очень рано.

— Милый мой, — промурлыкала женщина, почему-то игриво пробежав пальцами по плечу Гилберта, на что он никак не отреагировал, — я не могла пропустить встречу, которая войдёт в историю. Тебе, пьющему кровь тварей, этого не понять.

— Когда-нибудь я и твою кровью выпью.

— Не раньше, чем я тебе зубы выбью, — вмешался Гилберт. То ли ему не нравилось, что через него грызлись, то ли он действительно хотел защитить женщину. Пайпер ничего не понимала. Но, вновь посмотрев на неё, она ощутила то же желание, практически болезненный импульс, едва не побудивший её тоже огрызнуться на Данталиона.

«Сопrotивляйся», — шепнул голос в голове.

— Итак, — прокашлял старик, всё так же зло щуриющий глаза, — мы можем начать собрание?

— Не злитесь, господин Армен, — как ни в чём не бывало отозвалась женщина. — Трудно стерпеть присутствие этого твякающего щенка, когда он портит столь важную встречу.

— По крайней мере, — вмешался тёмнокожий мужчина с острыми ушами, — Ваше Величество может снять чары. Ну, знаете, чтобы собрание совсем ничего не портило.

На лице опоздавшей женщины, королевы Ариадны, отразилось, между идеальными бровями пролегла складка.

— Чары? — она повернулась к замершим за её спиной молодым людям и укоризненно произнесла: — Нокс!

— Прошу прощения, — с виноватой улыбкой отозвался парень с голубыми волосами. — И сам не заметил, как поддался искушению...

— Всего лишь маленькое недоразумение, — королева Ариадна, уже ничуть не раздражённая, всё такая же сияющая, тоже расплылась в улыбке. — Будь я послабее, тоже бы поддавалась этому странному порыву. Нокс вовсе не хотел зачаровывать милую девочку, всего лишь не сумел противостоять давлению её магии.

Пайпер моргнула, совершенно сбита с толку. Выходит, это она виновата?..

— Держите свои чары при себе, — проворчал господин Армен.

— Конечно-конечно, — елеинным голосом отозвалась королева.

Он ещё мгновение сверлил её взглядом, а она всё так же улыбалась — великолепная, красивая, притягивающая взгляд, но уже без той гипнотической силы, что заставила Пайпер восхищаться ею.

Значит, так действовали чары, которые этот парень, Нокс, наложил на неё, потому что поддался давлению её магии?

Более бредового объяснения Пайпер ещё не слышала.

— Что ж, если мы разобрались с этим, — подал голос второй старик, сохранявший ослабленное выражение лица, и посмотрел на Гилберта, — полагаю, можем начать.

— Поставьте ему зеркало и дайте пару минут, чтобы отрепетировать речь, — съязвил Данталион.

Королева закатила глаза.

— Ох, прошу тебя, заткнись.

— К твоему счастью, — невозмутимо начал Гилберт, сложив перед собой ладони, — я разбираюсь в деле лучше, чем ты, но спасибо за заботу. Приятно лишний раз убедиться, как ты меня любишь.

— Неужели нужно так тянуть? — уточнила королева, пока Данталион, сжав зубы, протянул к горлу Гилберта пальцы и сжал всего в сантиметре от кожи, будто угрожая. Дядя Джон уже хотел взять слово, но королева, опередив его, вздохнула. — Я к тому, Джонатан, милый, что будь она хоть трижды твоей драгоценной племянницей или даже следующей владелицей нашего Сердца, я не собираюсь ждать слишком долго. Я здесь, чтобы познакомиться с Первым сальватором этого мира. Ну-с, и долго ты ещё будешь молчать, дорогая?

— Королеве лучше отвечать сразу, — шёпотом подсказала сидящая рядом с Пайпер девушка, — но ты можешь подождать. Ты поважнее будешь.

— Дорогая? — не унималась королева. — Боги милостивые, Джонатан, чем вы с Гилом так запугали бедную девочку, что она рта боится открыть?

— Я её ничем не пугал, Ваше Величество. Но если учесть статус моей племянницы, отвечать вам она не обязана.

«Ой», — только и успела подумать Пайпер.

Королева, однако, ничуть не оскорбилась. Наоборот, будто воодушевилась, столкнувшись с сопротивлением и дерзостью, и с ещё большим предвкушением впилась в Пайпер взглядом.

Почему-то сейчас Гилберт не вступался, не переводил внимание на себя, не давал никаких подсказок. Просто сидел, сложив ладони, и смотрел на Пайпер. Что-то в нём, не считая этого терпения, было не так.

Может, она бы поняла, что именно, если бы, наконец, начала чувствовать свою магию так, как об этом говорили все вокруг. К тому же она так и не получила ответов на вопросы, касающиеся Гилберта. Она до сих пор не понимала, был ли он настоящим королём, а если и был, то как долго длилось его правление в Сигриде, если он вообще успел взойти на трон. О Ребнезаре она тоже ничего не успела найти, дядю Джона и Луку не расспрашивала, только записывала свои вопросы в блокнот.

От Гилберта явно тянуло чем-то, что не принадлежало земному миру. Чем-то, что отличало его и от других сигридцев, но понять этого Пайпер никак не могла. Куда серьезнее сейчас, чем ещё час назад, он не казался ей таким уж важным человеком, который занимал высокий пост. Всего лишь её ровесник — она бы и не обратила на него внимания, если бы встретила на улице.

Молчание затягивалось. Гилберт всё так же смотрел на неё, давая ей возможность начать собой, как и королева жадно следила за тем, как Пайпер усиленно держала зрительный контакт с ним. Спор, который, казалось, мог вспыхнуть из-за мелочи, утих.

Пайпер себя не понимала. Она так рвалась сюда, так хотела получить ответы на свои вопросы. Но, уже оказавшись среди людей, которые точно могли их дать, молчала, не способная собраться с мыслями.

«Спроси о северном заклятии», — подсказал чужой-знакомый голос шёпотом.

Пайпер лишь слегка свела брови, а взгляд Гилберта тут же изменился. Королева Ариадна, вопреки ожиданиям Пайпер, вовсе не закатила истерику из-за отсутствия ответа на свои слова и более чем достойного представления Первого сальватора.

Гилберт сощурился, смотря на неё, и будто собирался что-то сказать.

— Я хочу знать о северном заклятии, — выпалила Пайпер, удивив в первую очередь саму себя.

Данталион фыркнул, сложил руки за головой и откинулся на спинку стула. Дядя Джон настороженно покосился на неё, а королева Ариадна, улыбаясь, протянула ладонь к Гилберту и ласково потрепала его по чёрным локонам. Он не отстранился, ничего не сказал, даже не вздрогнул — всё так же смотрел на Пайпер, чуть сощурившись, словно пытался залезть к ней в голову и понять, откуда у неё появилась эта мысль.

— Откуда ты знаешь о нём? — всё же спросил Гилберт, лёгким движением всё-таки отстранив ладонь королевы Ариадны.

— А я любопытная, — ответила Пайпер без раздумий. — И хочу знать, что это такое.

— Миф о божественной каре, которую когда-то очень давно наслали на великанов и мой народ.

Ей казалось, он будет ломаться хотя бы минуту.

Дядя Джон, что показалось странным, вопросительно посмотрел на Гилберта, будто ждал продолжения. Гилберт же, натянув улыбку, смотрел только на Пайпер.

— Ещё вопросы будут?

— В чём суть этого... заклятия?

— История не слишком приятная. Позволишь рассказать позже? Не хочу заливаться слезами перед всеми.

Данталион громко рассмеялся, но его никто не поддержал. Гилберт, тон которого был откровенно саркастичным, в лице не изменился.

— Это уже интересно, — пробормотала королева Ариадна. — Сальватор, которая знает то, что наш дорогой птенчик прячет глубоко в себе. Откуда, милая?

— Пожалуйста, не называйте меня так.

Шёпот, всё такой же неразборчивый, уже не сбивал с толку, не напрягал, а будто придавал уверенности, всё продолжая повторять всего два слова. Пайпер, впрочем, сомневалась, что Гилберт ответит на её вопросы, если она будет настаивать, сейчас — обязательно ведь поинтересуется снова, откуда она знает о северном заклятии, а она не сможет объяснить. Пайпер сама не понимала, почему слушала этот шёпот, верила ему и хотела сохранить в тайне от других.

Решив расспросить об этом позже, — как минимум в момент, когда Гилберта удастся загнать в угол, а Шерая не сможет прийти на помощь, — Пайпер, наконец, представилась:

— Меня зовут Пайпер.

— О, я знаю, — восторженно проворковала королева фей. — И я бы сказала, что вижу в тебе Йоннет, но это будет нечестно по отношению к тебе. И всё же, если тебе вдруг этого захочется, скажи.

Пайпер сильно сомневалась, что так случится, но исключительно из вежливости ответила:

— Я подумаю.

— Сообщи, когда будешь готова. Я пришлю тебе приглашение на один из своих вечеров. Хочу познакомить с моими чудесными наследниками.

Об этом Пайпер думать уже не хотела.

— Не выбрало ли Сердце кого-нибудь нового? — добродушно поинтересовался один из стариков, тот, что был со шрамом на молочно-белых глазах.

— Это господин Илир, — услужливо подсказала соседка Пайпер.

— Не лезь ты с этой ерундой, старый хрыч, — отозвался Данталион, — мы здесь не ради её шутов, а ради сальватора.

— Девочка уже представилась, — спокойно подал голос король Джевел. Пайпер убедилась, что это именно он, когда её соседка снова представила его шёпотом. — И обстоятельства её первого столкновения с демонами мы уже знаем, так зачем мучить её, заставляя пересказывать их? Не лучше ли прямо сказать, что госпоже Сандерсон требуется от нас?

«Наследство, — вновь зашептал голос в её голове. — Спроси про наследство».

«Какое, нахрен, наследство?»

«То, что угасает, пока их богов держат на стреле. Не забывай, ради кого мы здесь».

Пайпер не увидела связи между двумя предложениями, собиралась и вовсе проигнорировать их, спросив совершенно другое, но с губ будто сами собой сорвались иные слова:

— Я хочу знать, за что Третий сальватор был вычеркнут из истории.

На самом деле ей хотелось отказаться от своих слов, забиться в угол и исчезнуть, но исключительно из упрямства Пайпер не дрогнула и не отвела взгляда, внимательного, прожигающего, который показал бы всем собравшимся, что, если потребуется, она будет постоянно надоедать им этим вопросом.

Пусть Третьего называли Предателем из-за того, что он сделал, он был сальватором. Пайпер имела право знать, что случилось.

И, возможно, ей было немного интересно, как сигридцы будут избегать этого разговора и как скоро поймут, что она способна делать всё наперекор их словам и желаниям из простой упёртости.

Нет истории о прошлом сальваторе — нет и нынешнего сальватора.

— Откуда ты знаешь о Третьем? — спросил безымянный эльф.

Краем глаза Пайпер заметила, как Кит напряжённо сглотнул. Первым о Предателе сказал именно он — намеренно или случайно, но всё же. Неужели боялся, что Пайпер его выдаст?..

— Лерайе сказала.

Об этом они уже знали, так что не было смысла скрывать.

— Лерайе? — удивлённо переспросил господин Армен.

— И давно она с тобой говорит? — уточнил Гилберт с недоверием.

— С сегодняшнего утра, — соврала Пайпер. — Раньше повторяла то, что я говорила, а теперь вот... Про Третьего сказала. Она же сакри, наверное, лучше понимает, о чём я должна узнать.

Не сумев удержать себя от соблазна, Пайпер улыбнулась со всем очарованием, надеясь, что выглядит достаточно невинно. Дядя Джон её, конечно же, раскусил — нахмурился, покосившись на неё, но ничего не сказал.

— Тебе в подробностях? — не дав никому даже осмыслить услышанное, спросил Данталион. Он всё же закинул ноги на стол, скрестил руки на груди и с вызовом смотрел на Пайпер.

— Для начала можно и в общих чертах.

— Данталион, — тихо предостерёг господин Илир и наверняка хотел продолжить, однако господин Армен перебил его, забрюзжав:

— Неслыханная дерзость! Чтобы тёмное создание, великодушно принятое нами, так рвалось рассказать о Предателе!

Данталион резко поднялся, ударив ладонями по столу.

— Ещё раз назовёшь меня демоном, — прорычал он, — и я вырву твоё сердце, чтобы сжечь его в дар Ночи.

— Ну что вы, что вы, — снисходительно рассмеялся господин Илир, — не нужно ссориться. Нет ничего страшного в том, что госпожа Сандерсон желает знать об этом. Её любопытство совершенно разумно.

— Он мне нравится, — пробормотала Пайпер дяде Джону.

— Если никто не желает брать на себя это бремя, его возьму я. Госпожа Сандерсон, навестите меня, чтобы я за чашечкой чая рассказал о Предателе?

Он повернулся, посмотрел точно на неё, и Пайпер вздрогнула — он что, и правда видел? Но ей казалось, что эти шрамы...

— Конечно, господин Данталион, — вместо неё ответил дядя Джон, едва ощутимо пихнув её ногой.

— Ну да, — выпалила Пайпер. — Чай я люблю.

— Вы не против, мой мальчик? — миролюбиво уточнил старик у Гилберта.

Тот нахмурился и долго сверлил Пайпер взглядом исподлобья, отчего ей стало неуютно. Выходит, любые разговоры о Третьем ему не нравятся настолько, что одно его упоминание срывало с Гилберта всю учтивость.

Отлично, ещё один пункт её бесконечного списка дел: узнать, что Третий успел сделать Гилберту.

— Главное, чтобы вы не нарушили закона, господин Илир, — наконец ответил Гилберт.

— Ох, конечно, конечно, уж я-то помню про закон! — засмеялся старик. — Скажу Твайле, чтобы она испекла печенье...

— Супер, — грубо перебил его Данталион, — этот вопрос решили. Что дальше? Запланируем ей посещение очередного модного показа у фей?

— Ты, маленький паршивец...

— Могу я задать Первой вопрос? — спросил король Джевел, прерывая злобный шёпот королевы Ариадны.

Лишь спустя мгновения, когда дядя Джон снова пихнул её ногой, Пайпер поняла, что слова мужчины не были формальностью. Он и впрямь уточнял, может ли задать вопрос. Пайпер, язык которой вдруг стал слишком тяжёлым, торопливо закивала.

— Вы в состоянии почувствовать кого-либо из сальваторов или сакрифициумов сейчас? Из неё вырвался дикий смешок, который она тут же заглушила ладонью.

«Следи за порталами».

Советчик из обладателя этого шёпота был отвратительный.

— Не знаю, — честно ответила Пайпер, чувствуя неловкость из-за того, что никто даже не отреагировал на её маленький срыв. — Нет, наверное. Я только знаю, что у меня за магия... наверное.

— Сила, — с улыбкой произнёс безымянный эльф, будто приходя ей на помощь. — Знакомое чувство.

— Что, простите?..

— Сила Лерайе. Я помню, как она ощущалась, — учтиво продолжил мужчина, а мгновением позже опомнился: — Прошу прощения, забыл представиться. Сионий, бывший наследник Движения Рейны и друг Масрура.

Пайпер будто по голове ударили.

Тот самый Сионий, о котором ей говорил второй сакри, явившийся в особняке?..

Она без конца повторяла его имя, уже не разбирая, где её мысли сплетаются с шёпотом, звучит ли тот на её же языке или другом. Сионий с лёгкой, будто бы даже ласковой улыбкой смотрел, как она пытается сформулировать вопрос, открывает и закрывает рот, и всё для того, чтобы удивлённо вскинуть брови, когда она нервно брякнула:

— Что, тот самый Сионий?

— Тот самый, — со смехом подтвердил он.

— И много вы знаете о Силе?

— Меньше, чем о Движении Рейны, но обещаю, что расскажу всё, что мне известно. Помнится, Йоннет как-то говорила, что Силу можно применять по-разному, в отличие от того же Слова: даровать её другому, поддерживая, или защитить себя, укрепив тело и разум...

— А Движение? — бесцеремонно перебила Пайпер, не обратив внимания на внимательный взгляд короля Джевела, которому явно не понравился её уклончивый ответ на вопрос. — Что это такое?

— Магия, которую дарует Рейна, очевидно же. К слову, — Сионий перевёл взгляд на господина Илира, — след Движения был оставлен на теле Баурона, причём до того, как его убили.

— Позже, Сионий, — вмешался господин Армен, часть его слов Пайпер пропустила мимо ушей, когда её соседка, наклонившись ближе, зашептала:

— Баурон — это искатель с кровью фей, пропавший пару недель назад. Он был обнаружен на границе Тайреса с магическими следами, которые долго не удавалось распознать. Искателям повезло, что к делу подключился Сионий и смог отследить Движение.

— Разве госпожа Сандерсон не может определить, связана ли с этим Рейна? — начал рассуждать король Джевел вслух. — Помнится, тот след, оставшийся на Джонатана и Дэниеле, тоже был связан с магией сальваторов.

— Если девочка не знает, как работает её магия, то она ничего не сможет сделать, — возразила ему королева Ариадна.

— Так обучите же её, бестолочи вы! — раздражённо выпалил господин Армен.

Нет, он всё-таки не нравился Пайпер.

— Если позволите, — вновь привлёк к себе внимание Сионий, — я с радостью дам ей несколько уроков. Думаю, и истории о Масруре ей будут интересны не меньше.

— Я свяжусь со Стефаном и попрошу его о помощи, — добавил Гилберт. — Если и Марселин согласится, то всё пройдёт гладко.

— Но Марселин сейчас занята, — забормотала соседка Пайпер, закусив ноготь на большом пальце. — Да и Стефан... Где он вообще шляется, а?

— Один из уроков проведём в моём дворце! — с мечтательным вздохом предложила королева Ариадна. — У нас много книг и реликвий, которые помогли бы девочке. О, а мои наследники!..

— Эй, погодите!

Большого сказать Пайпер не успела. Черноволосая девушка, сидящая рядом, и Шерая одновременно схватились за головы и закричали.

Гилберт бросился к Шерае, подхватывая её под руки, чтобы она не упала, Кит — к соседке Пайпер. Эрнандесы, как и пришедшие с королевой Ариадной молодые люди, напряглись.

Паника сдавила горло Пайпер.

— Мои барьеры пали, — процедила Шерая сквозь зубы, одной рукой массируя виски, а другую уже вытянув в сторону, будто собиралась открыть портал.

— Мои тоже, — прохрипела девушка. — Мальчик в опасности.

Дядя Джон с руганью подскочил на ноги.

— Ноктисы рядом, — продолжила девушка, — и с ними несколько разумных демонов.

Пайпер в оцепенении смотрела, как дядя Джон, ничего не сказав, не удостоив её даже взглядом, обогнул стол и вместе с Эрнандесами скрылся в портале, который Шерая и впрямь открыла прямо здесь. Пайпер поднялась, схватившись за край стола, чтобы не упасть, и сделала было шаг, как Шерая сказала:

— Лучше останься здесь.

Стиснув челюсти, чтобы в панике не выпалить ругательства, Пайпер перевела взгляд на Гилберта, но и он уже исчез в портале. Шерая последовала за ним.

— Что происходит? — не выдержала Пайпер, схватив черноволосую девушку за руку. — Куда они?

Девушка подняла голову. Несколько прядей упали ей на лицо, и сквозь них отчётливо магией светились глаза — зелёные, как сочная зелень.

— Демоны, — выдавила она, поморщившись от боли. — Демоны пришли за твоим братом.

Глава 10. Имей б

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.